

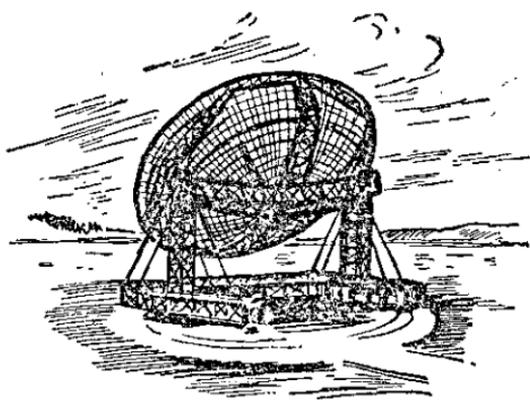
Б. ФРАДКИН

**ТАЙНА
АСТЕРОИДА И7-03**

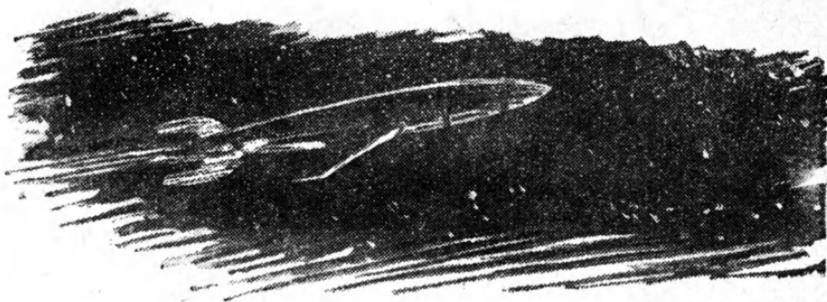
БОРИС ФРАДКИН

ТАЙНА АСТЕРОИДА 117-03

Научно-фантастическая повесть

*Молотовское книжное издательство
г. Молотов — 1956 г.*

*Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна...*

М. В. Ломоносов.

1. Астероид 117-03

Профессор Алексей Поликарпович Чернов уже потянулся к рукоятке на пульте, чтобы выключить астролокатор, когда его внимание привлекла незнакомая мерцающая точка на экране.

— Продолжайте фотографирование, — приказал он механику и, повернувшись к девушке, которая вела протокол наблюдений, добавил: — Зарегистрируйте астероид под номером 117-03 в районе созвездия Андромеды.

Светлана Подгорных не сразу разыскала крошечную желтую искорку среди рассыпанных на черном поле ярких звезд. Профессора Чернова недаром называли «охотником за астероидами», этими небесными обломками, которые в огромном количестве вращаются вокруг Солнца между орбитами Марса и Юпитера.

Самый большой из них называется Церерой, по имени мифической богини-покровительницы острова Сицилии, где жил первый охотник за астероидами итальянец Пиацци. Церера, в сущности, маленькая планетка. Она имеет семьсот семьдесят километров в поперечнике. Несколько меньше Паллада: ее диаметр четыреста девяносто километров. Но

таких больших астероидов всего четыре, размером меньше километра в поперечнике их несколько сот, а с поперечником в сто метров астероидов насчитывается свыше пятидесяти тысяч. Более мелкие обломки не поддаются никакому учету, они мчатся целыми тучами, потоками.

Наблюдения за столь небольшими космическими телами представляют серьезные трудности. Разыскать в пространстве стометровый осколок не под силу даже самому мощному оптическому телескопу. Это смог сделать только астролокатор.

Еще труднее не потерять такой найденный осколок из виду, снова найти его в предполагаемом месте через день, через два. Под действием притяжения больших планет, в особенности Юпитера, траектории астероидов непрерывно меняются. Это явление астрономы называют «возмущениями».

Чтобы предугадать положение астероида на день, на месяц, на год вперед, нужны длительные, непрерывные наблюдения, нужно построить сложный математический расчет — вычислить эфемериду. К числу ученых, наиболее упорно работавших над получением эфемерид, относился и профессор Чернов.

Какой смысл заключается в вычислении траекторий ничтожно малых небесных тел? Для чего вообще нужна эта утомительная охота за десятками странствующих вокруг Солнца обломков?

«Возмущения» в орбитах астероидов когда-то послужили для вычисления масс больших планет: Юпитера, Марса, Сатурна. Теория возмущений помогла изучить движение электронов в атоме и создать теорию атома, а в итоге овладеть новым видом энергии.

Астероиды помогают ученым решить вопрос о происхождении комет и «падающих звезд» — метеоритов, оставляющих в ночном небе короткий огненный след.

Наконец, падающие на Землю метеориты приносят ученым образцы материала, из которого построена вселенная.

После окончания физико-математического факультета Чернов посвятил себя астрономии. Его увлекли поиски малых небесных тел. Обладая отличными вычислительными способностями, вооруженный самой современной наблюдательной техникой, он пополнил каталог перекаатовской обсерватории новыми сотнями открытых им астероидов. Вычисленные им эфемериды послужили прекрасным материалом для исследователей-атомистов. Эфемериды стали темой его

докторской диссертации. В конечном счете наблюдения над астероидами натолкнули Чернова на более серьезные исследования: он взялся за решение задачи, над которой уже труднились виднейшие ученые-атомисты.

Если «возмущения» в движении небесных тел помогли, с одной стороны, познать происхождение галактик, понять тайну рождения комет и метеоритов, а с другой стороны, создать теорию строения атома, так не помогут ли они добраться до источника силы, которая управляет движением тел, составляющих вселенную? Короче говоря, профессор Чернов задался целью раскрыть суть силы тяготения.

Более трехсот лет назад, в 1666 году Исаак Ньютон сформулировал закон всемирного тяготения. Подчиняясь этому закону природы, всякое брошенное тело падает обратно на землю, Луна вращается вокруг Земли, а Земля — вокруг Солнца.

Сознательное использование закона тяготения позволило создать науку об артиллерийской стрельбе — баллистику, авиацию, решить проблему полета в космическое пространство, раскрыть закономерность движения космических тел.

И хотя закон всемирного тяготения знал каждый школьник, характер и причина возникновения этой силы оставались загадкой. Только по мере того, как человеческий глаз все глубже проникал внутрь атома и вглубь вселенной, возникала реальная возможность решить и эту величайшую загадку природы.

Наблюдения за астероидами для Чернова приобрели новый волнующий смысл. Вычисления траекторий, возмущений, эфемерид составляли в архиве обсерватории увесистые тома. Накопленный материал не оставался мертвым грузом. Результаты наблюдений соединялись в сводных графиках и давали пищу для размышлений.

Чернов работал над своей теорией неторопливо, методично, не оглядываясь на прошедшее время. Астероиды раскрывали перед ним все новые свойства силы тяготения. Прошло восемь лет трудной работы. И когда Алексей Поликарпович решил, что пора показать свое детище на свет, появился астероид 117-03.

— Зарегистрировали? — спросил Чернов.

— Да, Алексей Поликарпович, — почтительно ответила его юная помощница.

Год назад, после окончания Московского университета, Светлана Владимировна Подгорных получила назначение

в радиоастрономическую обсерваторию, только что выстроенную близ уральского городка Перекаатовска.

Светлана и прежде много слышала о профессоре Чернове. Она училась по его учебникам, осваивала его методику наблюдений. Попав же ассистентом к «самому» Чернову, девушка считала себя счастливейшим человеком. Чернов оказался словоохотливым и далеко не таким строгим каким представляла его себе Светлана. Во время наблюдений, не ожидая расспросов, он сам пускался в пространные объяснения, посвящая ассистентку в тонкости своего мастерства. В его голосе не было и тени раздражения, когда Светлана далеко не сразу постигала технику вывода эфемериды или путалась в управлении сложной аппаратурой. Ей почти не приходилось задавать вопросов. Алексей Поликарпович угадывал, в чем ассистентка испытывает неуверенность, и заботливо, с тактом, не задевая ее молодого самолюбия, исправляла допущенные промахи.

Профессор имел привычку жестикулировать во время разговора. Наблюдая за коротким взмахом плотно сжатого кулака, Светлана невольно побаивалась, как бы, забывшись, Алексей Поликарпович не проломил текстолитовую панель пульты.

С крупного мясистого лица профессора почти не сходила улыбка. Если же лицо его оставалось серьезным, продолжали улыбаться глаза.

За год совместной работы девушка не услышала от него ни одного резкого слова.

Ростом ассистентка приходилась Чернову по плечо, а тот и сам был невысок; хорошо еще, что не располнел от сидячей работы, как случилось с некоторыми его коллегами. Алексей Поликарпович любил все виды водного спорта: отлично плавал, играл в поло, ходил на веслах и под парусами. Для своего среднего роста он имел довольно объемистые легкие, развитую мускулатуру. Чернов любил одеваться легко, летом предпочитал парусиновый костюм, в теплую погоду обходился без пиджака, рубашки носил только с короткими рукавами.

Перед тем, как начать наблюдения, Алексей Поликарпович деловито устраивался в кресле, откашливался, подавался чуточку вперед или чуточку назад, примеривался, бросал быстрый взгляд на Светлану и разом клал обе руки на лимбы управления локатором.

Из кресла он мог уже не вставать часами.

Работа на локаторах велась по строго установленному графику, если только не возникали особые обстоятельства. С помощью перекаатовских астролокаторов изучалось строение солнечной короны, поверхности планет и их спутников, галактические туманности. Восемь ученых, не считая профессора Чернова, вели исследовательскую работу в перекаатовской обсерватории.

На следующий день луч астролокатора опять нащупал точку, едва мерцавшую в лучах Солнца. Астероид 117-03 имел совершенно ничтожную массу, всего каких-то двести десять тонн с килограммами. В этом смысле он не представлял интереса. Но у профессора давно уже выработалась привычка не делать исключений ни при каких обстоятельствах и не отступать от принятой методики наблюдений даже тогда, когда можно заранее предугадать их результаты.

Во втором часу ночи выяснилось, что скорость астероида 117-03 более чем втрое превосходит все известные Чернову скорости движения тел в пределах солнечной системы и достигает ста девяти километров в секунду. Профессор заворочился в кресле, произнес вполголоса: «Это еще что за фокусы?..» — и оглянулся на дежурного радиста, словно убеждаясь, что все его помощники находятся на своих местах.

Руки профессора не отпускали рукоятки управления локатором. Импульс за импульсом следовал в пространство — в сторону желгенькой точки. Отраженные астероидом импульсы возвращались, как опытные и дисциплинированные разведчики. Они разговаривали показаниями приборов. Каждые полтора часа Светлана вставала, проходила сквозь полумрак зала к высоким узким шкафам у стены и возвращалась к пульту с длинными бумажными лентами. Всматриваясь в замысловатые кривые, вычерченные самописцами на лентах, она принималась перебирать бесшумную клавиатуру счетной машины, установленной в пульте. На вытолкнутом из машины листе бумаги выстраивались колонки восьмизначных чисел.

В два часа ночи Чернов сказал:

— Нам удивительно повезло, Светлана Владимировна. Ничего подобного охотникам за астероидами открывать еще не приходилось. Сто девять километров в секунду! Притяжение Солнца тут совершенно ни при чем. Перед нами гость из Галактики. И какой гость! Наши местные астероиды в сравнении с ним черепахи. Но какая же сила придала ему

такую скорость? И продолжает ли эта сила на него воздействовать?

— Да, это действительно интересно, — Светлана старалась придать своему голосу как можно больше твердости: ее клонило в сон.

Алексей Поликарпович лукаво покосился на девушку, а когда она «клюнула», подставил палец под кончик ее носа.

— Ой! — Светлана вздрогнула.

— Значит, пора ставить точку. — Профессор выключил локатор и под потолком вспыхнула люстра из газосветных трубок. — Только не думайте, что отпущу вас домой. Перед сном полезно прогуляться. Не возражаете?

— Пожалуйста, пожалуйста.

Обсерватория стояла в густом сосновом бору на берегу светлой и глубокой реки. Взяв девушку под руку, Алексей Поликарпович зашагал прямо через лес по узкой, усыпанной хвоей тропинке. Луны не было, и Светлана ничего не видела под ногами.

— Желаете послушать, как в начале своей астрономической деятельности я открыл необычный астероид и принял его за космический корабль?

— Да, да, очень хочу.

Это была старая история, о которой умолчали газеты. «Открытие» молодого ученого наделало много шума в астрономических кругах. Астероид действительно оказался очень странным, но, как выяснилось позднее, представлял собой автоматическую ракету, заброшенную на высоту нескольких тысяч километров для исследования интенсивности космических лучей.

Светлана долго смеялась над рассказом Чернова.

Выведя ее на берег реки, Алексей Поликарпович предложил искупаться.

— Да ведь холодно же, — Светлана поежилась.

— Э, голубушка, зато усталость как рукой снимет. А я вот и зимой купаюсь, для меня специально прорубь делают.

Извинившись перед Светланой, Алексей Поликарпович разделся и прямо с обрывистого берега прыгнул в воду. Его движения были по-юношески легки и быстры. Выбирая полусогнутые руки сильными, короткими рывками, Чернов стал удаляться.

Тогда Светлана решительно сбросила платье. Она тоже прыгнула прямо с берега, вынырнула, отфыркалась, а потом, стараясь и тут походить на Чернова, поплыла вразмашку.

Они плыли рядом, переговариваясь вполголоса. Берега скрывались в ночной темноте, отражения звезд плясали в потревоженной поверхности реки. Недалеко от другого берега оба повернули обратно.

Одевшись, они посидели на берегу. Алексей Поликарпович вслух размышлял над особенностями астероида 117-03. Светлана осторожно вставляла свои замечания.

Наступал рассвет. На востоке светлело небо, а на фоне его все отчетливее проступали верхушки сосен. Ниточка облаков у горизонта из пепельно-серой превратилась сначала в белую, а потом, как металл над огнем, начала раскаляться, засветилась рубиновым светом, темножелтым, золотым.

— Спать. — Профессор вскочил на ноги и подал руку Светлане. — В четыре вечера мы снова должны быть у пульта. А впрочем, попробую уговорить Зеленка уступить нам часик-другой.

Они вышли из леса на асфальтированную улицу поселка. Трава и асфальт блестели от выпавшей росы. Было немножко прохладно, особенно после предрассветного купания. Светлана, одетая в легкое платье, поживалась. Чернов снял пиджак и набросил его на плечи девушки.

— Благодарю, — сказала Светлана.

Поселок еще спал. Спали и высокие липы, прикрыв своими ветвями черепичные крыши особняков.

Светлана жила в крайнем корпусе, Чернов через дом от нее.

— Заходите, Алексей Поликарпович, — пригласила она профессора, — чаем угощу.

— А что ж, — согласился Чернов, — пожалуй, и зайду. Все равно дома меня, холостяка, никто не ждет и завтрака не приготовит.

Девушка долго не могла попасть ключом в замочную скважину.

— Да вы, голубушка, совсем спите, — отбирая ключ, сказал профессор, — а еще в гости приглашаете. Чем днем изволили заниматься?

— В баскетбол играла, — призналась Светлана.

— Это при вашем-то росте? Да какая же из вас баскетболистка?

— Да, — девушка грустно улыбнулась, — то же самое и тренер говорит. Только что поделать, если я люблю именно баскетбол? А отоспаться — я сегодня за все ночи сразу отосплюсь. И чай все-таки пить будем.

Чернов впервые очутился в квартире своей ассистентки. Светлана попросила его присесть, а сама ушла на кухню. Алексей Поликарпович принялся разглядывать комнату, не ради любопытства, а чтобы как-нибудь занять себя. На столе лежали черновики расчетов и подшивка «Огонька» за прошлый год. На окне стояли две пустые и одна початая банка абрикосового варенья. На спинке стула висел темно-синий халат из китайского шелка. На стенах две репродукции с картин Шишкина.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять содержание черновиков. Светлана выполнила проверочные расчеты к его теории полей тяготения. Профессор не нуждался в этой проверке и не требовал ее. С улыбкой он перелистывал простую ученическую тетрадь Светланы. Похоже, что девушка увлеклась теоретическими исследованиями. Что ж, у нее есть все данные для этого: склонность к трудоемким вычислениям, прекрасная память. Обладает ли она настойчивостью? Во всяком случае, она старательна и трудолюбива.

Алексей Поликарпович заметил, что приписывает своей ассистентке только положительные качества. До сих пор по отношению к своим помощникам профессор был куда придирчивее.

Светлана что-то долго не появлялась. Чернов, отчаянно зевая, прошелся по комнате, потер пальцами тяжелеющие веки. Остановившись у стола, он перелистнул подшивку «Огонька», тут же отодвинул в сторону, раскрыл черновики расчетов.

Аккуратности черновиков можно было позавидовать, хотя год назад похвастаться этим Светлана не могла. Чернов во всем и всюду в первую очередь ценил аккуратность; в этом отношении редко кто мог угодить ему.

— Так, так, — проговорил Алексей Поликарпович, недоумевая, почему долго не появляется хозяйка.

Он посидел несколько минут, прислушиваясь к тишине в квартире. Не доносилось никаких звуков и из кухни, куда ушла Светлана. Алексей Поликарпович снова прошелся по комнате, затем вышел в коридор: никого, тишина. Прежде чем уйти, он решил заглянуть в кухню, узнать, чем занята негостеприимная хозяйка.

Светлана сидя спала, положив руки на кухонный стол и уронив на них голову.

На электрической плитке недовольно сопел пузатый алю-

миниевый чайник; крышка вздрагивала, а из носика вырывалась струйка пара, оставляя на кафельной стене влажное пятно.

Алексей Поликарпович выключил плитку. Потом постоял, глядя на спящее лицо девушки, свежее, с крутым изгибом тонких бровей, маленьким, немножко вздернутым носом и приоткрытыми влажными губами. Белая линия пробора разделяла ее льняные волосы. Они рассыпались по столу. «Как пена, — подумал Чернов. — И от солнца совсем выгорели».

— Светлана Владимировна, — Чернов легонько коснулся плеча ассистентки, — проснитесь-ка да идите в комнату.

Светлана не просыпалась. Профессор отвел волосы с ее лица. Девушка недовольно мотнула головой и льняные локоны снова рассыпались по столу. Тогда Чернов нагнулся и поднял ее на руки. Он постоял так посреди кухни, ожидая, что она проснется. Однако Светлана продолжала спать.

— Спит! — поразился Алексей Поликарпович. — Так мог спать только Ванька Бурдин.

Тихо ступая, профессор отнес девушку в комнату, осторожно опустил на кровать и заботливо прикрыл одеялом. Прежде чем уйти, он долго глядел на спящую Светлану. Лицо его оставалось неподвижным и бездумным, но пальцы мяли лацкан пиджака.

Уже взошло солнце. Цепочка облаков превратилась в беленькую ватную полоску, словно нечаянно застрявшую в небе. Ветер шелестел листьями высоких лип, из лесу доносился птичий гомон. Наступал день, и день этот показался Алексею Поликарповичу необычно ярким, хотя ничем не отличался от вчерашнего, такого же солнечного и безоблачного.

В течение следующих двух недель астролокаторы перекаатовской обсерватории не выпускали астероид 117-03 из поля зрения. Необычайный небесный гость двигался в сторону Солнца, чтобы, пройдя мимо него, навсегда исчезнуть в межзвездных глубинах. По расчетам Чернова, астероид должен был пролететь всего в двух с половиной миллионах километров от Земли.

Неожиданности нарастали, как снежный ком. Спектральный анализ отраженных астероидом импульсов привел Алексея Поликарповича в недоумение.

— Что за диво? — буркнул он, приняв у Светланы ленты с кривыми. — Гелий? Откуда на астероиде да еще на

этакой малявке может быть гелий? А это что? Да это же линия иридия!

Чернов вытащил платок и вытер вспотевшее лицо. В наглухо закрытом зале было душно, Алексей Поликарпович сбросил на спинку стула пиджак. Светлана покосилась на его сильные загорелые руки.

— А ну-ка, Миша! — крикнул Чернов дежурному радисту. — Давай нам предельную мощность. Переходим на миллиметровый диапазон.

Сидевший за отдельным пультом рыжеволосый сосредоточенный юноша понимающе кивнул головой.

И до конца наблюдений Алексей Поликарпович не вставал из кресла. Только когда начало светать и астероид стал приближаться к горизонту, Чернов с хрустом выпрямил онемевшее тело и выключил локатор.

— Как вы смотрите насчет речки, Светлана Владимировна?

— Начинаю усваивать вашу привычку, Алексей Поликарпович.

— Значит, ныряем?

— Ага.

Предрасветное купание действовало освежающе. Сон после него бывал крепким и безмятежным. Но с того утра, когда Чернов впервые уговорил Светлану пойти купаться, что-то сломалось в сложившемся годами ритме. Теперь, возвращаясь в свою квартиру, он испытывал безотчетную тревогу. Сон приходил не сразу, как это бывало до сих пор. Алексей Поликарпович подолгу ворочался в постели, сердился на солнце, бившее в окно, на мух, залетающих в комнату, приказывал себе спать и оттого не засыпал еще дольше. Квартира казалась ему необычайно просторной, а тишина в ней неприятной. У него было такое ощущение, будто квартиру покинул близкий ему человек, который жил вместе с ним долгие годы.

Вместо того, чтобы задуматься над ковым для него непонятным настроением, профессор отмахнулся от назойливых мыслей, приписывая все астероиду.

Вот и сегодня, возвратившись из наблюдательного корпуса, Чернов не лег в кровать. Он сел к столу и принялся за проверку расчетов, сделанных во время наблюдений Светланой. Все было правильно. Алексей Поликарпович задумался.

Астероид 117-03 двигался по прямой линии, без всяких

возмущений. Это было бесподобно! Чернов недоумевал, волновался, готов был круглые сутки не отходить от экрана локатора.

Крошечный обломок материи пролетел в непосредственной близости от Венеры, но ее притяжение никак не сказалось на астероиде. Более того, на него не подействовало даже гигантское притяжение дневного светила. Гость из Галактики пересек раскаленную атмосферу Солнца. Когда же эта молекула космической материи вынырнула по другую сторону солнечного диска, спектральный анализ не обнаружил каких-либо изменений в кристаллической структуре астероида.

Поглаживая лоб, профессор прошелся по комнате. Поведение астероида не укладывалось в теорию сил тяготения, над которой трудился Чернов. В его научной работе сразу образовалась брешь, обоснованные, казалось бы, выводы ставились под сомнение.

Природа словно давала ему урок, наказывая за поспешное заключение, демонстрировала пример иного взаимодействия тел, где уже никак не приложить разработанную теорию:

Проаживаясь по комнате, Чернов поймал себя на том, что пристально изучает свое отражение в трюмо. Оказывается, у него на висках уже сединки. Это в тридцать-то восемь лет! Почему так рано и почему он заметил это только сегодня?

Где-то глубоко в груди опять зашевелилась безотчетная тревога. Снова это странное ощущение, будто квартира покинута дорогим ему человеком. В воображении мелькнуло лицо ассистентки. Светлана? Но она никогда не переступала порога его квартиры.

Об астероиде как-то не думалось. Алексей Поликарпович бросился на кровать, закинул руки за голову и долго глядел в потолок, вспоминая то странное утро, когда ему пришлось переносить спящую Светлану из кухни в комнату.

2. Встреча друзей

Ракетоплан «СССР-118» возвращался после полета на Луну, высадив там вторую экспедицию в составе шести человек. Рассекая плотную облачность своим остроносим ветренообразным телом, он завершал последний виток сужив-

вающейся спирали над земным шаром. Высота быстро уменьшалась, на коротких крыльях вспыхивали голубые пульсирующие огоньки тормозных двигателей.

За управлением, в глубоких металлических креслах сидели Иван Нестерович Бурдин — главный конструктор «СССР-118», коренастый бритоголовый мужчина лет сорока с небольшим, и штурман Лобанов, лет на пятнадцать моложе, светлолицый, с твердо очерченным подбородком и серыми приветливыми глазами.

Неподвижные и сосредоточенные, конструктор и штурман не сводили глаз с контрольных приборов. Руки их лежали на шаровых наконечниках коротких рукояток: следовало быть готовыми в любое мгновение включить двигатель и при необходимости снова уйти из сферы притяжения Земли.

Наступала заключительная, самая ответственная часть перелета — посадка на Землю. Притяжение увеличивало скорость. Не будь тормозных двигателей, машина превратилась бы в падающий метеор, трение о воздух раскалило бы ее оболочку, и ракетоплан сгорел бы прежде, чем достиг поверхности Земли.

«СССР-118» миновал облачность. Внизу обозначилась рельефная линия Балтийского моря. Но сверкающая стеклом полоска воды быстро исчезла за горизонтом. Под крыльями машины потянулись лесные массивы, испещренные желтыми пятнами полей, шахматными квадратиками городов, голубыми змейками рек. Все это было уже свое, родное.

— Жерковск! — Лобанов кивком головы указал на пестрое пятнышко, вставшее на горизонте по носу машины.

Тормозные двигатели выплевывали теперь вперед длинные лохматые языки пламени. Ракетоплан резко сбавлял скорость. Снижение вскоре стало отвесным.

Пестрое пятнышко росло, обозначились улицы, заблестели стеклянные корпуса заводов и, наконец, среди зеленого поля показался серый квадрат ракетодрома.

Теперь машина снижалась хвостом вниз, выбрасывая из-под себя три огненных газовых струи — одну из основного сопла, две из крыльев. Через четверть часа ракетоплан коснулся бетонной площадки хвостом.

Вышедших из люка Бурдина и Лобанова окружили корреспонденты, работники ракетостроительного завода, сотрудники научных учреждений.

— Все отлично, товарищи, — скупно улыбаясь, пояснил

Бурдин. — Посадка на Луну, как и в прошлый раз, прошла без всяких осложнений. Механизмы работали безотказно, самочувствие у всех оставшихся на Луне отличное. Впрочем, мы непрерывно поддерживали связь с Землей, и вы знаете, как протекал перелет, а нового я вам ничего сообщить не могу. О личных впечатлениях лучше расспросите Игоря Никитича. — Бурдин с лукавой улыбкой взглянул на своего помощника. — У него они, кажется, даже зарифмованы.

— Иван Нестерович, — с укоризной произнес штурман, и щеки его покрылись румянцем.

Работники заводского ракетодрома приступили к осмотру двигателя, а Бурдин и Лобанов в сопровождении главного инженера, главного технолога, начальников групп поехали в заводоуправление. Там Бурдин коротко доложил о работе машины во время перелета. Более подробный отчет для министерства и Академии Наук ему предстояло сделать письменно.

После совещания ему подали машину. Иван Нестерович заторопился: он знал — жена Варя, преподаватель и зауч поселковой десятилетки, раньше времени примчалась домой, чтобы успеть приготовить традиционный мясной пирог. В квартире вместе с нею суетятся ее воспитанницы и воспитанники: одни помогают в кулинарии, другие расставляют цветы, да в таком изобилии, что потом на столе не остается места для пирога. И все поочередно каждые пять минут бегут к телефону, чтобы позвонить секретарю главного инженера и узнать, где сейчас конструктор Бурдин.

Выйдя из машины и подняв голову, Иван Нестерович увидел в окне своей квартиры полдюжины голов с косичками и бантами. Раздался дружный крик: «Приехал! Варвара Петровна, приехал!»

Не успел он еще ступить на площадку второго этажа, как дверь его квартиры распахнулась. Варя, уже полнеющая, темноглазая шатенка, выбежала к нему навстречу. Из-за ее спины, оттесняя девочек, выглядывали две вихрастые головы самых ярких последователей Бурдина — Вани Еремеева и Коли Ногицына.

Раскрывались двери и в других квартирах.

— С благополучным возвращением, Иван Нестерович!

— Здравствуйте, дядя Ваня!

— С успешным прибытием, Иван Нестерович!

— Спасибо, друзья, — ответил главный конструктор. — У меня все в порядке. Вечером соберемся, и я расскажу.

Бурдин пользовался не только известностью конструктора с мировым именем. Весь город знал его как человека до странности простого и удивительно доброго. Мальчишкимоделисты без всякого стеснения приходили к нему за консультацией, знакомые не стеснялись остановить его на улице и перехватить до полочки сотню-другую рублей. Ивана Нестеровича приглашали на все школьные вечера. Все жители пятиэтажного корпуса, в котором жил Бурдин, считали его своим близким знакомым, и потому ни одна свадьба, ни одни именины, а то и просто праздничный вечер не проходили без его присутствия. Как бы ни был он занят, отказать в подобной просьбе казалось ему неприличным. Ведь приглашали от чистого сердца.

Обладая хорошей памятью, Иван Нестерович и сам оставался на улице кого-нибудь из своих бесчисленных знакомых, чтобы поинтересоваться исходом дела, по поводу которого с ним когда-то советовались.

Ему ничего не стоило собрать на улице ребятешек и отправиться с ними в кино. Он обожал вечера самодеятельности и был неременным членом жюри.

В конечном счете его постоянно избирали депутатом в районный совет.

Он любил спорт. По роду своей деятельности конструктора и испытателя реактивных машин он должен был обладать хорошим здоровьем и выносливостью. Однако в спорте успехи Бурдина известностью не пользовались. Конечно, здоровье было превосходным, но ранняя полнота лишала его необходимой подвижности. Это не мешало Ивану Нестеровичу «болеть» на легкоатлетических соревнованиях.

Еще одна известность сопутствовала славе Бурдина. О его любви к жене Варе ходило по городу немало всевозможных рассказов, слушая которые, мужчины снисходительно улыбались, а женщины приходили в восторг.

Едва Бурдин переступил порог квартиры, как молодежь стала собираться домой.

Перелет длился немногим более суток, но возвращение на Землю, а главное в этот город, где он чуть ли не каждого знал в лицо, Иван Нестерович переживал так, будто со дня вылета прошло много недель. Поселок, дом, все предметы в квартире казались обновленными, праздничными, а встреча с Варей походила на встречу молодоженов после годичной разлуки. Добрый час они сидели на диване обнявшись.

В кухне затрещал сигнализатор: в электрической духовке поспел мясной пирог — любимое блюдо Ивана Нестеровича.

После ужина Бурдину, конечно, снова пришлось рассказывать о полете на Луну. Путешествие в его рассказе выглядело не сложнее, чем рейс на пассажирском самолете из Жерковска в Москву. Трудно было понять, то ли он не хочет пугать Варю, то ли в самом деле не видел в своем путешествии ничего особенного.

Наконец он принялся за просмотр свежей почты. Писем приносили так много, что ему не всегда удавалось ответить на них. Письма приходили со всех концов страны. Писали и его юные поклонники, будущие штурманы или конструкторы ракетных кораблей. Им Бурдин отвечал в первую очередь: это росла смена. Писали люди пожилого и преклонного возраста, считавшие своим долгом выразить восторг по поводу его успехов.

Вскрыв один из конвертов, Иван Нестерович удивленно приподнял брови. Письмо начиналось с дружеского: «Здравствуй, Ваня!» А дальше пошло нечто такое, что заставило Бурдина снова взглянуть на обратный адрес.

От Чернова. От какого Чернова? Да неужели от профессора, не менее известного, чем и конструктор Бурдин, от того, чьи замечательные труды стоят на книжных полках в библиотеке Бурдина, от того самого Алешки Чернова, вместе с которым он мечтал о покорении межпланетного пространства?

Иван Нестерович вспомнил, как еще учеником девятого класса он организовал у себя в школе кружок по изучению ракетной техники. Записались туда в основном его одноклассники, да кое-кто из параллельных классов. На одно из занятий юных реактивщиков пришел пятиклассник, худенький серьезный мальчик.

— Кто у вас главный? — спросил он далеко не робко.

— Я главный, — ответил Бурдин.

— Запишите меня.

Мальчик этот позднее стал душой кружка, а после того, как Бурдин закончил школу, возглавил кружок. Несмотря на разницу в возрасте, Бурдин и Чернов подружились. Они одинаково горячо мечтали побывать на Луне, на Марсе и еще значительно дальше, но пошли к своей мечте разными путями: Бурдин впоследствии стал конструктором ракетных кораблей, чтобы самому вырваться за пределы земного шара, Чернов избрал профессию радиоастронома. После

окончания школы и поступления в институт они ни разу не встречались, не переписывались и знали о делах друг друга только по газетным сообщениям да по печатным трудам.

«Здравствуй, Ваня! — писал Чернов. — Представляю, как ты удивишься, получив это письмо. Еще бы! Мы не виделись с тобой ровнехонько двадцать лет. Но... не буду пускаться в воспоминания, мы сделаем это при встрече, на которую я теперь сильно рассчитываю. Вот послушай, какое совершенно необычное обстоятельство заставило меня обратиться к тебе с предложением начать совместные действия...»

О появлении загадочного астероида Бурдин знал уже из газет, однако те подробности, которые сообщал Чернов, заставили его призадуматься.

— Вот оно как оборачивается, — произнес он негромко, но взволнованно. — Я-то считал, что мы с Алексеем штурмуем космос, находясь на разных флангах. Оказывается, мы всегда были рядом.

— Кто этот Алексей? — спросила Варя.

— Друг детства. Вместе в школе учились. — Иван Нестерович смотрел мимо жены. В его воображении рисовалась огромная металлическая глыба. Астероид пересек солнечную атмосферу. Никакой из применяемых в технике сплавов не выдержал бы такой тепловой нагрузки, даже жаростойкие сплавы двигателя «СССР-118». — Замечательно! И верится и не верится. Перекатовск... Шесть часов полета... — Бурдин положил руку на телефонную трубку. — Лечу! Если только Алексей не ошибается, дело пахнет порохом.

— Но тебе следует отдохнуть.

— А в вертолете и отдохну.

Аппарат плыл над грядой облаков. Его тень мчалась по лесам и полям, взбираясь на горы, ныряя в овраги. За шесть часов полета Иван Нестерович успел вздремнуть и как следует поразмыслить над тем, чем его обрадует Чернов в перекатовской обсерватории.

Но вот показались горы, по самые вершины сплошь покрытые лесом, который с вышины казался мохнатым ковром. Начался Урал. Внизу мелькнула широкая река. Вертолет пошел вдоль одного из ее притоков. Среди лесов появился небольшой город, а в стороне от него поселок и площадь с какими-то странными сооружениями.

Пилот облюбовал небольшую поляну у самого поселка. Вертолет стал медленно снижаться.

Разыскать квартиру Чернова особенного труда не составило.

— Ваня? Ты! — обрадовался Алексей Поликарпович. — Очень хорошо, что не задержался. Признаться, я ожидал твой письменный ответ. Все-таки ты теперь звезда первой величины. Но... дай мне сначала взглянуть на тебя, товарищ знаменитый конструктор.

— Гляди, товарищ профессор. Только почему у тебя глаза заспанные? Мертвый час?

— Нет, нет, — Чернов отрицательно потряс головой. — Работать приходится по ночам. Днем астероид скрывается за горизонтом. Проходи же, Ваня, проходи. Очень рад видеть тебя.

— Да ты что, один живешь? — удивился Бурдин, разглядывая отлично обставленные комнаты.

— Один.

— Почему не женился?

Чернов развел руками:

— Да вот среди звезд блуждаю, а свои земные дела устроить и некогда. Ну, а ты как?

— Ничего, спасибо. Дочь в юридическом на втором курсе учится, сын в летной школе.

Алексей Поликарпович достал бутылку коньяка. Друзья сначала вспомнили школьные годы, перебрали общих товарищей и только после этого перешли к делу.

— Что ж, прежде всего мне придется повторить то, о чем я уже тебе написал, — сказал Чернов. — Астероид 117-03 — явление и удивительное и необычное. Он явно нарушает законы тяготения, а главное, что должно больше всего интересовать тебя как конструктора, выдерживает такие температуры, при которых обычный астероид обращается в газовое облако.

— Да уж не обнаружил ли ты межзвездный корабль? — усмехнулся Бурдин.

Намек конструктора уколол Чернова. Алексей Поликарпович резко поднялся из кресла и прошелся по кабинету.

— Нет, — ответил он, — это, разумеется, не корабль. Но тем не менее находка замечательная.

Проникнуть вглубь вещества, из которого состоял астероид, луч локатора оказался бессильным. Но только там, в самих атомах, могла содержаться разгадка, и, чтобы постичь

ее, следовало доставить кусочек астероида на Землю, подвергнуть его тщательному анализу в лабораториях.

Астероид 117-03 заставил профессора вспомнить о школьном товарище.

Успешное окончание работы Чернова над гравитационной теорией и разгадка астероида 117-03 сплетались в одно целое.

— Хочешь взглянуть на снимки моей находки?

Не ожидая согласия, Алексей Поликарпович достал из стола пакет с фотографиями и сел рядом с Бурдиным. Иван Нестерович стал с интересом перебирать снимки, где на черном фоне среди белых точек звезд выделялось крупное овальное пятно. На одних снимках оно было четким, на других расплывчатым, в ореоле расходящихся лучей.

— И вечно у вас, астрономов, какие-нибудь загадки. — Беседа все более увлекала Бурдина. — Никак твой камешек не походит на мертвый комок материи. Это просто какой-то космический павлин. Покажи спектрограммы.

Большой письменный стол был вскоре завален фотографиями и бумажными лентами. Загадка астероида имела прямое отношение и к поискам Ивана Нестеровича, к созданию устойчивых атомных двигателей. Наблюдения Чернова заставляли предполагать, что в состав астероида входят жаропрочные сплавы с неизвестной структурой.

— Я должен видеть твою находку, — сказал Бурдин.

Алексей Поликарпович взглянул на часы.

— Четыре. В самый раз. Идем.

Они вышли на широкую асфальтированную площадь. Посреди нее на расстоянии пятисот метров друг от друга находились два гигантских сооружения — астрономические радиолокаторы. Каждый из них представлял собой огромную чашу — двухсотметровое параболическое зеркало, закрепленное на двух опорных башнях — усеченных пирамидах. И чаши и башни были сплетены из ажурных алюминиевых конструкций особой прочности. Зеркало могло вращаться вокруг горизонтальной оси, а башни вместе с ним передвигались по кольцевому рельсовому пути. Управление локатором производилось из наблюдательного корпуса, расположенного в сосновом лесу поблизости от поля.

Зеркало астролокатора пускало в пространство радиолуч и принимало его отражение, а наблюдатели, изолированные от звездного неба светонепроницаемой крышей здания, могли следить за движением тел в космосе.

На краю площадки шла сборка третьего подобного сооружения. Постройка только началась, но уже можно было угадать его будущую величину. Третий локатор должен был по крайней мере вдвое превзойти размерами каждый из двух уже работающих.

Чернов и Бурдин остановились около ближнего локатора. С земли трудно было одним взглядом охватить всю его конструкцию.

— Высота двести восемьдесят метров, — пояснил Чернов. — Но самое замечательное здесь в зеркале. Несмотря на свои размеры, оно выполнено точно параболическим с отступлением не более, чем на три десятых миллиметра. Стоит только еще на пять сотых миллиметра исказить прогиб труб — и луч распылится в пространстве в непосредственной близости от Земли. Каково, а? Строителям пришлось изрядно поломать голову. А поворот всего сооружения совершается с колоссальной точностью. Если перевести на угол поворота, то это выразится в сотых долях секунды.

— Замечательно! — вырвалось у Бурдина. — Честное слово, замечательно! Кто же руководил проектированием вашей обсерватории?

— Я.

— Ты?!

— Да, я. Но ты посмотри вон туда. Там мы строим кое-что поинтереснее. Это сооружение представляет собой астролокатор, который позволит нам заглянуть на Уран, Нептун и, может быть, Плутон. За минуту он будет брать на себя семь миллионов киловатт-часов электроэнергии. За вечер наблюдений мы выпустим в пространство почти часовую энергию всех электростанций земного шара.

— Голова кругом идет, — Иван Нестерович посмотрел вверх, разглядывая зеркало астролокатора. — Значит, у вас своя атомная станция?

— О, да еще какая.

— На каких волнах вы работаете?

— На любых в пределах дециметрового, сантиметрового и миллиметрового диапазонов. Этим астролокатор принципиально отличается от любого радиолокатора. В противном случае мы не могли бы производить спектроскопию, то есть заглядывать вглубь вещества космических тел, находящихся от нас за миллионы километров. Если говорить о всех проблемах, которые нам пришлось решить... пожалуй, не хватит одного вечера. Хочешь побывать в локаторе?

— С удовольствием.

Чернов провел Бурдина в нижнюю часть правой башни— там находился машинный зал. Два продолговатых мотора, похожие на две небольшие цистерны, тускло отсвечивали черными поверхностями кожухов. Точно очнувшись, они вдруг принимались гудеть — и мимо стеклянной стены зала двигался поселок, лес и синее небо с редкими пятнами облаков.

— Это уже моя помощница орудует, — сказал Чернов. — Куда она там нацеливается? Пойдем, посмотрим астероид 117-03.

Они пересекли поле и углубились в лес. К наблюдательному корпусу вело асфальтированное шоссе. Пятиэтажное здание почти сплошь состояло из стекла, и только его торцевая часть, где находились экраны, не имела окон, заканчиваясь глухой стеной.

Чернов и Бурдин вошли в вестибюль. Дежурный поздоровался с профессором.

— Зал номер один открыт? — спросил Чернов.

— Открыт, Алексей Поликарпович. Там ваша ассистентка.

— Светлана Владимировна?

— Она, она. С утра не выходит. Только что пообедать сбегала.

Профессор и его спутник поднялись на третий этаж, прошли в конец коридора. Чернов открыл дверь, за нею была темнота. Иван Нестерович шагнул туда и невольно замер на месте. Ему показалось, что одной стены зала нет и через большое прямоугольное отверстие открывается странный, никогда не виданный им пейзаж: холмистая местность, покрытая красной и фиолетовой растительностью. Трудно было сказать, кустарник это или лесной массив. Пейзаж был виден как бы с большой высоты, и все же необычность природы производила сильное впечатление. В тени холмов лежал снег, но и там выделялись ярко-красные пятна растений.

— Что это? — спросил Иван Нестерович, невольно снижая голос до шепота.

— Марс.

Бурдин следом за Черновым прошел в глубину затемненного зала. Теперь конструктор различил длинный наклонный пульт с множеством приборов, кнопок, рычажков, лимбов. Короткая стеклянная трубка под колпачком освещала

щала только небольшой участок панели. В конусе света лежал раскрытый журнал с записями. В кресле сидела девушка, она вглядывалась в лица вошедших.

— Как дела, «марсианка»? — спросил Чернов.

— Мне удалось сфотографировать цветы, они походят на наши подснежники и тоже выбиваются прямо из-под снега. Хотите, покажу?

— Позже, Светлана Владимировна. Сейчас мы хотим видеть астероид. Познакомьтесь с моим школьным товарищем.

— Подгорных.

— Бурдин.

— Иван Нестерович — главный конструктор знаменитых «СССР-118», — пояснил Чернов.

— Я слежу почти за каждым вашим полетом, — сказала Светлана. — И я очень рада познакомиться с вами.

— А я вот смотрю, и у вас успехи не меньше. Пока мы добрались до Луны, вы уже путешествуете по Марсу.

— Да, но одно другого не исключает, — заметил Чернов.

— Конечно, не исключает! — подхватила Светлана. — Побывать в космосе — совсем другое дело. Так, значит, переключаться?

— Придется.

Пейзаж исчез, вместо него на экране появилось звездное небо, такое же черное, каким его видел Иван Нестерович из кабины ракетоплана. Созвездия медленно проплывали вдоль экрана. Потом движение прекратилось: Бурдин не сразу обратил внимание на вспыхнувшую точку среди ярких звездных узоров. Но точка быстро росла. Вскоре она стала ярче, чем самая крупная звезда, и, наконец, превратилась в овальное пятнышко.

— Астероид? — спросил главный конструктор.

— Он, — ответил Чернов. — И это самая ценная моя находка. Размеры астероида ничтожны, не более двадцати восьми метров в диаметре. Увидеть такую пылинку смог только наш астролокатор. Да ты садись.

Бурдин сел рядом с профессором. Через его плечо Иван Нестерович поглядывал на ассистентку — уж очень ловко та орудовала управлением локатора. Девушка нажала сразу четыре кнопки (взяла аккорд!), повернула один лимб, другой, третий, перебросила рукоятку от себя, рукоятку на себя и замерла на месте. В конусе дежурного света остались только ее обнаженные до плеч руки, крепкие, с маленькими пальцами. Пальцы держали наготове автоматическую

ручку. Вот замигала зеленая лампочка, и ручка побежала по странице журнала, фиксируя начальные показания приборов.

— Дециметровый диапазон на фотографирование, — сказал Чернов в микрофон.

— Локатор на дециметровом диапазоне, — ответил мужской голос из маленького рупора на пульте.

И Бурдин стал свидетелем того, как локатор доставляет наблюдателям сведения о телах, удаленных от Земли на миллионы километров. В темноте зала перещелкивались и перемигивались зелеными глазками лампочек смутно различимые ящики с аппаратами. За экраном что-то гудело с периодическими усилениями и ослаблениями звуков. Сбоку от пульта в маленькой кабине сидел дежурный радист и тоже наблюдал за десятками приборов.

Все здесь выглядело сложным и весьма необычным.

— Фотографирование закончено, — произнес мужской голос из рупора.

— Принесите снимки.

У пульта неизвестно с какой стороны появилась мужская фигура и протянула Чернову с десятков уже готовых отпечатков.

— Сантиметровый диапазон на спектрографию, — приказал Чернов.

Астероид продолжал сближаться с Землей. На фотографиях появились новые подробности: темные точки по всему желтому пятнышку.

Вскоре принесли и спектрограммы. Конструктор и профессор склонились над бумажными лентами с извилистыми, похожими на горную цепь линиями, всматривались в них, водили пальцами от одной пики к другой. Начался горячий спор о кристаллической структуре астероида 117-03.

Время перевалило за полночь. Пошел второй час, третий, четвертый, а мужчины все спорили, обсуждали, строили догадки. Только девушка не принимала участия в разговоре. Она успевала работать на счетной автоматической полупроводниковой машине, писать в журнале и управлять аппаратами. У пульта девушка чувствовала себя так же уверенно, как и Иван Нестерович за управлением ракетоплана. Только почерк у нее был крупный, прямо-таки школьный. Даже с большого расстояния Бурдин мог свободно прочесть написанные ею колонки цифр и текст. На странице едва уместилось с десятков строк.

Светлана первая начала уставать. Она все чаще терла глаза, дольше вглядывалась в показания приборов, опасаясь сделать ошибку.

— На сегодня хватит, — заметив это, сказал Чернов. — Пойдемте на свежий воздух.

Втроем они вышли из зала. Бурдин зажмурился: взошедшее солнце глядело в стеклянную стену коридора. Оно поднялось над лесом, который отсюда, с пятого этажа, казался темнозеленым ковром с пятнами светлой зелени берез.

— Итак, — Бурдин повернулся к Чернову, — насколько я понимаю, ты пригласил меня к себе, чтобы решить вопрос о полете на астероид 117-03.

— Да, именно так. — Профессор улыбнулся. Глаза его испытующе смотрели в лицо конструктора. — Впрочем, не совсем точно. Размеры астероида 117-03 так малы, что даже при желании посадка на него невозможна. Задача стоит более простая: догнать астероид, взять образец его вещества и возвратиться обратно.

— Какое расстояние придется покрыть ракетоплану?

— Это будет зависеть от дня вылета.

Конструктор, покусывая губы, задумался. Началось освоение Луны. Перед жерковским заводом поставлена задача — срочно выпускать машины для систематических рейсов. Первенцем была машина «СССР-118». Разрешат ли отвлечь ее для погони за астероидом? Правда, изготовление ракетопланов идет и на Новосибирских верфях, но ведущая роль принадлежит конструкторскому бюро, которым руководит он, Бурдин. К тому же то, что предлагает Чернов, уходит за границы достигнутого. Одно дело — полет на Луну. Расстояние до земного спутника измеряется в триста шестьдесят тысяч километров, погоня же за астероидом требует преодолеть путь в десятки, а может быть, и сотни миллионов километров. Разница не только физическая, но и принципиальная. Многое придется пересмотреть в управлении машиной, в работе двигателя.

— Трудно сказать, разрешат ли вообще погоню, — Бурдин посмотрел на туманную полоску горизонта, где зелень леса сливалась с синевой неба. — Уж очень быстро летит твой гость из Галактики. Сто девять километров... Ведь даже через неделю он будет...

— ...за орбитой Марса, — подсказала Светлана, — примерно сто пятнадцать миллионов километров от Земли.

— Ой, ой! Миллионы... Разумеется, мы сможем легко разогнать машину и до трехсот километров в секунду, но вы понимаете, друзья, что это значит? Мы только что научились плавать на поверхности космического океана, а вы предлагаете нам сразу же нырнуть на его дно. Даже полет на Марс — еще проблема. Когда мы летим на Луну, мы поддерживаем непрерывную связь с Землей. Наш полет идет со скоростью, не превышающей двенадцати километров в секунду. Нам легко удается избежать встречи с метеоритами. Но сто девять километров... — Бурдин прищурил глаза и заложил руки за спину. — Погоня за невидимой целью (ведь астероид будет невидим с борта ракетоплана)... отсутствие связи с Землей...

— Трудностей, разумеется, преуменьшать нельзя, — согласился Чернов.

Светлана опустила руки в карманы халата. Она поглядывала то на профессора, то на Бурдина, с волнением и любопытством ожидая, чем закончится разговор между двумя крупнейшими исследователями космического пространства.

— И все-таки, — помедлив, произнес Бурдин, — я полностью присоединяюсь к вашему замыслу. — Шагая вниз по лестнице, конструктор взял под руки профессора и девушку. — Астероид нужно догнать. Такой гость из Галактики может больше никогда не появиться.

— Вот именно, — вырвалось у Светланы.

— Только нам сразу же предстоит разрешить основную проблему, без чего не имеет смысла заводить разговор в правительстве: метеориты. Нужны более совершенные бортовые локаторы, чем те, которыми оснащены «СССР-118». За орбитой Марса целые потоки тысячетонных осколков, не говоря уже о более мелких астероидах. Впрочем, вы это знаете лучше меня.

— Еще бы, — Чернов заговорщицки подмигнул Светлане, — нам ли не знать. — Пойдем-ка, мы тебе кое-что покажем.

Они спустились на первый этаж и вошли в светлый зал, стены которого были сплошь стеклянные. На паркетном полу двумя рядами стояли сложные аппараты. Размеры некоторых из них достигали десяти метров длины и столько же высоты. Электрическое устройство, скрытое под металлическими кожухами, дополнялось оптическими приспособлениями, множеством реле, контрольными приборами. Уже по одному

внешнему виду установок Бурдин безошибочно заключил, что они потребляют солидное количество электро-энергии.

— Это наша гравитационная лаборатория, — пояснил Чернов.

— Кое-что о твоих работах я слышал. Значит, ты уже взялся за разрешение величайшей загадки природы?

— У природы много величайших загадок, но исследование сути сил тяготения — область еще нетронутая. Только сейчас ученые получили и теоретические и, — Чернов указал на аппарат, — практические возможности по-настоящему заняться проблемой тяготения. Я имею в виду наличие атомной энергии.

— Как далеко удалось тебе уйти?

— Если говорить о теоретической стороне, то нам, ученым, удалось кое-чего достигнуть.

— Алексей Поликарпович скромничает, — вмешалась в разговор Светлана. — Его гравитационная теория уже получила признание. Алексей Поликарпович разработал математический метод исследования составных частей электрона.

— Видишь ли, — с укоризной взглянув на ассистентку, продолжал Чернов, — я сторонник так называемой гидродинамической природы сил тяготения. Помнишь слова Ленина о неисчерпаемости электрона? Они начинают сбываться. Вчера мы предполагали, а сегодня уже убеждены, что электрон состоит из более мелких частиц — гравитонов. При движении электрона образуется электромагнитное поле, при движении гравитонов — гравитационное поле или поле сил тяготения.

— И об этом немножко слышал, — Бурдин сдержанно улыбнулся. — Но разве вам удалось обнаружить гравитоны?

— Теоретически — да. А практически... — профессор расправил плечи, соединил руки за спиной, — ищем, исследуем, экспериментируем и рано или поздно найдем. Расчеты убедили нас в существовании гравитонов. Язык математики подсказывает нам и другое: как создается поле тяготения. Каждое тело излучает гравитоны. Если потоки встречные, тела притягиваются друг к другу. Я не могу на словах изложить механизм взаимодействия гравитонов, он и нам представляется недостаточно ясно, но главное, чего мне удалось достигнуть, это твердой уверенности в правоте

догадок, уверенности в том, что путь выбран единственно верный.

Бурдин не перебивал профессора, лукаво рассматривая свои пальцы. Он узнавал Алешку Чернова, обычно немногословного, но в момент увлечения любившего поговорить, да еще в возвышенном тоне.

— А будущее гравитонов? — глаза Алексея Поликарповича заблестели, он улыбнулся Светлане. — Боюсь, что мне не хватит красноречия. Тут нужно быть хорошим мечтателем, чтобы рассказать, какой мир грядущего откроют гравитоны. Когда на службу человеку пришла электрическая энергия, он стал в тысячи раз сильнее, а труд его во столько же раз плодотворнее. Электрическая энергия позволила человеку овладеть атомной энергией и снова в тысячи раз умножить свои возможности. Без атомной энергии, например, не удалось бы создать и твоих ракетопланов. Но творческая мысль постоянно стремится вперед. Человечеству скоро потребуются источники более мощной энергии, нежели атомная. Это будет гравитационная энергия. Когда мы овладеем ею, мы сможем делать тела невесомыми. Представь, что невесомым стал твой ракетоплан.

— Это было бы замечательно! Для отрыва от Земли нам потребовалась бы ничтожно малая скорость.

— Но, кроме того, снабдив твою машину другим, гравитационным двигателем, в тысячу раз более мощным, чем твой сегодняшней, атомно-водородный, мы дали бы тебе возможность пересекать космическое пространство с любыми фантастическими скоростями, сравнимыми со скоростью света. Ты понимаешь меня? Станет возможным полет в другие солнечные системы.

— Н-да, — растерялся Бурдин, — со скоростью света... Действительно, фантазия у тебя того... Только как же тогда получается: земной шар, этакая громада, создает гравитационное поле, которое не может удержать мой ракетоплан. Нам требуется всего лишь одиннадцать километров в секунду, чтобы навсегда вырваться из сферы притяжения Земли.

— Но гравитационное поле Земли удерживает Луну, которая немножко побольше твоего ракетоплана. Если бы исчезло притяжение, Землю к Солнцу пришлось бы привязать стальным тросом толщиной в радиус земного шара. Гигантская сила! Только она... она рассредоточена. Чтобы воспользоваться атомной энергией, ее тоже прежде нужно было

освободить! Сегодня мы еще не знаем, как будем управлять гравитационной энергией. Я могу только уверенно сказать: в руках человечества со временем будут невиданные мощности. Люди будут сдвигать не только горы, но и планеты! Да, да, они смогут указывать пути планетам, управлять их движением. Пройдем-ка в следующую комнату.

Они прошли вдоль рядов установок в конце зала. Там Чернов открыл небольшую дверь и пропустил Бурдина вперед. В комнате стояло десятка два чертежных досок.

— Что это, — заинтересовался Бурдин, — конструкторское бюро?

— Да, конечно. Мы здесь на месте меняем конструкцию аппарата. Здесь же решаются вопросы и по третьему лока-тору.

В бюро стояли стеклянные шкафы с папками, в которых хранились отпечатанные на синьках чертежи. Алексей Поликарпович вытащил из крайнего шкафа пухлую папку. Развернутый лист синьки занял весь стол.

— «Метеоритный сигнализатор», — прочел Бурдин на трафаретке чертежа. Потом его взгляд побежал по изображению сложного прибора. — Та-ак... Конический обзор... Радиус действия... Ого! Пятьсот тысяч километров. Мощь! Автор ты?

— Вдвоем, — Алексей Поликарпович взглядом показал на Светлану.

Конструктор поднял голову от чертежа. На этот раз он долго и пристально смотрел в лицо ассистентки. Ему все больше нравилась эта серьезная девушка. Он угадывал в ней человека техники, настоящего универсала: конструктора, экспериментатора, механика.

Расставаясь с Черновым и Светланой у вертолета, Бурдин протянул им сразу обе руки: одну профессору, другую — ассистентке.

— Присоединяюсь, — сказал он. — Вижу, у вас все продумано, все предусмотрено. Попробуем сообща доказать необходимость и возможность организации погони за астероидом.

Вертолет взмыл над поляной. Ветер, поднятый его винтом, придавил траву, разметал волосы Светланы. Придерживая платье, девушка смотрела, как быстро уменьшается машина. Ей, Светлане, еще никогда не приходилось подниматься над землей, хотя взгляд ее, вооруженный техникой, проникал в межзвездные глубины.

3. Перед стартом

В конце июня расстояние между астероидом 117-03 и Землей начало увеличиваться.

О появлении загадочного гостя из межзвездных глубин были оповещены все отечественные и зарубежные обсерватории, но только перекаатовские астролокаторы смогли увидеть эту ничтожную металлическую пылинку.

Двадцать пятого июня Алексей Поликарпович получил телеграмму от Бурдина. Конструктор «СССР-118» находился в Москве, где добивался разрешения на организацию экспедиции. Иван Нестерович сообщал: «Твой отчет наблюдений астероидом 117-03 сыграл решающую роль. Организована правительственная комиссия. Ближайшие дни все решится».

Чернов был в это время занят на сборке локатора «Третий-бис».

Строители закончили опорные башни. Лишь на самых верхних площадках продолжали раскланиваться во все стороны подъемные краны, подавая монтажникам последние части конструкций. С земли краны казались игрушечными.

На строительной площадке между башен лежала готовая к установке чаша, сплетенная из тонкостенных дюралевок труб. Обняв трубы металлическими держателями, по ним ползали сварочные автоматы. Автоматами управлял один человек, он сидел в стеклянной кабине в самом центре чаши. К кабине сходилась паутина проводов. Две сотни автоматов, как большие черные жуки, то расползались от центра до краев чаши, то возвращались обратно, проделывая свои рейсы по многу раз. Сварочные автоматы не только соединяли трубы с поперечными переплетами, но и выравнивали их кривизну, создавая будущий профиль зеркала.

Несмотря на легкий сплав, из которого была изготовлена чаша, весила она более ста пятидесяти тонн. Рядом с локатором «Третий-бис» два уже работающих выглядели очень скромно.

Более высокого сооружения строительная техника еще не создавала. После установки зеркала общая высота «Третьего-бис» должна была достигнуть четырехсот двенадцати метров. Однако не только размеры строительства представляли серьезную трудность. При таких размерах требовалась еще большая, чем у остальных локаторов, точность профиля зеркала и управления всем механизмом.

Сейчас у монтажников не ладилось с установкой приемника — десятиметрового серебряного диска, помещенного в фокусе зеркала. Диск удерживала круглая коническая ферма. Внутри фермы проходил провод — центральный нерв локатора.

Предварительное испытание зеркала давало пока неудовлетворительные результаты. Приемник искажал принятые импульсы.

Алексея Поликарповича, к его неудовольствию, отвлекли от наблюдений за астероидом для консультаций на строительной площадке. Конечно, он и сам с нетерпением ждал окончания сборки локатора «Третий-бис», который позволил бы значительно раздвинуть границы наблюдений, но сейчас в центре внимания Чернова находился только астероид.

По дороге на строительную площадку Чернов встретил Светлану и пригласил ее посмотреть, как идет сооружение нового локатора. С помощью ассистентки Алексей Поликарпович просмотрел чертежи зеркала. Он попросил принести оптические приборы для проверки кривизны труб и местоположения приемника.

— Поднимемся на башни и посмотрим опоры, — предложил Чернов. — Погрешность кривизны можно устранить после установки зеркала на ось.

Главный инженер строительства провел профессора и его помощницу к дверям лифта. Следом за ним вошел ведущий конструктор. Лифт плавно тронулся, вынырнул из стенок нижней клетки и стремительно помчался вверх, вдоль четырех направляющих балок. Стеклянная коробка летела почти по воздуху. Девушка подняла голову. Балки уходили вверх, они становились все тоньше, превращаясь в паутинки и сходясь в одной точке. И толстый трос, на котором висел лифт, тоже утоньшался, под площадкой он уже казался ничтожной.

Светлане стало страшно. Она прижалась к профессору, вцепилась в его руку.

— Э, да я вижу, вы трусиха! — засмеялся Алексей Поликарпович.

— Не всякий решится побывать на башнях, — вступился за Светлану главный инженер. — У нас там монтажники-верхолазы работают.

Стеклопанельная кабина все быстрее летела вверх. От мелькания ферм, которые то заслоняли, то открывали солнце,

рябило в глазах. Профессор поддерживал девушку, признаваясь себе, что эта маленькая забота вызывает в нем теплое, незнакомое прежде чувство.

Триста метров скоростной лифт пролетел за пятьдесят секунд. На площадке Алексей Поликарпович усадил ассистентку на складной полотняный стульчик, а сам вместе с главным инженером и конструкторами принялся за осмотр опор.

Светлане казалось, что отсюда она видит весь мир. Леса, город, поселки, реки лежали у ее ног. Она боялась пошевелиться. Ей казалось, что стоит только приподняться — и ее снесет с площадки. Ветер гудел в фермах, рвал платье, а внизу был штиль.

Решив вопрос с установкой зеркала, мужчины возвратились к Светлане. Девушка встала, разведя руки так, словно площадка качалась под нею. Профессор взял ее за плечи и провел в кабину.

Лифт камнем падал к земле. Светлана расширенными глазами смотрела, как стремительно приближается асфальтированное подножье башен.

— Страшно? — спросил главный инженер.

— Да.

— А вы приходите к нам почаще. С десятка раз подниметесь, так и привыкнете.

Может быть, от мелькания света и тени на лице Светланы, а может быть, и оттого, что она стояла вплотную к профессору, девушка показалась ему сегодня особенно привлекательной.

Он вдруг почувствовал перед нею робость и поспешно убрал руку с ее плеча.

Лифт начал торможение и плавно, почти без толчка, остановился. Светлана первой выпрыгнула из кабины. Она так же быстро приходила в себя, как и пугалась.

— Так вы настаиваете на применении четырехстреловых кранов? — спросил Чернова главный инженер.

— Что? — профессор не слышал вопроса.

«А ведь я люблю ее, — неожиданно сказал он себе и это прозвучало как открытие. — Люблю...»

Главный инженер повторил вопрос.

Пока шел этот деловой разговор, Светлана стояла в стороне.

Тут же у башни Чернову вручили телеграмму.

— Алексей Поликарпович! — ахнула Светлана, пробежав глазами развернутый бланк. — Летите!

«Немедленно выезжай Москву устного отчета правительству, — телеграфировал Бурдин. — Твое мнение решает комплектацию экипажа».

— Лечу... — покусывая губы, Чернов смотрел на Светлану. — Лечу! — он перевел глаза на бланк. — Да, выходит, свершилось. Таков Бурдин, чего хотел, того и добился. Что ж... пойду собираться. А вам, Светлана Владимировна, придется здесь заменить меня и поработать самостоятельно. С астероида глаз не спускайте.

— Да, да, конечно.

Светлана стояла перед Черновым, заложив руки за спину и вскинув голову.

— Никак завидуете? — улыбнулся Алексей Поликарпович.

— Еще бы! Кто вам сейчас не позавидует, Алексей Поликарпович? Вам предстоит пересечь орбиту Марса и Юпитера, увидеть в непосредственной близости Сатурн.

— Потренируйтесь здесь без меня, трусишка, — Чернов рукой показал на башни локатора. — Оттуда до Сатурна тоже рукой подать.

Светлана поежилась и отрицательно замотала головой.

На московском аэродроме Чернова встретил Бурдин. Главный конструктор отвез Чернова в свой номер гостиницы. Он был необычайно предупредителен и чрезмерно весел, говорил больше обычного.

«Значит, разрешение на полет взбудоражило его больше, чем меня», — решил профессор.

— Утром нас ждет председатель правительственной комиссии, — предупредил Иван Нестерович.

— Я готов хоть сейчас.

В одиннадцать утра их принял заместитель министра авиационной промышленности, назначенный председателем комиссии по организации полета за астероидом. В его кабинете уже находились председатель астрономического отдела Академии Наук, начальник управления по ракетостроительным заводам.

Заместитель министра, невысокий худощавый мужчина с черными волосами и живым лицом, поднял глаза на профессора.

— В правительстве интересуются вашим астероидом, Алексей Поликарпович, — сказал он. — Поделитесь с нами вашими последними наблюдениями.

Новых сведений о структуре астероида за последние дни получить не удалось. Не изменилась и его траектория. Локатор дал все, что мог дать. Теперь все большее расстояние отделяет астероид от Земли. С экспедицией нужно спешить.

— Принципиальных возражений против полета за астероидом у нас нет, — сказал заместитель министра, все поглядывая на Чернова. — Ракетоплан Бурдина является наиболее подходящей машиной для этой цели. Целесообразность экспедиции также не вызывает сомнений. Тем не менее, имеются два «но», которые необходимо решить прежде, чем экипаж получит разрешение на старт. Меня лично смущает то обстоятельство, что после отрыва от Земли экипаж лишится возможности видеть астероид.

— Что же из этого? — удивился Чернов. — Экипаж получит необходимые ориентиры. Трасса рассчитана заранее, за точность расчета я ручаюсь. Навигационная аппаратура, которой будет снабжен ракетоплан, исключает возможность уклонения от курса.

— Значит, большого напряжения от водителей не требуется?

— Самое страшное, что ожидает экипаж, — это вынужденное безделье. Ракетоплану в течение полутора месяцев предстоит лететь по инерции.

— Отлично! Но вот как нам разрешить второе «но»? После того, как ракетоплан пересечет орбиту Марса, мы потеряем с ним связь. Машина перестанет быть видимой для наших локаторов. Не так ли, Алексей Поликарпович?

— Безусловно, так.

— Как идет сборка локатора «Третий-бис»?

— Месяца через три можно будет приступить к его испытанию.

— Три месяца... А нельзя ли ускорить сборку?

— Откровенно сказать, я над этим не задумывался.

— Жаль. Уж очень длинный путь предстоит ракетоплану. Не можем мы мириться с тем, чтобы выпустить его из поля зрения. Никак не можем! Кто знает, какие неожиданности встретятся в космическом пространстве

— Ну, какие там еще неожиданности, — улыбнулся про-

фессор. — Мы достаточно хорошо изучили солнечную систему. Чуда, надеюсь, никакого не произойдет.

— Да вот же произошло.

— Не понимаю вас, товарищ заместитель министра.

— А появление астероида 117-03?

— Это верно...

— Что скажете вы, Анисим Григорьевич? — заместитель министра взглянул на председателя астрономического отдела.

— Час тому назад я разговаривал с начальником строительства высотных сооружений, — сказал Анисим Григорьевич. — Форсировать сборку локатора «Третий-бис» можно, но при одном условии.

— При каком?

— Необходима постоянная консультация Алексея Поликарповича.

— Разве я в ней отказываю? — удивился профессор.

Разговор подходил к тому трудному месту, к которому вел его заместитель министра. Несколько минут в кабинете царило молчание. Бурдин старательно разглаживал щеку ладонью и смотрел себе под ноги. Начальник астрономического отдела изучал пальцы рук.

— Вы твердо решили принять участие в полете за астероидом? — спросил заместитель министра.

— Да, — ответил Чернов, — а как же иначе? Моя консультация при сборке локатора «Третий-бис» вовсе не является незаменимой.

— Конечно, — вмешался в разговор председатель астрономического отдела, — в стране немало специалистов по радиоастрономическому оборудованию. Но ведь речь идет о предельном ускорении сборки. У вас же, Алексей Поликарпович, двенадцатилетний опыт работы по локаторам. Допустим даже, что сборку закончат без вас. За это время ракетоплан будет уже далеко в космическом пространстве и разыскать его сможет только очень опытный охотник за астероидами. Приобретать свойственный вам навык, Алексей Поликарпович, будет поздно.

— Я все понял, — Чернов насутился и покосился на Бурдина, ища у него поддержки. — Но кто заменит меня в ракетоплане? Там тоже потребуются умение обращаться с локаторами.

— Ваша ассистентка, — ответил заместитель министра. — Ее рекомендовал Иван Нестерович.

— Светлана Владимировна? Вы хотите доверить контроль курса девушке?

— При чем тут пол, Алексей Поликарпович? Как нам известно, у вас она многому научилась.

— Да, но в таком случае почему не оставить ее у локатора?

— А где потребуется большее искусство: у локатора «Третий-бис» или в ракетоплане? Безделье, как вы заметили, будет во время полета самой утомительной нагрузкой.

Профессор почувствовал, что в споре против заместителя министра ему не устоять. Его положили на обе лопатки, и он сильно подозревал в этом закулисную помощь Бурдина. Кривить душой Чернов не умел. Возразить было нечего. Он понимал: правительство хотело иметь полную гарантию удачного исхода экспедиции. К перелету была допущена первая испытанная машина. В программу ближайших лет входила постройка межпланетной станции и освоение Луны. Только совершенно особое обстоятельство — появление гостя из Галактики — заставило пойти на преждевременное исключение.

— Могу ли я считать вопрос решенным, Алексей Поликарпович?

Чернов поднял на заместителя министра усталые глаза и молча наклонил голову. Разговор перешел к частным проблемам организации полета: испытанию космических костюмов, аварийных парашютов, выбору пищевых концентратов.

В гостиницу Чернов возвращался вместе с Бурдиным.

— Удивительно, какие нелепости бывают на свете, — посетовал Чернов. — Рассчитываешь на поддержку старого товарища, а он тебе в это время палки в колеса вставляет.

— Меня имеешь в виду? — улыбнулся Бурдин.

— Тебя.

— Ты думаешь, мне не хочется лететь с тобой? Но это не выдерживает никакой логики, Алексей. Я знаю, что с профессором Черновым хлопот будет куда меньше, чем с его двадцатичетырехлетней ассистенткой.

— Ну?

— Да вот, видишь, нашлись люди умнее. О нас же дураках, позаботились. Астероид кому больше всего нужен? Тебе да мне. Вместе полетим — неизвестность. Ты останешься — полная уверенность в успехе.

В тот же день профессор Чернов вылетел обратно в Перекатовск. Он смотрел на меняющиеся под крылом самолета

да дшафты и размышлял. Смирившись со своим положением, Алексей Поликарпович испугался за Светлану. И хотя он уверял правительственную комиссию в полном отсутствии опасности полета, теперь ему на ум приходили всевозможные «вдруг».

Вдруг откажут метеоритные сигнализаторы? Тогда ракетоплану будет угрожать столкновение с метеоритом. О последствиях подобной встречи лучше и не думать — ракетоплан обратится в облако раскаленного газа.

Или вдруг откажет двигатель? Ракетоплан станет неуправляемым. Инерция заставит его двигаться в прежнем направлении, он исчезнет, навсегда растворится в мировом пространстве.

Ему как астроному слишком много известно было этих «вдруг».

Алексей Поликарпович вспомнил поведение Светланы на башне локатора. Как она дрожала от страха! Да разве же она согласится лететь с Бурдиным?

Чернов понял, что решение Светланы во многом зависит и от него. Дело даже не в страхе. Можно просто попросить ее отказаться от полета...

Чернов опустил голову. Если он сам стремился в полет, мечтал побывать в космическом пространстве, то какое право имеет он убивать эту мечту в другом человеке?

4. Ракетоплан „СССР-118“ покидает Землю

Но Светлана согласилась лететь. С пятого по двенадцатое июля она принимала участие в тренировочных полетах на ракетоплане «СССР-118».

В носовой части машины находилась кабина управления, позади нее располагался грузовой отсек с запасами питания, кислорода и специальной космической одежды. За грузовым отсеком следовало моторное отделение.

Кабина занимала не более одной четверти ракетоплана. Вся ее оболочка, кроме стены с дверью в грузовой отсек, состояла из прозрачного сплава, что давало хороший обзор водителям. Здесь размещалось очень немного оборудования. Около небольшого продолговатого щита стояли три глубоких металлических кресла, два в ряд и одно позади. По мере роста ускорения кресла автоматически откидывались, ослабляя нагрузку на тело. Над задним креслом нависала

коленообразная труба — зрительное устройство бортового локатора. В этом кресле сидела Светлана.

Последние дни перед стартом прошли для ассистентки Чернова как во сне. При каждом тренировочном полете она испытывала страх. Земля проваливалась в бездну. Никак не хотелось верить, что яркий разноцветный шар, оставшийся за хвостом машины, и есть то место, где живет она, Светлана, живут ее друзья, родные. Черная угрожающая пустота окутывала ракетоплан. Звезды приобретали неестественный яркий блеск.

После каждого тренировочного полета Бурдин хвалил девушку:

— Быстро вы приспособились к нашей «ракетке», Светлана Владимировна. Бесстрашный у вас характер.

А докладывая заместителю министра о ходе тренировочных полетов, еще больше расхваливал Светлану:

— Девушка чувствует себя в ракетоплане как в собственной квартире. Курс корректирует без малейшей заминки. Работает быстро, точно. Правильно поступили, что взяли именно ее.

— Черновская выучка, — улыбнулся заместитель министра.

А Светлана переживала безумное желание не лететь, остаться!

В обсерватории у астролокатора неизмеримость пространства физически как-то не ощущалась, она воспринималась только разумом. Но после первого же полета даже мысль об этой черной бесконечной пустоте наводила на девушку тоску. Оставшись одна, Светлана закрывала лицо руками и подолгу сидела в неподвижности. Она казалась себе хрупкой, беспомощной. Отняв от лица ладони, девушка принималась изучать в зеркале свое отражение. Ну хоть бы одна черточка мужественности! Остренькое, курносое лицо.

— Хорошо, что у тебя волосы светлые, — сказала она своему отражению, — а то бы все увидели, что ты поседела от страха.

Ах, если бы ей иметь хоть десятую долю уверенности Алексея Поликарповича! Профессор писал ей такие хорошие письма. Светлана во всем старалась подражать ему. И, кажется, никто еще не заметил, какое у нее заячье сердце.

Правительственная комиссия утвердила экипаж из трех

человек. Первоначальное намерение послать еще кого-нибудь из геологов пришлось изменить. Лишний человек — это лишнее горючее для двигателя, лишний запас кислорода, питания, одежды. Светлана, Бурдин и Лобанов прошли специальный инструктаж по геологической разработке, которую им предстояло произвести на астероиде.

Бурдин и Лобанов понравились Светлане.

Бритоголовый, с лицом мужественным, как у Чкалова, Бурдин заранее внушал Светлане уверенность в успехе предстоящей экспедиции. Он так любил и так знал свою машину! После полета Иван Нестерович вместе с механиками осматривал двигатель, ходил вокруг ракетоплана, поглаживал обшивку.

Игорь Лобанов был всего на четыре года старше Светланы. Однако он имел уже солидный опыт вождения ракетных машин. На заводе работало десять летчиков-испытателей, среди них находились люди постарше, но Бурдин выбрал именно Лобанова. Он ценил в молодом штурмане отличное знание машин. Игорь с удивительным чутьем улавливал малейшие нарушения в ритме работы двигателя, превосходя в этом, пожалуй, и самого Бурдина. К тому же Игорь был чрезвычайно любознательным человеком. Он постоянно что-нибудь изучал: радиотехнику, астрономию, акустику, зоологию. А водителю космических кораблей требовалось именно такое всестороннее развитие.

В каждый тренировочный полет Игоря провожала высокая смуглая девушка с черными волосами. Она обычно скромно стояла в сторонке. В последнюю минуту перед стартом Игорь подбегал к ней и, стесняясь окружающих, поспешно и неловко целовал в губы. Девушку звали Олей, она работала сварщицей на высотных сооружениях.

Возвращающийся из опытного полета «СССР-118» встречали члены правительственной комиссии. Ракетоплан подвергался тщательному осмотру, а экипаж поступал в распоряжение врачей. Здоровье у всех троих оказалось превосходное.

Днем старта было объявлено пятнадцатое июля. Когда Бурдин назвал это уже совершенно конкретное число, у Светланы екнуло сердце. Она взглянула на Игоря, но тот вместо ответа подмигнул ей: знай, мол, наших!

Утро в день вылета выдалось солнечным, ярким. На ракетодроме собралось изрядно народа: представители печати,

общественных организаций, Академии Наук, работники завода, гости.

В пять утра из Перекаатовска прилетел Чернов. Он явился на квартиру к Светлане с огромным букетом цветов и сам привез ее на ракетодром.

— Страшно? — спросил он, помогая ей выйти из машины.

— Страшно, — призналась Светлана. — Только вы об этом никому не говорите.

— С Бурдиным вам нечего бояться. А страшит просто неизвестность. Очутитесь в пространстве — и все страхи пройдут.

Бурдин приехал в сопровождении целой делегации. Актив дома номер восемь прибыл с ним на трех легковых машинах, забитых не столько людьми, сколько цветами.

В девять утра состоялся митинг.

— Пора, товарищи, — Иван Нестерович сделал знак дежурному по старту, — пора.

До последней минуты Чернов не отпуская руку Светланы. Девушка почувствовала, как при слове «пора» дрогнули его пальцы и он крепче сжал ее руку.

— Света, — сказал Чернов, вдруг обращаясь к ней на «ты», — береги себя.

Она взглянула в глаза Алексея Поликарповича — и на мгновение забыла о предстоящем полете, о толпе народа, о своих страхах. Такого странного, изменившегося лица у Алексея Поликарповича еще не бывало. Ей показалось, что она его поняла.

Она увидела открытый зев люка. Игорь целовал свою черноволосую подругу. Бурдина облепили пионеры из восьмого дома, да так плотно, что оттеснили жену.

И Светлана первой шагнула в люк, так ничего и не сказав Чернову. Она просто не знала, что сказать.

Люк закрылся. Раздался глухой рокот включенных насосов. Воздух наполнился пронзительным свистом вспыхнувшей струи водорода. «СССР-118» сначала медленно, а затем все ускоряя ход, двинулся по наклонному желобу стартовой эстакады, направленной к востоку. Прямой, как линейка, пятикилометровый желоб поднимался над землей. Он обрывался на высоте четырехсот метров на вершине лесистого холма. Здесь машина развила скорость, достаточную для того, чтобы воздух мог служить опорой для ее коротких крыльев.

Быстро убывая в размерах, ракетоплан уходил вверх и почти мгновенно растворился в прозрачной синеве неба, оставив за собой лишь ослепительно белую газовую полосу.

...Двое мужчин и девушка неподвижно сидели в креслах. Их прижимала к спинкам восьмикратная тяжесть тела. За каждую секунду машина ускоряла свое движение на восемьдесят метров. Через две с половиной минуты после старта «СССР-118» уже развил скорость, необходимую для преодоления притяжения Земли. Но двигатель продолжал работать. Следовало набрать расчетную скорость 160 километров в секунду, на 51 километр превышающую скорость движения астероида. Тридцать четыре минуты ракетоплан управлялся автоматически. Затем автоматы выключили двигатель — и тяжесть сразу исчезла. Стало так легко, что у Светланы возникло ощущение, будто она сорвалась с большой высоты и падает куда-то вниз, вниз, вниз...

— Светлана Владимировна, — попросил Бурдин, — уточните курс.

Ассистентка приблизилась к зрительному устройству локатора. Ровным отчетливым голосом она диктовала координаты. Бурдин и Лобанов сверяли данные локатора с показаниями приборов на щите. Игорь иногда нажимал ту или иную кнопку, и на концах крыльев ракетоплана вспыхивали короткие языки пламени. Это крыльевые двигатели производили поворот ракетоплана.

Вскоре курс был уточнен. Члены экипажа получили возможность оглядеться и прийти в себя. Светлана прежде всего повернула локатор в сторону Земли. Огромный шар с белыми сверкающими шапками полюсов, зелеными, бурыми и голубыми пятнами материков и океанов медленно отодвигался вглубь пространства. Утомившись от созерцания Земли, она оставила локатор и перевела взгляд на колпак кабины. За прозрачной оболочкой лежала непроглядная тьма и... море звезд! Движения не ощущалось.

— Расстегивайте ремни, — разрешил Бурдин.

Светлана впервые была так далеко от Земли: тренировочные полеты велись ниже. Сейчас она чувствовала себя сильной и смелой, нимало не смущаясь тем, что огромная доля ответственности ложится на ее слабенькие плечи. Девушка ликовала — она летит в неведомые дали космоса. Не скоро после полета «СССР-118» туда полетят другие.

Игорь потянул ее за руку. Светлана почувствовала, как тело ее отделяется от кресла. Прежде чем она успела за

что-либо ухватиться, ее приподняло в воздух. Ей показалось, что вся кабина пришла в движение и поворачивается вокруг нее.

Она услышала густой смех мужчин, сами они мелькали то под ногами, то над головой, то где-то сбоку. У нее имелась достаточная сноровка для передвижения в среде без тяжести, но тут ее лишили опоры. Девушка барахталась в воздухе, тщетно стараясь добраться до стены. Только что полная безграничной веры в себя, она готова была заплакать от злого бессилия и не на шутку рассердилась на своих хочущих друзей.

Кабина продолжала поворачиваться до тех пор, пока девушка не коснулась стены. Она так и застыла, словно муха, попавшая на липучку.

— Я хочу в кресло, — взмолилась Светлана. — И вообще это нечестно. Вы, Игорь Никитич... вы..:

— Негодяй! — с восторгом подхватил штурман.

Он отделился от кресла, медленно подплыл к Светлане, схватил ее за пояс комбинезона, крикнул: «Чудеса продолжают, лэди и джентльмены!» и с силой оттолкнулся от стены. Вдвоем они перелетели через всю кабину к грузовому отсеку, а оттуда через голову Ивана Нестеровича обратно к носовому колпаку. Оба хохотали. Бурдин ухмылялся.

После двух таких «рейсов» лицо Игоря вспотело, он задыхался как загнанная лошадь.

— Ага, выдохлись! — торжествующе закричала Светлана. — Вот вам и мир чудес.

— Да, но это мир все той же Ньютоновой механики, — оправдывался Игорь. — Я уж тут ни при чем, если вес исчезает, а масса остается прежней.

Действительно, тяжесть исчезла, люди переселились в мир невесомости, но масса их тел осталась такой же, какой была на Земле. А толкать, хотя бы и ногами, семьдесят килограммов своих да пятьдесят два килограмма Светланиных не так уж просто.

— Когда-то я думала, что в космическом пространстве смогу поднять двухэтажный дом, — вздохнула Светлана.

Внезапно раздалось тревожное гудение вибратора. На щите замигала оранжевая лампочка.

— Метеориты!

Пришлось возвратиться в кресла и прочно пристегнуться ремнями. Автоматы включили двигатель, они же увели ракетоплан от встречного потока метеоритов. За появлением

блуждающих обломков следили радарные сигнализаторы и могли «видеть» их за много тысяч километров. Скорость сближения с ними превышала сто девяносто километров в секунду.

Когда угроза столкновения миновала, ракетоплан лег на прежний курс. Пришлось потерять несколько часов полета. Увидеть промчавшиеся метеориты, разумеется, не удалось, но долго еще все трое поглядывали в черную мглу, таящую в себе невидимые и грозные опасности.

— Хвала вам, Светлана Владимировна, и Алексею Поликарповичу, — сказал Бурдин. — Без сигнализаторов мы уподобились бы слепому, попавшему на чужой перекресток, где нет к тому же милиционера.

— Эти метеориты упадут на Землю. — Девушка сдержанно улыбнулась в ответ на похвалу главного конструктора. — Кто-то и где-то сейчас будет наблюдать падающие звезды.

— Как ваше самочувствие? — спросил голос Чернова.

Светлана вздрогнула. На щите светился телевизионный экран. И прямо в ее глаза с экрана смотрел Алексей Поликарпович. Его руки лежали на рукоятках управления локатором. Рядом с профессором сидел Седых, а позади еще несколько человек. Встретив взгляд девушки, Чернов улыбнулся.

— Как самочувствие? — повторил он.

— Хорошее, — ответил Бурдин.

— Отличное! — поправила его Светлана, и Чернов ободряюще кивнул ей.

— Двигатель выключен, идем по инерции. — Бурдин покосился на ассистентку.

— Сообщите показания приборов, — попросил Чернов. Разговор продолжался минут пятнадцать.

— Через каждые два часа будем включать связь, — сказал заместитель министра. — Помните, что за вами следят локаторы перекатовской обсерватории.

Экран погас, но Светлане показалось, что Земля совсем рядом.

...Прошло три недели со дня старта. Земля уже превратилась в голубенькую звездочку. Каждый раз, взглянув на нее, Светлана испытывала щемящее тоскливое чувство. Она бы захандрила, не будь рядом с ней таких товарищей. Три

недели вынужденного бездействия и изнуряющего однообразия, казалось, на них вовсе не действуют.

Иван Нестерович строго следил за своей внешностью и каждые двадцать четыре часа брился. Он систематически вел бортовой журнал, часами проверял работу механизмов, что-то писал, вычислял, исследовал, видимо не прекращая своей чисто конструкторской деятельности. Он постоянно находил занятия и для Лобанова, поручая ему то составлять сложные графики температурных напряжений оболочки ракетоплана, то проверять пройденное расстояние. Кроме того, Бурдин и Лобанов поочередно дежурили у щита управления. Автоматы автоматами, но главная ответственность остается за человеком.

Глядя на деловитого Бурдина, Светлана составила себе программу наблюдений. Ракетоплан приближался к орбите Марса. Планета в это время находилась по другую сторону Солнца и оставалась невидимой, но зато в поле зрения бортового локатора оказалась Церера. Здесь, в непосредственной близости к ней, Светлана могла довольно подробно разглядеть поверхность астероида. Отражая лучи Солнца, Церера сверкала изумрудными блестками. Светлана, делая спектральный анализ, к собственному удивлению обнаружила на астероиде глыбы кристаллического алюминия.

— Космические залежи алюминия, — сказала она Бурдину, — готового, дарового, рафинированного.

— Когда-нибудь доберемся и до него, — уверенно ответил главный конструктор.

Светлана занялась наблюдениями космических лучей. Для этого, с закрепленными на груди приборами, надо было выходить из ракетоплана наружу. Во время прогулок ее сопровождали либо Игорь, либо Иван Нестерович. Сразу втроем кабины не покидали. При сигнале о появлении метеоритов следовало немедленно садиться в кресла и пристегиваться ремнями.

Изменение курса происходило автоматически. Автоматы же и возвращали ракетоплан на трассу. Но в задачу Светланы входило каждый раз делать проверочные расчеты, ориентируясь по Солнцу и созвездиям. Таким образом, больше всего хлопот метеориты доставляли Светлане. Человек и автоматы контролировали друг друга. И, как прежде, здесь исключалась возможность ошибки. Самая небольшая погрешность в определении курса при том колоссальном

расстоянии, которое отделяло ракетоплан от астероида 117-03, лишила бы погоню за ним всякого смысла.

Из ракетоплана выходили в особых космических костюмах, напоминающих водолазные, только значительно удобнее, проще и легче. Скафандр костюма был совершенно прозрачен, радиоустройство позволяло вести разговор между собой и поддерживать связь с тем, кто оставался в ракетоплане.

Иногда они включали закрепленные на спине портативные атомные двигатели и удалялись от машины на значительные расстояния. Тогда Светлана забывала о наблюдениях. Леденящий страх заставлял ее вцепляться в своего спутника. Она с ужасом и любопытством глядела вокруг себя: прозрачная черная мгла, бесконечно далекие, но совершенно четкие звезды... ни низа, ни верха, а главное — ошеломляющее ощущение неизмеримости пространства.

Игорь и Иван Нестерович во время таких прогулок чувствовали себя почти так же уверенно, как и за управлением ракетоплана.

— Конечно, мы в этом пространстве, — Бурдин делал широкий и властный жест рукой, — малявки, неразличимые пылинки, но пылинки мыслящие, разумно использующие законы этого бесконечного пространства. Так-то, товарищ астроном.

В часы отдыха Светлана отдавалась воспоминаниям, воскрешая в воображении родные места на Волге, припоминала встречи с друзьями. Но чаще всего она размышляла о своей работе в обсерватории. Ее обязанности ассистентки, ближайшей помощницы профессора Чернова, непрерывно расширялись. Едва минул год, как она приехала в Перекатовск, а Алексей Поликарпович допустил ее к исследовательским работам в гравитационной лаборатории. Это вовсе не входило в ее прямые обязанности, ведь она была только астрономом, но когда профессор предложил ей принять участие в работе с гравитонами. Светлана почувствовала себя выросшей сразу на голову. Работа над гравитационной теорией была самой сокровенной для Алексея Поликарповича, целью его жизни.

И вот сейчас ракетоплан рассекает космические гравитационные поля. Они заполняют всю вселенную. Они пронизывают любое тело, любое вещество. От них не укроешься, как от световых или электромагнитных полей. Гравитационные поля создают силы взаимного тяготения и приводят в движение звездные миры.

— Гравитационные поля, — прошептала Светлана и, прикрыв глаза ладонью, попыталась представить себе, каково же физическое строение такого всепроникающего поля. Но это было невозможно, эксперименты еще не дали наглядного материала, пищи для воображения.

Набравшись решимости, Светлана раскрыла тетрадь и сделала попытку продолжить расчеты Чернова. Взять хотя бы этот странный астероид 117-03. Какая сила управляет его движением и где же в конце концов ее источник?

Светлана ловила себя на том, что вычисления мысленно переносят ее в общество Чернова, будто расчеты она ведет в его присутствии, под его внимательным взглядом.

Она скучала об Алексее Поликарповиче...

5. Встреча с кометой

Прошло сорок суток со дня старта. Через семь суток ракетоплан должен был пересечь орбиту Юпитера, самой большой планеты солнечной системы. Юпитер, как и Марс, находился слишком далеко от трассы «СССР-118», так что никакого разнообразия в пути вплоть до встречи с астероидом экипаж не ожидал. Этот момент отдаляло еще девять суток.

Нетерпение экипажа возрастало. Светлана все чаще всматривалась в пространство, лежавшее перед машиной. Все же странно преследовать невидимую цель, да к тому же убегающую с огромной скоростью. Там ли сейчас астероид 117-03, где ему полагается быть по расчету? Не вмешается ли в погоню какое-нибудь непредвиденное обстоятельство?

Подобные мысли приходили в голову не только Светлане. Сорок суток кажущейся неподвижности среди мертвого блеска созвездий начали утомлять даже Ивана Нестеровича. Но вслух все трое оживленно обсуждали близкий теперь конец путешествия, говорили о нем, как о свершившемся уже факте. Они во всех подробностях разобрали процедуру исследования астероида, организацию взрыва с помощью атомного патрона и, главное, вылавливание в пространстве тех кусков, которые разбросает взрывом.

По мере приближения к орбите Юпитера метеоритов становилось все меньше и встречи с ними почти совсем прекратились. Пустота окружала ракетоплан, она ничем не грозила нарушить установившееся движение машины. Мерный стук

электрического хронометра да поворот цифровых дисков в глазках дальномера были единственными наглядными доказательствами движения «СССР-118». Если бы сохранилась связь с Землей, сколько бы оживления внесла она в жизнь экипажа! Бурдин вспомнил о локаторе «Третий-бис». Интересно, как идет его сборка?

За сутки до того, как пересекли орбиту Юпитера, прямо по курсу появилось сероватое пятнышко. Сначала его увидела Светлана через астролокатор, а потом и Бурдин с Лобановым через оптические телескопы.

Но это не был астероид 117-03. Пятнышко было туманным, прозрачным. Оно двигалось наперерез ракетоплану, и когда его засекала Светлана, находилось в двадцати трех миллионах километров от «СССР-118», а до астероида оставалось сорок один миллион с половиной.

Пятнышко быстро увеличивалось в размерах. Спустя час его можно было видеть уже невооруженным глазом.

— Это комета, — сказала Светлана, — хвостатое светило. Но до чего интересно: в этом месте пространства и в это время не должно появиться ни одной известной нам кометы. Мне кажется, что мы являемся свидетелями возвращения очень дальней путешественницы. Астрономы предполагают существование комет с периодом обращения вокруг Солнца около тысячи лет. Вот, вероятно, одна из них.

— Но почему молчат сигнализаторы? — удивился Игорь.

— Скоро они забеспокоятся. Твердое ядро кометы очень мало, луч сигнализатора еще не нащупал его. А остальная масса кометы состоит из пыли или газа, освещенных Солнцем.

Еще через несколько часов комета приняла размеры полной Луны. В центре ее светилась более яркая точка, окутанная бледным сиянием. Сияние вытягивалось, удлинялось в сторону противоположную Солнцу.

Светлана принялась за наблюдения. Вскоре она установила, что комета движется под углом в сто десять градусов к курсу ракетоплана. Ее скорость составляла двадцать семь километров в секунду, не так уж много, но общая скорость сближения превышала сто восемьдесят семь километров.

Через девять часов серое сияние заполнило все пространство перед ракетопланом. Тревожно завыл вибратор, замигала сигнальная лампочка. Ядро кометы приобрело белый блеск. Оно выбрасывало из себя темнофиолетовые и оранжевые газовые фонтаны, которые давлением солнечных

лучей сносило назад, как встречным потоком воздуха сносит выхлопные газы двигателей теплохода. Фонтаны перемешивались, расплывались, редели, образуя за головой кометы конусообразный, тающий в пространстве хвост.

Голова кометы почти втрое превосходила размеры земного шара, хвост ее тянулся на три с половиной миллиона километров. Между тем хвостатое светило относилось к разряду самых маленьких. Большинство известных Светлане комет имели голову значительно больше Солнца, а хвост их обычно доставал от орбиты Меркурия до орбиты Юпитера и даже дальше. Если такие кометы и оставались невидимыми для невооруженного глаза земного наблюдателя, то лишь потому, что голова и хвост имели плотность неизмеримо ниже плотности земной атмосферы, то есть, в сущности, были прозрачны для лучей солнца. А ядро кометы, состоящее, как правило, из нескольких глыб, доступно для наблюдений только с помощью совершенных инструментов — сильнейшего оптического телескопа или астролокатора.

— Светлана Владимировна, — сказал Лобанов, — сигнализаторы уводят нас от ядра кометы, но похоже, что нам не миновать ее хвостик.

— В самом деле, — Бурдин с трудом оторвался от необыкновенного зрелища. — Нам предстоит пройти сквозь хвост кометы. Не грозит ли это какой-нибудь непредвиденной опасностью? В наших разработках астронавигаций подобные случаи вовсе не предусмотрены. Насколько мне известно, вещество хвоста крайне разрежено.

— Совершенно верно, — подтвердила Светлана, — более разрежено, чем земная атмосфера на высоте пятисот километров. В 1910 году Земля пересекла хвост кометы Галлея, и ученым даже с помощью самых тончайших анализов не удалось обнаружить в атмосфере примесь посторонних газов.

— Что ж, — конструктор продолжал недоверчиво поглядывать на белый блестящий комок, закрывший своим цветным расходящимся шлейфом угольную черноту пространства и россыпь звезд, — пойдем напролом. Но вы, Светлана Владимировна, все-таки не прекращайте наблюдений. Уж очень мне не нравится эта радуга. Конечно, она красива... Игорь Никитич, прикинь-ка, насколько велико будет трение между оболочкой машины и веществом хвоста...

Подсчеты штурмана несколько успокоили Бурдина. Мож-

но было не опасаться нагрева ракетоплана. И все-таки Иван Нестерович продолжал держаться настороже. Непредвиденные изменения в условиях полета ракетоплана, даже самые незначительные, всегда лишали его покоя. Конструктор приучил себя к тому, что в космическом пространстве, бесконечном и полном неизвестностей, всегда могут оказаться сюрпризы, о которых не подозревают ученые.

Втайне Иван Нестерович подумывал, не стоит ли все-таки, пока не поздно, разминуться с кометой. Вслух он ничего не говорил, ибо знал, что встретит объединенные обоснованные возражения. К тому же обогнуть хвост кометы означало описать дугу в десятки миллионов километров. Восстановить курс после такого отклонения будет нелегко. Справится ли тогда девушка? Не будет ли потерян астероид 117-03?

Опять загудели метеоритные сигнализаторы и ракетоплан, словно угадывая мысли Бурдина, стал разворачиваться вдоль хвоста кометы.

— Ишь ты, — удивился Лобанов, — а нашей машине хвостик почему-то не понравился. Отчего бы это?

— Вещество хвоста имеет очень высокую степень ионизации, — пояснила Светлана, не отрывая глаз от локатора, — непонятно высокую. Лучи сигнализаторов отражаются от газов, как от экрана.

— Тогда что же, — Лобанов вопросительно посмотрел на своего командира, — выключаем эту музыку и...

Прежде чем ответить, Иван Нестерович внимательно посмотрел на контрольные приборы — они ничего не сказали ему, ракетоплан с заданной скоростью мчался вперед. И только гудки сигнализаторов предупреждали об опасности. Однако сигнализаторы тоже ошибались: впереди не было метеоритов, перед машиной расстилалась яркая, многоцветная, но разреженная газовая материя, ничем не грозящая.

— Давай! — коротко бросил Бурдин.

Штурман щелкнул кнопочными рычажками, сигнализаторы умолкли. Он принял у них управление. За управлением работающего двигателя Игорь чувствовал себя спокойно и уверенно, он как бы сливался с машиной и мощь ее ядерных реакций удесятворяла его собственные силы. Глаза штурмана сразу вспыхнули, он весь ожил, расправил плечи.

Ракетоплан снова изменил курс, на этот раз по воле человека. Машина устремилась прямо в оранжевый расходящийся шлейф кометы.

— Посмотрим, каковы внутренности у этого «чуда»! — прокричал штурман, хотя в кабине было совершенно тихо.

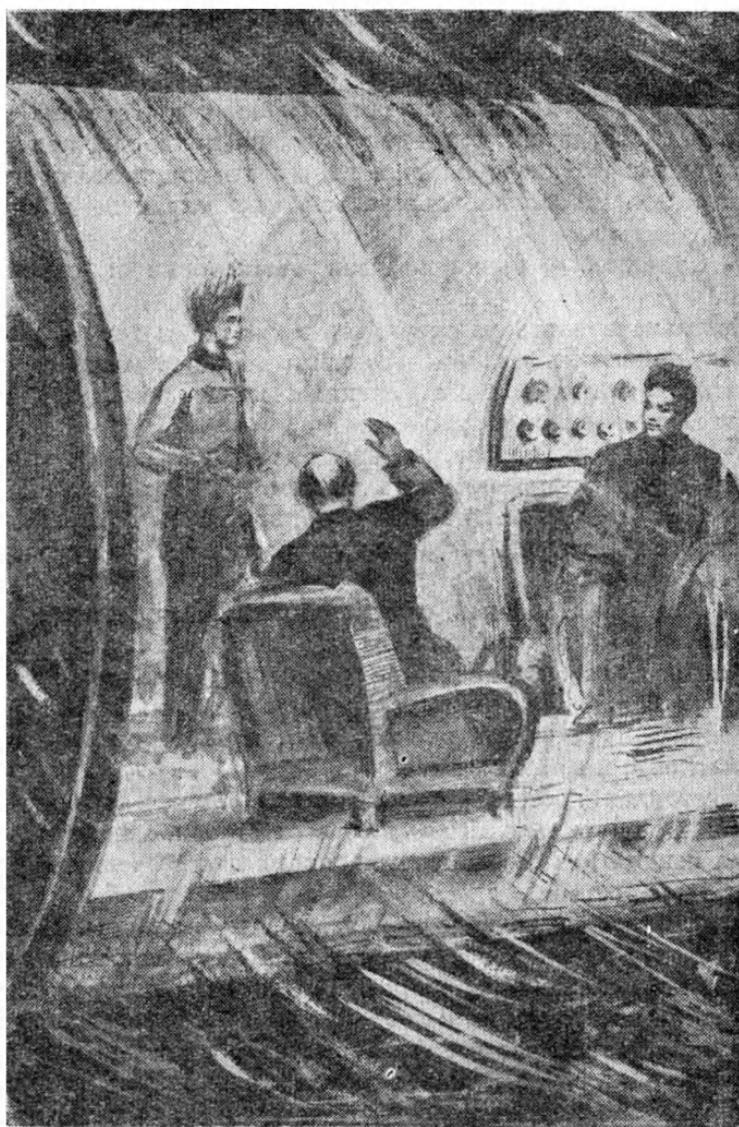
А «чудо» становилось все больше. Его уже нельзя было охватить одним взглядом. Только позади ракетоплана по-прежнему зияла чернота.

Серое сияние вокруг ядра усиливалось, напоминая блеск снежной пыли в солнечных лучах. Но голова кометы и ее хвост излучали свой собственный свет! То, что было гипотезой астрономов, теперь предстало перед глазами экипажа «СССР-118»!

Осколок неведомой планеты, частица погибшего где-то мира, кружился вокруг Солнца, захваченный его притяжением. В ядре кометы с помощью спектрального анализа Светлана установила наличие льда, кремнистых пород, железа, никеля... Хвост представлял собой пыль и смесь газов — циана, углерода, азота, окиси углерода. Газы то умеренно, то с бурным взрывом выделялись из ядра. Нагрев лучами Солнца имел здесь ничтожное значение. Скорее всего в комете шел непонятный процесс распада вещества. В то время, как астероиды, крошечные планетки, живут веками, вращаясь на доставшихся им орбитах, кометы умирают, растворяются в пространстве, теряют свою массу с каждым новым оборотом вокруг Солнца. По мере приближения кометы к Солнцу его лучи примут все возрастающее участие в этой разрушительной работе. Начнут обращаться в пар и металлы — железо, никель, алюминий... Давлением солнечных лучей образовавшиеся пары будут развеяны в пространстве, чтобы где-то снова стать материалом для образования новых миров. Межзвездный газ соединяется в гигантские туманности, которые, уплотняясь, вспыхивают новыми звездами.

В действие пошла вся наблюдательная аппаратура, которой был оснащен ракетоплан. На лице ассистентки все отчетливее проступало недоумение. Если локатор, рассказывая о химическом строении ядра кометы и ее хвоста, доставлял ей уже известные сведения, то с приборами, контролирующими космические излучения, происходило непонятное. В пространстве появились гамма-лучи, словно где-то поблизости начался радиоактивный распад.

До газовой среды оставалось несколько часов полета, но казалось, что машина уже погрузилась в серебряное марево. Желтые и фиолетовые лучи тянулись вдоль хвоста ракетоплана расходящимися конусами.

Еще более удивительное зрелище представляло собой ядро кометы. Оно сверкало полированным золотом, бесчисленным скоплением алмазов, рубинов, изумрудов, гранями антрацита. Между глыбами вспыхивали молнии электрических разрядов.

Ядро все дальше уходило из поля зрения.

Усталость взяла свое. Бурдин, Лобанов и Светлана задремали. А когда они открыли глаза, на приборах, контролирующих состояние оболочки, испуганно вздрагивали черные стрелки. Оболочка нагревалась, чего никак не должно было случиться.

— Странно... — буркнул Иван Нестерович и сдвинул брови.

Светлана взялась за регулятор локатора и тотчас же ее волосы поднялись дыбом. Кончики пальцев начало неприятно покалывать, а в ногах ниже колен появилась непроизвольная нервная судорога.

— Модель дикобраза, — пошутил Игорь, но спутники ответили ему напряженным молчанием.

— Похоже, что мы попали в ионизированную среду, — проговорила Светлана. — Газ очень разрежен, а ионизация необыкновенная.

— Иван Нестерович... — штурман глазами показал на термозащитные элементы: температура на оболочке ракетоплана быстро повышалась. За десять минут она выросла до двухсот тридцати градусов, чего не случалось даже во время прохождения нижних слоев земной атмосферы. Происходило и непонятное и неподвижное.

Ракетоплан пересекал хвост кометы. Теперь разноцветное сияние окутывало машину со всех сторон. Снаружи нарастал непонятный шум, напоминающий низвержение огромного водопада...

Бурдин сосредоточенно поглядывал на приборы. Потом он распахнул журнал и с лихорадочной поспешностью стал записывать показания приборов. Только на мгновение подумал он: не повернуть ли в сторону, прочь от этого загадочного места? И тут же все его существо решительно воспротивилось — он был не только командир экипажа, но и исследователь.

Почему нагревалась оболочка машины? Иван Нестерович попробовал провести аналогию с земной атмосферой. Ведь там тоже, начиная с высоты ста километров, идет повышение температуры от пятидесяти градусов ниже нуля до

семисот градусов тепла на высоте тысячи километров. Такой резкий переход вызывается ионизацией воздуха вследствие непрерывной бомбежки его протонами и электронами, летящими со стороны Солнца. Однако эти семьсот градусов никак не сказывались на ракетоплане, когда он, возвращаясь из космических рейсов, шел на посадку.

Почему же здесь, в хвосте кометы, более разреженном, нагревается оболочка? Может быть, сказывается скорость движения? Нет, конечно, причина не в этом и едва ли удастся разгадать ее сейчас.

— Светлана Владимировна, — потребовал Бурдин, — не прекращайте наблюдений ни на минуту. Фиксируйте показания приборов.

— Не могу понять, в чем дело, — отозвалась Светлана. — Ионизация становится все сильнее.

Игорь прислушивался к шуму снаружи. Теперь он напоминал штурману не водопад, а гудение трансформатора. Игорь поделился своими наблюдениями с друзьями. Светлана посмотрела на него долгим, пристальным взглядом, что-то прикидывая.

В кабине становилось заметно теплее. Снаружи температура поднялась до пятисот сорока градусов. Оболочка из отличного теплонепроницаемого материала до сих пор ограждала экипаж от действия этой испепеляющей жары.

— Охладитель! — приказал Бурдин.

Игорь нажал кнопку. Прозрачная стена кабины помутнела. Охлаждающая жидкость заполнила капиллярную систему, не давая перегреваться оболочке ракетоплана.

Электромеры отмечали растущую ионизацию. Собственно, уже не ионизацию, а распад молекул на атомы и полное отщепление электронов от атомов. Газовая среда попрежнему оставалась чрезвычайно разреженной, но потоки протонов сгушались вокруг металлического тела машины. Вокруг «СССР-118» постепенно закручивался радужный смерч. Температура в кабине перевалила уже за тридцать. Бурдин первым принялся расстегивать ворот комбинезона.

— Не понимаю, — пробормотала Светлана, виновато поглядывая на конструктора, будто это она виновата в нагреве ракетоплана, — ничего не понимаю. Вокруг нас какая-то электрическая буря. Но что ее вызвало?

— И не была ли она уже до нашего появления? — добавил Бурдин.

— В меньшей степени, но уже существовала, а мы появились тут в качестве железного сердечника.

Машина гудела, словно негодую на вертящийся вокруг нее вихрь. В шуме терялись звуки голосов. Становилось все жарче. Стрелки термоэлементов медленно, но непрерывно ползли по шкале. На наружной поверхности ракетоплана температура достигла восьмисот градусов и продолжала повышаться. Охладитель ограждал кабину, защищая людей от опасности изжариться живьем. Однако Бурдин со злостью думал о том, что не предусмотрел длительной работы охлаждающей системы. Расчет велся только для посадки на Землю, для преодоления слоя земной атмосферы, ничтожного в сравнении с толщиной хвоста кометы.

Об этом знал Игорь, догадывалась Светлана. Тайком друг от друга они поглядывали на хронометр. Минуты тянулись медленно. Температура в кабине повысилась до срока восьми градусов.

Игорь протянул руку и неторопливо, словно выключал приемник в своей комнате, повернул регулятор охладителя влево. Бурдин ничего не сказал, только мельком взглянул на девушку. Количество жидкости, поступающее в капиллярную систему, сократилось. В кабине сразу стало жарче. Светлане показалось, что где-то открыли заслонку большой пылающей печи.

— Однажды в Крыму, — сказал Игорь, — было так же тепловато. И я целый день провалялся на пляже. Знаете как загорел? Любо-дорого!

Голубое сияние за прозрачной стеной кабины становилось нестерпимо ярким. Иван Нестерович приказал одеть защитные очки. Создавалось впечатление, будто не огненные струи вращаются вокруг машины, а кабина вращается с бешеной скоростью. Светлана закрыла лицо ладонями; у нее закружилась голова.

— Светлана Владимировна, голубушка, — Иван Нестерович даже привстал, — не прекращайте наблюдений. Смотрите, сколько можете. С Земли этого не увидят. Или пустите, я сам.

Девушка задыхалась. Температура давно перешагнула за семьдесят. Хорошо, что здесь не было тяжести. Бурдину не потребовалось больших усилий, чтобы перенести Светлану в свое кресло. Только часовые механизмы самопишущих приборов, как ни в чем не бывало, продолжали постукивать в алюминиевых коробках. Жужжали скорост-

ные телефотообъективы, запечатлевая голубые и бордовые полосы, оплетавшие кабину. Автоматы, равнодушные к жаре, не уставали записывать, отсчитывать, предупреждать о росте электризации, проделывая все это с невозмутимой деловитостью.

А за прозрачной стеной кабины продолжало разыгрываться зрелище, отдаленно напоминающее полярные сияния над земными полюсами, только в тысячи раз более яркое. Смерч приобрел теперь все цвета радуги, и цвета эти образовывали вращающиеся полосы с правильным чередованием в спектре от темнокрасного, оранжевого, ослепительно желтого до темнофиолетового. Нет, здесь уже не подходили никакие сравнения. Впрочем, их некому было и делать. Задышающиеся от жары, ослепленные и оглушенные, люди из последних сил пытались продолжать наблюдения, тщетно стараясь понять, какие же силы природы безумствуют вокруг ракетоплана.

— Фейерверк, — сказал Игорь. — Космос приветствует нас, товарищи земляне.

А сам протянул руку и еще повернул регулятор охладителя влево. Температура в кабине поднялась до семидесяти пяти... до восьмидесяти... От стенок польхало огнем.

«Довольно! — глазами приказал Бурдин и кивнул на Светлану: — Она не выдержит».

Девушка, запрокинув голову и закрыв лицо ладонями, дышала широко открытым ртом, губы ее пересохли, грудь учащенно вздымалась под расстегнутым комбинезоном.

«А что будет с нами, когда кончится охладитель?» — ответили глаза Игоря, указывая на хронометр.

«Прекратим полет...»

«Никогда!»

Ракетоплан превращался в герметически закрытую, непрерывно подогреваемую духовку. Воздух обжигал ноздри, одежда взмокла от пота и прилипла к телу, дышать было нечем.

Бурдин приоткрыл вентиль кислородного питания. По-веляло освежающей прохладой, дышать стало легче, но ненадолго. Тогда, уже не вставая, Иван Нестерович выдавил из резинового резервуара немного воды, наполнил ею алюминиевый стакан и опрокинул на Светлану. Он забыл об отсутствии тяжести — вода вылетела из стакана блестящим стеклянным шаром и, оттолкнувшись от головы девушки,

медленно поплыла к стене кабины. Коснувшись раскаленной поверхности, вода закипела.

Игорь больше не убавлял охладителя, но в кабине становилось все жарче. Прошло двадцать восемь минут, как машина погрузилась в хвост кометы. Оставалось еще двенадцать-тринадцать минут.

Бурдин с тревогой поглядывал на Светлану. Девушка крепилась из последних сил.

«Когда я на почте служил ямщиком...» — запел штурман, но с губ его сорвались хриплые, нечленораздельные звуки. Закашлявшись, он огорченно покачал головой.

Стены кабины пылали. Последние капли охладителя кипели под оболочкой. У Бурдина закружилась голова, он обмяк и потерял сознание.

— У-у, хвостатая чертушка! — Игорь сжал кулаки и стиснул зубы.

...Светлана пришла в себя от освежающей прохлады во рту. Игорь, раздетый, в одних трусах, склонился над ней и вытряхивал ей на лицо воду из стакана.

— Вот и сдюжили, — штурман ободряюще улыбнулся. — Уплыла косматая, путь свободен. А жариться все-таки лучше, чем купаться в проруби. Давайте я помогу вам раздеться, Светлана Владимировна. На вас хоть выжимай.

Бурдин, тоже в одних трусах, сидел в кресле. Он дышал жадно, часто. Лицо его распухло, покрылось красными пятнами. Светлана поспешно разыскала зеркальце, взглянула в него и... ахнула! На нее смотрел кто-то незнакомый, обезображенный, с обожженными щеками, с красными заплывшими глазами, с губами толстыми и кровоточащими.

— Ничего, — успокоил ее Лобанов, — до свадьбы заживет. Главное — как глаза? Смотреть можете?

— Могу.

— Хорошо бы сразу уточнить курс.

Освободившись с помощью штурмана от насквозь пропитанной потом одежды, Светлана села к локатору. Погоня за астероидом 117-03 продолжалась.

6. Локатор „Третий-бис“ вступает в строй

С совещания у начальника строительства Алексей Поликарпович возвратился в одиннадцать ночи. Только что стемнело. Он распахнул окно и долго смотрел на освещен-

ный прожекторами локатор «Третий-бис». Строительство шло теперь круглосуточно. Чаша, в которой разместилось бы порядочное село, покоилась на башнях. Больше всего хлопот доставил приемник, сконструированный Черновым. Получилось сложновато, зато многообещающе.

Окончательная сборка приемника удалась лишь привезенной из Жерковска бригаде автоматической сварки. Поднимаясь на башни, Алексей Поликарпович часто замечал на выполнении самых серьезных операций черноволосую девушку. Он узнал ее. Это она провожала штурмана Лобанова.

По темпам сборки бригада из Жерковска не имела соперников. Чернов понял: тон в ней задает Оля Горяева, подруга штурмана. Торопить здесь было некого. Каждый рабочий на строительстве знал, почему ускорили сборку.

И все-таки Алексею Поликарповичу казалось, что сборка идет недостаточно быстро. Прошло две недели со дня старта. Ракетоплан еще находился в зоне наблюдения локаторов. И пока Чернов видел «СССР-118», он оставался более или менее спокойным. Но через неделю ракетоплан станет недостижим для луча действующих локаторов. Конечно, профессор верил в благополучное возвращение ракетоплана, однако он не смирился с мыслью, что какой-то промежуток времени не сможет его видеть.

Самые большие работы предстояли на сборке приемно-передаточной аппаратуры в наблюдательном корпусе. Если сам локатор имел внушительные размеры, то питающая его радиоаппаратура размещалась всего в двух небольших залах. Здесь не было ни одной лампы. Их заменили полупроводниковые магнетроны и полупроводниковые конденсаторы, вмещающие в себя миллионы киловатт-часов электроэнергии. В первом зале находились два ряда кубических коробок высотой в рост человека каждая. Подземная шинная галерея связывала коробки между собой и с локатором. Во втором зале размещалась контрольная аппаратура, реле-автоматы, щиты управления. Экран и центральный пункт управления были вынесены в специальный наблюдательный зал. Локатор «Третий-бис» получил свою подстанцию двоякой мощности.

Оставив окно, Чернов подошел к столу, заваленному чертежами и схемами. Он намеревался сегодня еще поработать, посидеть над проверкой выполненных конструкций. Но пробыв час-полтора за столом, профессор поймал себя

на том, что мысли его витают слишком далеко отсюда. Его тянуло к экрану локатора, словно там он надеялся увидеть Светлану.

Спустя десять минут он уже сидел за пультом. На экране разгорались звезды, они становились все ярче, превращаясь из желтых точек в ослепительно белые алмазные огоньки. Наконец между ними появилась серебристая искорка — ракетоплан. Сегодня найти его было совсем трудно.

Профессор привычно взглянул на приборы, записал в журнале время наблюдения, показания приборов, подсчитал, сколько еще пролетел «СССР-118», проверил курс его движения, одобрительно покачал головой. Светлана безупречно делала свое дело. Ракетоплан шел точно к намеченной цели.

— Алексей Поликарпович, — произнес рупор на пульте, — тут девушка просит разрешения пройти к вам.

— Кто? — спросил Чернов, узнав голос дежурного.

— Горяева.

— Проводите ее ко мне.

Глаза девушки не сразу привыкли к сумраку, и Чернов мог понаблюдать за ней. Лицо у Горяевой было упрямое, в глазах таилось раздражение, готовое прорваться в любую минуту.

— Извините, что я помешала вам работать, — сказала Оля, — но я, как приехала сюда, все собиралась попросить вас показать мне, где находится ракетоплан.

— Что ж, садитесь, Горяева, и смотрите — вот он.

— Где?

— Видите в центре экрана три самых ярких звезды?

— Да, вижу.

— А ближе к верхней звезде искорку?

— Да. Неужели это...

— Это и есть ракетоплан.

— Увеличить его нельзя?

— Нет. Еще два-три дня и мы вовсе перестанем его видеть. А вот с помощью «Третьего-бис» мы увидели бы и тех, кто находится в ракетоплане.

— Правда?

— Разумеется.

Девушка долго и пристально изучала серебристую искорку, ни о чем не спрашивая и ничего не говоря. В ее сознании никак не укладывалось ни то расстояние, кото-

рое отделяло ракетоплан от Земли, ни то, что внутри этой искорки находится Игорь Лобанов.

— Сегодня у нас было комсомольское собрание, — сказала Оля. — Мы решили закончить сварочные работы на три дня раньше.

— Это неплохо.

— Можно будет мне приходить сюда... к вам?

— Да, пожалуйста.

Девушка, нащупывая ногами дорогу, прошла обратно к двери. Чернов, повернув голову, посмотрел ей вслед. Теперь ему захотелось немедленно же возвратиться к чертежам и схемам, безошибочность которых решала успех астролокатора «Третий-бис».

В эти дни он не щадил себя. Только сейчас с необыкновенной остротой он понял, как дорога ему Светлана. Ничего подобного ему переживать не приходилось.

Это чувство становилось тем сильнее, чем больше удалялся ракетоплан от Земли. Чернов недосыпал и не давал отдыха другим.

Шесть бригад радистов, электриков, механиков вели монтаж локатора, сменяя друг друга, не прекращая работы ни днем, ни ночью.

В середине августа монтажники покинули башни и зеркало. Механики начали испытания. Зеркало, готовое принимать и посылать импульсы радиолучей, плавно поворачивалось вокруг оси, запрокидывая к зениту свою гигантскую чашу, а все четырехсотметровое сооружение бесшумно скользило по рельсовому кругу то справа налево, то обратно.

За управление садился сам Чернов. Он стал ворчлив и придирчив, обнаруживая такие мелочные недоделки, что это вызывало досаду у главного инженера. Без устранения даже третьестепенных неполадок профессор не желал и разговаривать о приемке локатора.

От точности поворота башен и зеркала зависел исход наблюдений. Ракетоплан к моменту пуска астролокатора «Третий-бис» удалится на 600 миллионов километров. В этой части пространства радиолуч при повороте зеркала только на одну десятую угловой секунды опишет дугу в двести девяносто километров. Значит, требовалась регулировка в сотни раз более чувствительная, чем на действующих в обсерватории локаторах.

Наконец было готово и радиооборудование. В ночь на первое сентября подстанция подала ток. Похудевший от

постоянного недосыпания профессор Чернов приступил к завершающей стадии испытаний.

В десять вечера он сел за пульт. Рядом с ним, справа и слева устроились ассистенты. Один из них должен был контролировать работу излучающей аппаратуры, другой — приемной. Позади в креслах разместились главный инженер, конструкторы, бригадиры, работники обсерватории.

Через микрофон Алексей Поликарпович опросил ведущих дежурных, убедился в их готовности. Чуть помедлив, он оглянулся на притихших людей и нажал кнопку.

В зале погас свет.

На экране возникло звездное небо. Алексей Поликарпович повел луч в пространстве. От блеска звезд поредела темнота в зале, от сидящих в креслах и от приборов протянулись на полу неясные тени.

Но вот одна из звездочек начала быстро увеличиваться, она словно падала в зал из глубины экрана. Через несколько минут звездочка стала туманным шаром с блестящим ядрышком и длинным лохматым хвостом.

— Комета? — вслух удивился Чернов, — откуда она могла появиться в этой части пространства?

«Комета на пути ракетоплана», — мысленно отметил он и тут же успокоил себя: машине не грозила встреча с кометой даже в том случае, если откажут сигнализаторы. Она была так велика, что экипаж наверняка заметил ее за много часов вперед.

Комета неслась прямо в зал. Серебристый туман завлакивал созвездия. Разноцветные сверкающие глыбы гуськом, одна за другой, точно поезд на киноэкране, промчались и... исчезли. Экран локатора снова осветился спокойным блеском звезд. Но не надолго. Вот другая звезда превратилась в кругляшок. Продолжая разрастаться, она стала ярким полосатым шаром, опоясанным плоским кольцом, отчего напоминала голову с лихо заломленной шляпой.

— Сатурн, — Чернов подался вперед. Профессиональная любознательность заставила его задержать луч на планете. Он, Чернов, мог бы сейчас увидеть многое из того, что до сих пор оставалось недоступным для наблюдений.

— Это слишком далеко... — Алексей Поликарпович вздохнул. — Они уже настигли астероид и наверняка возвращаются обратно.

Сатурн метнулся в сторону и исчез за границей экрана. Люди за спиной профессора затаили дыхание. Теперь

они воочию убедились, какое чудо техники вышло из их рук.

Луч локатора все глубже вонзался в пространство. Быстрый, как мысль, он ощупывал его и, если на пути встречалось что-нибудь материальное, немедленно доносил об этом наблюдателям. Вот на экране замелькали короткие белые молнии. Это были астероиды.

Пальцы Чернова все осторожнее, все точнее поворачивали регуляторы. Теперь луч «Третьего-бис» прошупывал тот участок пространства, где, по расчетам профессора, должен был находиться ракетоплан.

Однако трехчасовые поиски не принесли результатов.

Гости покинули зал, профессор отпустил ассистентов, но сам остался у пульта. За его спиной кто-то слегка подвинул стул. Оглянувшись, Чернов увидел Олю Горяеву.

— Что вам? — не очень любезно спросил Алексей Поликарпович.

— Вы больше не будете искать ракетоплан?

— Буду. — Профессор провел ладонью по лицу. — Раз уже в моих руках такое всевидящее око, не утерплю. Только... только я чертовски устал, девушка. В голове гудит. Садитесь, Ольга... не знаю, как вас по батюшке.

— Васильевна.

— Садитесь, Ольга Васильевна. Сейчас я нарушу правила внутреннего распорядка и... закурю. Раньше вот мог терпеть всю ночь, а сегодня не могу. — Голос его дрогнул.

Оля сочувствующе посмотрела на Чернова.

— Вы очень любите Светлану Владимировну, — сказала она, — и очень беспокоитесь за нее.

Зажженная спичка застыла в пальцах Чернова. Как могла девушка узнать об этом? Неужели он как-то выдает себя выражением лица, глазами?

— Да, — признался он, — люблю. Что поделаешь, Ольга Васильевна?

— Да ведь это очень хорошо — любить.

— Ну, а если тебя не любят?

— Нет, вас тоже любят. Я видела это, когда вы прощались со Светланой Владимировной.

Догорающая спичка обожгла пальцы профессора. Он бросил так и не закуренную папиросу.

— Садитесь ближе, — не глядя на Олю, приказал Чернов, — будете помогать мне. Следите вот за тем прибором,

Как только стрелка дойдет до семнадцатого деления, нажмите кнопку.

И луч астролокатора «Третий-бис», выбрасывая в пространство миллионы киловатт-часов электроэнергии, снова принялся обшаривать вселенную. В глазах у Чернова появилась резь, пальцы одеревятели и плохо слушались. Но он упрямо продолжал разыскивать ракетоплан, разыскивать Светлану. Бесплодные поиски расстроили его, хотя он понимал, что за один вечер разыскать такую пылинку невозможно.

Прошло сорок восемь дней после старта машины Бурдина. Монтажники сдержали свое слово, и теперь все зависело от мастерства профессора.

— Не нашли? — спросила Оля, когда Чернов выключил «Третий-бис».

— Как видите.

На другой день сообщение об испытании нового сверхмощного астролокатора появилось в газетах. От Чернова просили информации о ходе наблюдений за астероидом 117-03 и о преследующем его ракетоплане «СССР-118». Но сообщать пока было нечего. Поиски только начались.

У локатора установили круглосуточное дежурство, хотя точка нахождения машины после трех часов ночи опускалась за горизонт.

В бесплодных поисках прошла целая неделя. Профессор встревожился не на шутку, внешне ничем этого не выдавая. Куда могли деваться ракетоплан и астероид? Не один, так другой должен попасть в сферу действия луча.

Алексей Поликарпович вспомнил о комете, увиденной еще в первый же вечер наблюдений. Она пересекала трассу машины «СССР-118». Успел ли ракетоплан проскочить перед нею или ему пришлось описывать круг в пространстве?

Неизвестно почему, но воспоминание о комете усилило тревогу. Теперь Чернов ругал себя за то, что не отстоял Светлану. Ей не следовало пускаться в это путешествие, в это ничто, которое никогда не расскажет о беде, если она произойдет.

Не Чернову ли было знать, что такое комета? Профессор мог бы привести тысячи доказательств того, что комета не более страшна ракетоплану, чем крупинка метеорной пыли. Он успокаивался, а спустя часа два тревога вспыхивала с новой силой. Ракетоплан не находился — вот что было самым главным,

Профессор разыскал косматую гостью. Она успела изрядно приблизиться к Солнцу, однако попрежнему оставалась прозрачной, особенно для луча локатора. Воровато, тенью, кралась комета по экрану, вуалью своего хвоста закрывая звезды.

«Вестник ужаса» — так в древности и в средние века называли появившуюся на небе комету. Приблизившись к Земле, комета представляла на ее небе непонятное и загадочное зрелище. Но комета, обнаруженная Черновым, оставалась невидимой для невооруженного глаза — она летела слишком далеко от Земли и была к тому же меньше многих других комет. Она и ракетоплан на короткое время оказались соседями. Если с машиной что-то случилось, то хвостатая путешественница была этому молчаливым свидетелем.

...Оля, как тень, ходила за профессором. Девушка появилась в вестибюле наблюдательного корпуса за несколько часов до прихода Алексея Поликарповича. В составе лучшей монтажной бригады она была оставлена месяца на два при обсерватории для контроля за работой тяжелых конструкций «Третьего-бис». Сидя в дальнем уголке, Оля перелистывала журнал или читала книгу. Трудно сказать, доходило ли до ее сознания читаемое, но девушка терпеливо сидела над книгой, пока ее не приводил в себя голос Чернова.

Сегодня профессор сразу же включил радио-телевизионную связь и доложил о ходе наблюдений председателю правительственной комиссии.

— Как вы думаете, Алексей Поликарпович, — спросил у него заместитель министра, — почему вам не удастся обнаружить ракетоплан: потому ли, что не хватает мощности локатора, или потому, что с машиной стряслась беда?

Голос Седых неприятно резонировал в зале наблюдательного корпуса. Чернов покосился на Олю. Девушка насторожилась. Профессор вспомнил о комете, хотел уже поделиться с председателем комиссии своими сомнениями, и тут совершенно отчетливо осознал, что комета вовсе ни при чем.

— Если бы с машиной что-нибудь и случилось, — ответил Алексей Поликарпович, — она бы все равно осталась видимой. В «Третьем-бис» я совершенно уверен. Нам удастся засечь самые мелкие астероиды, немногим больше «СССР-118». И потом меня смущает факт исчезновения астероида 117-03.

— М-да-а... Во всяком случае, будьте готовы к путешествию, Алексей Поликарпович. В Жерковске начались испытания ракетоплана дальнего действия «СССР-120». И не прекращайте наблюдений. Если необходимо, усильте мощность подстанций. Вам разрешено отключать промышленные предприятия Перекатовска и использовать дополнительную электроэнергию.

В поисках на самой предельной мощности прошла еще неделя. Но ракетоплан «СССР-118», а вместе с ним и астероид 117-03 исчезли.

7. Загадка мировых глубин

— Вижу! Вот он!

Взволнованный голос Светланы разбудил уснувших Бурдина и Лобанова.

— Что? — Иван Нестерович вопросительно повернул голову к Светлане.

— Астероид 117-03.

— Ого! Наконец-то. Дайте-ка взглянуть.

Светлана уступила ему место у локатора. В поле зрения висел желтоватый диск Сатурна с кирпичными и пепельными полосами, опоясанный таким же полосатым кольцом и окруженный девятью крошечными шариками-спутниками.

Правее и значительно выше Сатурна Бурдин увидел золотистое овальное пятнышко, уже знакомое ему по наблюдениям в перекатовской обсерватории. Иван Нестерович взглянул в раскрытый на коленях Светланы журнал для записи наблюдений: время и место встречи с астероидом точно соответствовали расчетам Чернова. Минуло сорок девять суток пути.

— Сколько до него?

— 360 тысяч километров, — ответила Светлана, — или два с половиной часа полета.

— Чудесно! — Игорь потянулся в кресле. — Откусим от него кусочек весом в пудочек и айда обратно.

— К своей Олечке? — прищурилась Светлана.

— Ага.

— На свадьбу пригласите?

— Угу.

Триста шестьдесят тысяч километров составляет расстояние от Земли до Луны, но оно уже не было непреодо-

лимым для луча бортового локатора. Экипаж получил, наконец, возможность видеть то, что он преследовал в течение более полутора месяцев.

— Два с половиной часа... — Бурдин оставил локатор, и Светлана тотчас же заняла свое место. — Отлично! Недаром же мы прошли сквозь огонь, друзья. Сейчас нам предстоит увидеть вблизи и пощупать руками самое удивительное творение природы. Готовьте глаза и руки.

— Может быть, приготовить и аппаратуру для взрыва? — спросил Игорь.

— Нет, с этим мы пока спешить не будем. Решим все на месте. А вот что мы можем разрешить себе по такому случаю, так это открыть баночку засахаренной клубники.

— Я не люблю сладкое... в малых количествах, — засмеялась Светлана.

Организацию пиршества Бурдин взял на себя, наказав Светлане не спускать глаз с астероида. На исходе первого часа овальное пятнышко заметно выросло, на нем появились подробности — множество точек, расположенных в шахматном порядке.

Пиршество не удалось. Нетерпение испортило аппетит экипажа и возрастало пропорционально тому, как убывало расстояние между ракетопланом и астероидом. Светлана, поглядывая в локатор, напевала песенку. Игорь рукавом комбинезона наводил блеск на крышках приборов. Бурдин, положив на колени блокнот, подводил баланс горючего, продуктов, кислорода. Иногда он поднимал голову и смотрел на Сатурн. Тогда на его лице появлялась довольная улыбка. Он гордился своей машиной, которой первой выпала честь ринуться в глубину вселенной, приблизиться к орбите Сатурна.

Сатурн — самая удивительная планета солнечной системы. Бурдин знал о ней все, что было известно астрономам. Впрочем, он изучал данные и о других планетах, он готовил себя к дальним перелетам, но не думал, что это случится так скоро.

Чем дальше планета от Земли, тем меньше о ней достоверных сведений. К таким дальним соседям Земли принадлежит и Сатурн. По размерам он уступает только Юпитеру, он больше Земли в девять раз и во столько же раз находится дальше от Солнца.

Сатурн был известен уже древним, но только Галилео Галилей, наведя на него изобретенный им телескоп, был

поражен необычайным видом планеты. Она напоминала человеческое лицо с большими оттопыренными ушами. В несовершенном телескопе Галилея планета выглядела тройной — большим шаром между двумя меньшими.

Пятьдесят лет спустя выдающийся механик, изобретатель маятниковых часов Христиан Гюйгенс усовершенствовал трубу Галилея и угадал секрет Сатурна: планета оказалась опоясанной тонким математически правильным кольцом, которое нигде с нею не соприкасалось. На этом кольце, как на полке, свободно разместилось бы три сотни земных шаров.

В 1921 году кольцо внезапно исчезло. Это была непревзойденная сенсация. Пораженные астрономы не знали, что и подумать. Часть ученых утверждала, будто кольцо раскололось на части, его гигантские обломки несутся к Солнцу, на своем пути они непременно столкнутся с Землей и приведут к мировой катастрофе.

Прошло, однако, несколько дней, и кольцо появилось вновь. Оказалось, что при движении Сатурна по орбите, кольцо в определенные периоды поворачивается к Земле ребром.

Из кабины ракетоплана кольцо было видно во всей красе. Оно не было сплошным, а состояло из отдельных обручей, разделенных щелями. Наружные обручи, при взгляде через локатор, представляли собой потоки крупных, вечно кружащихся вокруг Сатурна метеоритов. Внутренние кольца состояли из мелких осколков и пыли. Когда-то эти метеориты и пыль были десятым спутником Сатурна, пока мощное притяжение планеты не разорвало его на части. Кольцо ярко светилось, отражая лучи Солнца.

Удивительное зрелище дополнялось спутниками Сатурна. Девять лун, целая свита, окружали планету. Они были видны как крошечные шарики, побольше и поменьше. Среди них резко выделялся только самый крупный шарик, Титан, открытый еще Гюйгенсом.

Особенно интересен был крайний, девятый спутник, Феб. Он двигался в обратном направлении. Это явление исключительное и пока необъяснимое.

От созерцания Сатурна Бурдина отвлек вопрос Игоря: — Что это вы, Светлана Владимировна, петь перестали? Может быть, слова забыли?

— Ничего не понимаю, — пробормотала Светлана, ос-

тавляя без внимания вопрос штурмана. — Она напряженно всматривалась в зрительное устройство локатора.

— Уж не возвращается ли обратно комета? — пошутил Бурдин.

— Н-нет... Но астероид летит быстрее.

— То есть как это быстрее?

— Сто двадцать... О! Вот уже сто двадцать пять... сто двадцать шесть километров в секунду.

— Вы не шутите, Светлана Владимировна?

— Сто тридцать!

Бурдин и Лобанов переглянулись. Встреча с кометой, необычайный вид Сатурна—все это выглядело незначительным в сравнении с тем, что происходило теперь.

— В чем дело? — Бурдин вместе с креслом повернулся в сторону Светланы. — Притяжение Сатурна?

— Нет, Сатурн тут, мне кажется, ни при чем. Скорость начала возрастать сразу, а направление не изменилось. Сто сорок!

— Выходит, что астероид удирает от нас, — сказал Игорь.

— Сто сорок пять... сто пятьдесят...

— История! — Бурдин опустил сжатые кулаки на поручни кресла. От этого усилия его, как мяч, подбросило вверх, перевернуло вниз головой. Он не успел ухватиться за кресло и, размахивая руками, повис над Светланой. — А, ч-черт!..

В другое время нелепая поза Ивана Нестеровича вызвала бы веселый смех, но сейчас было не до того. Игорь ухватил его за воротник комбинезона и помог водвориться в кресле.

— Сто шестьдесят, — произнесла Светлана.

— Наша скорость, — отозвался штурман. — Это уже нехорошо.

Но увеличение скорости астероида прекратилось. В течение следующей четверти часа она в точности соответствовала скорости «СССР-118».

— И непонятно и... неприятно, — пробормотал Бурдин.

— Придется и нам поднажать, Иван Нестерович, — Лобанов вопросительно взглянул на конструктора.

— Включаем, — решил Бурдин.

Увеличение скорости было совершенно нежелательным. Оно требовало дополнительного расхода горючего. Спустя восемь минут ракетоплан набрал сто восемьдесят

километров в секунду, и двигатель выключили. Расстояние между астероидом и «СССР-118» снова начало сокращаться.

Теперь экипаж уже не мог оставаться спокойным. Светлана настороженно следила за астероидом, вслух называла показания локатора.

Через полтора часа скорость астероида опять увеличилась и дошла до двухсот километров в секунду.

Лицо Бурдина стало злым. Он не мог отказаться от погони и возвратиться ни с чем: ведь до астероида меньше, чем от Земли до Луны. Однако и продолжать дальнейший разгон машины было тоже рискованно. Метеоритные сигнализаторы безусловно заметят самый маленький осколок, но успеют ли они при такой скорости изменить курс ракетоплана? А самое главное — опять расход горючего: кто знает, какие осложнения возникнут на обратном пути? Запас горючего необходим. Бурдин не советовался с Лобановым, он знал, что услышит от штурмана. Уж очень тот любил рискованные предприятия. Иван Нестерович мог рисковать собой, пожалуй, он не пожалел бы и Светлану с Лобановым, но рисковать всем делом, которое ему доверили, ракетопланом, в который вложено столько средств, столько труда... Тут следовало семь раз отмерить, чтобы один раз отрезать. Он любил ракетоплан, как дорогое ему существо, как воплощение своей мечты. Но возвратиться ни с чем он не имеет права. А к чувству долга присоединилось острое любопытство, желание разгадать непонятное явление природы.

— Давай! — коротко приказал он штурману, и тот, удовлетворенно кивнув головой, заработал рычагами.

Часы складывались в сутки, прошла еще неделя. Сатурн в сопровождении своей свиты уплыл в сторону, стал крошечным шариком, его спутники — едва заметными звездочками. Впереди машины все ярче разгоралась другая планета — Уран.

Астероид и ракетоплан глотали пространство со сказочной скоростью — триста двадцать километров в секунду. Но что значила эта скорость в космосе, где расстояния в миллионы километров — мизерная величина!

Чем загадочнее становилось поведение беглеца, тем более ожесточался Бурдин. Все же он оставался на границе благоразумия и позволял достичь только небольшого превышения скорости.

В напряженной погоне прошла еще неделя и еще одна. Положение становилось все более неопределенным. Очевидно, скорость астероида и впредь будет увеличиваться. Он покидает солнечную систему. Светлана недоумевала — чем дальше от Солнца, тем медленнее должен лететь астероид, так по крайней мере ведут себя кометы. А происходит все наоборот.

Бурдин подолгу подводил баланс горючего, прикидывая, какой резерв имеется в его распоряжении. Результаты заставляли его хмуриться. Глядя на командира, не улыбаясь больше и штурман. Чувствуя неуверенность Бурдина, Светлана нервничала. Перспектива вернуться к Алексею Поликарповичу ни с чем повергала ее в уныние.

Загадочный астероид, словно испытывая терпение экипажа, в третий раз увеличил скорость, правда, теперь медленно, но уже безостановочно, пока она не достигла фантастической величины — 562 километра в секунду!

Когда Бурдин положил руки на рычаги управления, пальцы его дрожали. Не выдержав, конструктор все-таки взглянул в лица своих спутников. Он только сейчас заметил, что Светлана очень недурна собой, наверное, у нее остался на Земле дружок. И Лобанов, такой отличный парень. Оба молоды, только начинают жить. Имеет ли он право рисковать ими ради мертвого обломка материи?

Игорь ответил взглядом исподлобья. Взгляд девушки был прямым и до наивности спокойным, страха в нем Бурдин не увидел. Тогда его колебания сразу кончились.

Он выжал из ракетоплана пятьсот шестьдесят два и одну десятую километра. Огромным усилием воли заставил он себя остановиться на этой цифре и выключить двигатель. Хотелось ринуться вперед, разом нагнать астероид и прекратить эту измотавшую их вконец многонедельную гонку. Хотелось понять суть астероида, нарушившую привычные закономерности.

«Выручай Алексей! — взглянув на приборы, мысленно обратился Бурдин к своему далекому другу. — Если ты увидишь нас своим «Третьим-бис», мы можем рассчитывать на помощь. А если нет — конец...»

До астероида попрежнему оставалось 360 тысяч километров. Но теперь разность скоростей едва достигала четырнадцати сотых километра в секунду. Ничтожное превышение скорости... Потребуется еще тридцать суток и шесть

часов, чтобы нагнать астероид. Еще месяц... Сколько неожиданностей преподнесет космическое пространство за это время?

Сутки потянулись за сутками, более длинные, чем прежде, более однообразные и томительные.

Уран из звезды превратился в лунный серп темнозеленого цвета. В центре серпа виднелась золотая крапинка астероида 117-03. Пять светящихся точек, пять спутников Урана, висели вокруг него на различных расстояниях.

Наблюдая за движением астероида, Светлана поневоле обращала внимание на поверхность Урана. По зеленому полю планеты тянулись темнокрасные полосы. В широком светловеном ореоле угадывался мощный слой атмосферы.

— Странно, — сказала Светлана, — астероид движется прямо на Уран. А по нашим расчетам траектории... Неужели он изменил направление?

— Не хватало еще, чтобы он шлепнулся на Уран, — отозвался Бурдин. — Мы не сможем последовать за ним, у нас осталось горючего ровно столько, чтобы повернуть обратно. А впрочем... — Иван Нестерович погладил щеку, — а впрочем, давай побреемся, Игорь. И сыграем в шахматы. Ты как, а?

— Я и за то и за это.

— Давайте лучше в «балду», — взмолилась Светлана. — У меня от наблюдений за астероидом уже в глазах двоится.

— Согласен и на «балду». — Игорь с напускной деловитостью выпятил губы. — Эх, а как пельменей хочется...

— Мясных? — подхватила Светлана.

— Иных я не признаю.

— С уксусом, с перчиком, с горчишкой, — вдохновенным шепотом уточнила девушка.

Иван Нестерович остался серьезным, но тайком проглотил слюну. Концентраты порядком-таки приелись. На такое длительное пользование ими тоже не рассчитывали.

Голову ему брила Светлана, освоив, таким образом, еще одну профессию. Кресла здесь не требовалось. Оба висели, что называется «между небом и землей». По мере необходимости Светлана медленно поворачивала своего массивного клиента. Она проделывала это с большой осторожностью, не столько боясь порезать, сколько из опасения оттолкнуться от него и уплыть в сторону.

Втроем они начали играть в балду, расположившись

также в воздухе, головами друг к другу. Эта студенческая игра помогала коротать время.

Доиграть им на этот раз не удалось. Ракетоплан содрогнулся от удара. Оболочка машины загудела, завибрировала, как плохо закрепленное оконное стекло под порывами урагана.

Играющие находились вблизи колпака, и это спасло их от гибели. Их придавило к стене с такой силой, что все трое потеряли сознание...

8. Бурдин принимает решение

...Первым пришел в себя Игорь. Он поднял голову и с трудом разомкнул слипшиеся веки. Острая боль в суставах и дурнота, расслабляющая все тело, долго не давали ему собраться с мыслями.

Потом он сразу вспомнил: удар! Столкновение с метеоритом!

Штурман прислушался, ожидая услышать свист воздуха, вытекающего сквозь распоротую оболочку ракетоплана. Шум крови в голове мешал слушать, а кровавый туман перед глазами — видеть.

Оболочка, без сомнения, была цела, иначе Лобанов почувствовал бы возрастающий недостаток воздуха. Он облегченно вздохнул и поспешил на помощь к своим друзьям.

Больше всего пришлось повозиться с потерявшей сознание Светланой. Только струя кислорода привела ее в себя. Зато Бурдин пришел в сознание от первого же глотка спирта, влитого ему в рот.

Пока Бурдин и Светлана висели в воздухе («отлеживались»), собираясь с силами, Лобанов добрался до кресла. Самочувствие у него было препротивное. Как ни подтрунивал он над дурманящей слабостью, но, очутившись в кресле, должен был, закрыв глаза, добрые полчаса сидеть без движения, чтобы ослабла головная боль.

Прежде всего штурмана беспокоило состояние двигателя: не получил ли он повреждения? Открыв глаза, Игорь долго вглядывался в приборы: цифры и стрелки расплывались, двоились.

— Ишь ты, обманщица, — сказал он зеленой лампочке метеоритных сигнализаторов, — прохлопала, милая, а теперь хочешь оправдаться.

Показания приборов успокоили Лобанова.

— Живем, Иван Нестерович! — громко произнес он. — Двигатель в порядке.

— Аминь, — отозвался Бурдин. На лице Светланы появилась слабая улыбка.

Штурман снова покосился на зеленую лампочку, пытавшуюся убедить его, что сигнализаторы все-таки в порядке, что они попрежнему бдительно следят за появлением метеоритов.

— Ладно, ладно, — буркнул он, — так я и поверил.

Вскоре рядом с Лобановым водворился тяжело дышащий Бурдин. Он сразу же впился глазами в приборы, постучал пальцем по их крышкам. Стрелки упруго колебались, в показаниях можно было не сомневаться.

— Везет нам, — проворчал он, удовлетворенно покачивая головой, — происшествие за происшествием. Светлана Владимировна, как вы?

— Ох, я себя чувствую так, будто у меня вместо костей манная каша. Мы живы, Иван Нестерович?

— И даже продолжаем погоню за астероидом, — Бурдин с одобрением взглянул на Светлану. За себя и за штурмана он не боялся, им приходилось бывать в разных переделках, выкрутятся и из этой истории, но не сдаст ли девушка? Однако оптимизм в ее словах успокоил конструктора.

Прикусив губы, Светлана добралась до локатора и заглянула в зрительную коробку.

— Курс без изменения, — сказала она, — движемся прямехонько на Уран. А где же астероид? Его нет. Астероида нет, Иван Нестерович!

— То есть как это нет?

— Он исчез. Я не могу его разыскать. Скорость нашего движения... — Светлана откашлялась. — Как странно. Всего восемь километров в секунду.

Бурдин бросил быстрый взгляд на доску с приборами. Астроспидометр, настроенный на Солнце, показывал ту же величину. Восемь километров вместо пятисот шестидесяти! Это ли не чудо? Фактически ракетоплан остановлен в пространстве. И цел. Цел в то время, как он должен был обратиться в облако раскаленного газа.

— Ничего не понимаю, — Иван Нестерович посмотрел на Лобанова. Тот щипал кончик носа и все поглядывал на лампу метеоритных сигнализаторов. — Ну, абсолютно

ничего не понимаю. Или врут приборы, или мы все трое сошли с ума, или вообще черт знает что вокруг нас происходит.

— Давайте посмотрим, куда саданул нас этот космический пират, — предложил Игорь.

— Да, — согласился Бурдин, — в самом деле, осмотрим оболочку.

Они надели космические костюмы и вышли на поверхность ракетоплана. Огромный, сверкающий всеми цветами радуги, шар Урана ослепил их. Зачарованные необычным видом планеты, два путника несколько минут стояли неподвижно, не отрывая глаз от чудного, беспорядочного сплетения красок.

— А ведь мы совсем близехонько от него, — сказал Игорь. — Тысяч пятьсот, не больше. И не представляет ли теперь наш полет свободное падение?

— Пожалуй, так оно и есть, — подтвердил Бурдин.

— Учитывая полученную нами тренировку в падении...

— Не философствуйте, Лобанов! — рассердился Бурдин. — Давайте искать повреждения.

Они пошли по ракетоплану, разыскивая место удара. Полированная поверхность отражала свет Урана и была видна очень хорошо. Однако никаких повреждений на ней обнаружить не удалось. Бурдин стал на колени и включил рефлектор, закрепленный на скафандре. Но и в свете рефлектора он не нашел на корпусе даже простых царапин. Можно было с уверенностью сказать, что никакого удара оболочка машины не испытала.

Иван Нестерович громко чертыхнулся, без всякой необходимости расстегнул ранцевый замок, в сердцах захлопнул его. Бурдина бесили эти непостижимые разумом загадки космического пространства.

— Идемте в машинное отделение.

Они спустились обратно в люк ракетоплана, миновали грузовой отсек и раскрыли двери в заднее помещение, где находился атомный двигатель и вспомогательные агрегаты. Не доверяя показаниям контрольных приборов, Бурдин и Лобанов произвели самый тщательный осмотр узлов двигателя. Все находилось в самом отличном состоянии. Механизмы выдержали.

— Нам вдвойне повезло, — сказал Игорь, — оболочка цела, двигатель исправен. Поскольку астероид исчез, мы вправе поворачивать обратно.

— Да, — неохотно согласился Бурдин, — ничего другого не остается.

Светлана вздохнула. При словах Ивана Нестеровича она испытала и радость и огорчение. Жаль, что они возвратятся с пустыми руками, но зато скоро опять будут на родной Земле. Она вспомнила, как смотрел на нее Алексей Поликарпович перед стартом. Губы ее дрогнули в улыбке,

— По местам!

Сняв космические комбинезоны, Бурдин, Лобанов и Светлана сели в кресла, пристегнулись ремнями.

— Включаю, — сказал Игорь.

Бурдин утвердительно наклонил голову.

Штурман опустил маленький рычажок. На щите перемигнулись оранжевые глазки, закачались стрелки приборов. Из машинного отделения донесся слабый шум заработавшего водородного насоса. Сейчас должна последовать вспышка газовой струи, за ней толчок и нарастающая тяжесть, которая прижмет к мягкой обшивке кресла.

Секунды шли, но вспышки не было. На приборах успокоились стрелки, на лицах конструктора и штурмана застыли оранжевые отсветы сигнальных лампочек.

— Реактор, — встревоженно произнес Лобанов.

Мужчины расстегнули ремни, снова надели космические костюмы и направились обратно в машинное отделение. Светлана осталась сидеть в кресле.

Прежде всего она замерила скорость. Машина падала на Уран уже со скоростью восемь с половиной километров в секунду. Ускорение было почти земным.

Затем ассистентка Чернова занялась было Ураном, но беспокойство не давало ей сосредоточиться. Если не удастся исправить двигатель, будет беда. Девушка зябко передернула плечами. Ей стало страшно.

Бурдин и Лобанов не возвращались довольно долго. Когда они вновь появились в кабине, Светлана, едва взглянув на их лица, поняла, что вот только теперь произошло самое худшее.

Нет, двигатель оказался в полной исправности. Лобанов отлично знал свою машину, он обнаружил бы даже самое пустяковое повреждение. Но повреждений как раз и не было. То, что происходило теперь, было пределом неожиданностей. В реакторе прекратилось расщепление ядер. Цепной реакции не получалось. Лишь на лимбе показателя радиоактивности горячего дрожала черная стрелка между

нулем и первым делением. Она отмечала медленный тыся-
челетний полураспад атомов урана — и только. Двигатель
стал подобен живому телу, разбитому параличом: дыхание
продолжается, кровь циркулирует, но пошевелиться не-
возможно. Все оставалось неизменным, все было на своем
месте, но природа вдруг нарушила закономерности, которые
прежде казались совершенно неизменными.

— Остается поверить в нечистую силу, — усмехнулся
штурман.

— В какую-то силу приходится поверить, — согласился
Бурдин. — Светлана Владимировна, сколько до Урана?

— Четыреста сорок тысяч километров.

— Изрядно. У нас, стало быть, есть еще время со-
браться с мыслями.

Бурдин задумался. Что же все-таки происходило?
Взять хотя бы этот удар. Столкновение с метеоритом?
Безусловно, нет. Встреча даже с самым крошечным камеш-
ком грозила мгновенной катастрофой. Значит, удара не
было? Опять-таки нет. Удар был, в этом сомневаться
нельзя. Иначе как объяснить контузию экипажа, потерю
скорости?

Вывод напрашивался очень странный — ракетоплан ис-
пытал на себе удар совершенно особого рода — медленно
нарастающий, упругий. Возможность столкновения с мате-
риальным телом в таком случае отпадает, на оболочке
машины нет никаких следов.

Поле!

Только оно может замедлить движение ракетоплана. Но
какое? Ни электростатическому, ни электромагнитному
подобное воздействие не под силу, каким бы мощным оно
ни было.

Бурдин вспомнил о работах Чернова. Гравитационное
поле? Но почему такого влияния ракетоплан не испытал
на всем протяжении от Земли до Урана и почему оно про-
явилось только за несколько секунд, а потом прекратило-
сь?

— Похоже, что спасти машины нам не удастся, —
сказал Иван Нестерович вслух. — Ракетоплан сгорит
в атмосфере Урана. Если бы у нас был охладитель, но мы
его уже использовали до последней капли.

Светлана с трудом сдерживала нервную дрожь. Она по-
боялась спросить о дальнейших намерениях командира,
опасаясь услышать смертный приговор.

— Так, так, — Игорь принялся насвистывать.

— Однако у нас есть весьма существенный шанс на спасение, — продолжал Бурдин, — аварийные парашюты. Уран имеет мощную атмосферу. Светлана Владимировна, вам не приходилось прыгать с парашютом?

— Нет.

— Вот и отлично. Вы потом сможете похвастать перед знакомыми, что свой первый прыжок совершили на Уране, и что он был самым высотным в истории парашютного спорта. Вот что я думаю. Плотность атмосферы будет возрастать очень медленно. Если мы своевременно покинем ракетоплан и раскроем парашюты, они послужат нам своеобразными тормозами. Падение будет постепенно замедляться, и мы благополучно приземлимся.

— Приуранимся, — поправил его Игорь.

— Короче говоря — выкрутимся! — Бурдин обнял за плечи Игоря и Светлану. — Погостим на Уране, только и всего. Сроки нашего возвращения давно миновали, нас уже наверняка разыскивают. И как бы ни была велика вселенная — найдут.

— Найдут, — повторила Светлана. Уверенность Ивана Нестеровича передалась и ей. Нет, это просто счастье в беде очутиться рядом с такими сильными, невозмутимыми людьми, как Бурдин и Лобанов.

— Вон каков красавец, — Иван Нестерович кивнул на прозрачный колпак кабины. Приплюснутая шарообразная громада все увеличивалась. Полосы, опоясывавшие планету, напоминали реки во время ледохода, только льдины были разноцветные — синие, фиолетовые, красные.

...Честь открытия Урана принадлежит английскому музыканту Гершелю, человеку, далекому от астрономии, но любившему обращать взгляд к звездному небу. Это случилось в 1781 году. Гершель принял замеченную им звездочку за комету, пока вычисления не показали, что это новая планета, неизвестная древним. Открытие английского музыканта ровно вдвое раздвинуло границы солнечной системы.

С тех пор многое изменилось в технике астрономических наблюдений. Однако громадное расстояние почти в три миллиарда километров, отделяющее Уран от Земли, делает его трудно наблюдаемым даже для перекатовских астролокаторов.

Уран в четыре раза больше земного шара. Гигантская

атмосфера простирается над ним на три тысячи километров и окутывает его плотным покровом.

Свой путь вокруг Солнца Уран совершает за восемьдесят четыре земных года. В триста семьдесят раз меньше Земли получает он солнечного тепла, и холод, близкий к температуре мировых глубин, царит на его поверхности. Даже на пригретой солнцем стороне температура не поднимается выше минус ста восьмидесяти градусов.

Самое же удивительное заключается в чередовании урановых суток. Ось вращения Урана лежит в плоскости его орбиты, то-есть планета вращается, «лежа на боку». И хотя один оборот вокруг оси она совершает за десять часов пятьдесят минут, дважды при своем движении вокруг Солнца планета оказывается обращенной к нему то одним полюсом, то другим. Тогда на одном полушарии наступает день, который длится около тридцати земных лет, а на другом царит в это время тридцатилетняя ночь.

— Определите, сколько еще до границы атмосферы, — попросил Бурдин Светлану.

Она села к локатору.

— Тринадцать тысяч километров, двенадцать с четвертью минут полета.

— Это уже в обрез. Начинаем собираться.

С лихорадочной поспешностью они принялись наполнять аварийные ранцы кислородными баллонами, запасами питания, необходимыми приборами. Отсутствие тяжести позволяло не ограничивать вес поклажи.

Покончив с подготовкой, люди оделись в космические костюмы.

— Пора, — сказал Бурдин и оглядел кабину ракетоплана. Лицо его стало мрачным.

Несколько минут они стояли молча, не решаясь покинуть кабину. Игорь первым направился к люку, за ним Светлана и наконец Иван Нестерович. Капитан покидает корабль последним...

9. Разгадка тайны астероида 117-03

Втроем они вышли из ракетоплана. На яркой многокрасочной поверхности Урана появлялись все новые подробности: белые пятна покрылись фиолетовыми прожилками. Красные полосы расчленились на более мелкие пластинки

с остроугольными четко очерченными контурами. Края остальных пятен становились размытыми и переходили в преобладающий зеленый фон.

Бурдин внимательно посмотрел на Светлану. Он боялся за девушку и теперь искренне сожалел, что взял ее в такое опасное странствование. Ничего хорошего их на Уране не ожидало. Как ни твердо верил он в помощь с Земли, но, прикидывая оставшиеся запасы кислорода и питания, приходил к самым неутешительным выводам. Запасы кончатся через два месяца, а от Земли до Урана пять, шесть месяцев пути. Иван Нестерович понимал, что все это отлично известно Светлане и Лобанову. И его приводило в недоумение спокойствие девушки. Ну, скажем, Игорь, тот научился владеть собой, он уже десятки раз находил выход из опаснейших положений. Но Светлана, эта девушка с наивными серыми глазами, с такими светлыми волосами, какие бывают только у маленьких девочек, она-то когда научилась быть бесстрашной?

Ох, если бы ему пришла фантазия послушать, как бьется ее сердце! Светлане казалось, что оно вот-вот выпрыгнет наружу. Поймав на себе внимательный взгляд командира, девушка поняла его как приказ прыгать. Она вся похолодела, сознание помутилось от страха. Помедли она еще мгновение — и страх парализовал бы ее волю, заставил бы вцепиться в Лобанова. Опережая это противное стремительно нарастающее чувство, которое железными тисками сжимало все внутренности, Светлана закрыла глаза и мгновенно оттолкнулась от ракетоплана. За нею последовал Лобанов. Кружась и перевертываясь, оба стали медленно удаляться в сторону.

Очередь была за Бурдиным. Он оглянулся на прозрачную оболочку ракетоплана, сквозь которую была видна покинутая кабина. На щите горела лампа, в ее свете поблескивали приборы, пустые кресла, беспорядочно разбросанные вещи.

— Пора, — сказал себе Иван Нестерович, а рука его еще крепче стиснула поручень входного люка.

Он с тоской посмотрел вслед улетающим друзьям. Нет, он не имел права оставаться, не имел права покидать Игоря и Светлану. Пальцы его разомкнулись.

Но тут пришла неожиданная мысль. Цепь загадок дополнялась еще одним звеном, на первый взгляд, таким же непостижимым, как и прежние. Здесь, на границе атмо-

сферы, скорость падения людей и ракетоплана должна оставаться совершенно одинаковой. Только когда плотность атмосферы будет достаточно ощутимой, люди полетят медленнее, чем хорошо обтекаемая машина. Между тем происходило обратное, противоречащее законам механики: Игорь и Светлана улетали вперед, опережая ракетоплан.

Догадка, от которой сразу пересохло во рту, заставила Бурдина поспешно возвратиться в кабину. Закрыв за собой люк, не снимая космического костюма, он направился к локатору. Но только он собрался сесть в кресло, как вдруг взмахнул руками, упал на спину и покотился в колпак кабины. Конструктор испытал то же самое, что случается с пассажирами при резком торможении поезда. Теперь не оставалось сомнений — ракетоплан замедляет движение и, уж конечно, не сам по себе, а с посторонней помощью.

На четвереньках Бурдин кое-как добрался до кресла. Обими руками он вцепился в локатор и повернул его назад.

Астероид 117-03 следовал за ракетопланом. Он оказался позади, и кто мог ответить на вопрос, как это произошло?

Астероид?

Нет, мертвый обломок материи не мог вызвать торможения машины, а в том, что это происходило благодаря присутствию астероида, Иван Нестерович уже не сомневался. Такие чудеса под силу только разумному вмешательству.

Зная массу машины и потерю скорости, Иван Нестерович в уме прикинул силу, с которой затормозили ракетоплан. Результат вызвал у него невольный восторг и уважение к тем, кто может проделывать все это. Мощность атомного двигателя, установленного на ракетоплане, проигрывала так сильно, что потрясенный конструктор забыл, где находится, и вообще несколько минут сидел неподвижно, с перепутанными мыслями.

Потом он спохватился и стал вызывать Игоря. В наушники скафандра ворвался гул, напоминающий работу электрического вибратора. Значит, ракетоплан уже находился в атмосфере, в ее верхних, ионизированных слоях.

Между тем расстояние между астероидом... — нет, не астероидом, а космическим кораблем! — и «СССР-118» быстро сокращалось.

Атмосфера Урана становилась все плотнее. Стрелки приборов, контролирующих температуру оболочки, пришли в движение. Значит, машина падала еще с такой скоростью, которая вызывала нагрев от трения о воздух. В кабине становилось жарко, но, разумеется, далеко не так, как это было при встрече с кометой. Снаружи светлело. В прозрачных стенах кабины мелькали разноцветные иглы, одна за другой гасли звезды. Синие плоские облака, точно обломки фанерных листов с рваными краями, колыхались под крыльями машины. Ракетоплан погружался в густеющую зеленую дымку.

Облака не мешали Бурдину видеть с помощью локатора настигающий его космический корабль. Теперь на экране уже вырисовывалось не пятнышко, а большое яйцевидное металлическое тело, слабо поблескивающее в лучах далекого Солнца. Размеры корабля были известны Ивану Нестеровичу из расчетов Чернова: в семь с половиной раз превосходил он «СССР-118» по диаметру и почти в десять раз по длине. Да, это был настоящий корабль! Гладкую поверхность его покрывали цилиндрические наросты, расположенные в шахматном порядке.

«Вот они, органы, создающие поле», — сказал себе Иван Нестерович, изучая наросты. Бурдин пытался разглядеть внутренность корабля, но его оболочка радиоволн не пропускала...

Между ракетопланом и космическим кораблем осталось несколько километров. Иван Нестерович выключил локатор и стал ждать появления межзвездного пришельца.

Корабль появился с правой стороны. Его овальный нос медленно выполз из-за глухой стены грузового отсека. Оболочка корабля была прозрачной. Бурдин, стиснув поручни кресла, весь подался вперед. Свершалось нечто такое, чего ни он, ни профессор Чернов не могли предполагать, организуя погоню за астероидом.

Иван Нестерович не выдержал: его невозмутимость точно водой смыло. Одним прыжком очутился он у стены кабины и прижался к ней всем телом, пытаясь разглядеть, кто и что находится внутри космического корабля.

Первое, что увидел Бурдин, — было безволосое лицо, смотревшее на него с той стороны. Оно поразило Ивана Нестеровича своей красотой, неправдоподобно правильными чертами. В больших черных глазах светились разум и воля.

Прямой нос, небольшие изогнутые губы придавали ему сходство с лицом Александра Македонского.

Но лицо мелькнуло и исчезло. Исчез и корабль, он ушел вперед. Перед Бурдиным попрежнему расстилалась зеленая пелена. Внизу он увидел быстро увеличивающиеся красные холмы. Последовал мягкий толчок о грунт.

Машина «СССР-118» совершила посадку на поверхность Урана, точнее говоря, ее посадили на Уран. Целая и невредимая, машина лежала среди красных шершавых холмов, похожих на застывшие волны.

Проверив исправность космического костюма, Иван Нестерович направился к выходу из кабины. На Уране действовало почти такое же притяжение, как и на Земле, даже чуть поменьше. Бурдину же показалось, что на его плечи взвалили огромный груз. Мускулы отвыкли от силы веса. Дыхание стало тяжелым, учащенным.

Выпрямившись, Иван Нестерович стал разыскивать глазами космический корабль, но холмы так близко подступали к ракетоплану, что закрывали даже ближайšie окрестности. Тяжело ступая, он направился к той гряде холмов, за которой должен был находиться корабль. Грунт оседал под ногами, ступня вдавливалась, и края углубления осыпались красным порошком.

Он набрал пригоршню этого порошка. Незначительное усилие пальцев обращало комочки в сухую тонкую пыль, она стекала между пальцев и, не достигая почвы, расплзалась кроваво-красным облачком. Ветра здесь не было, и в плотном воздухе облачко оставалось неподвижным. Красное вещество походило на сурик, а чем оно было в действительности, Бурдин определить не смог.

Добравшись до подножья ближайшего к машине холма, Иван Нестерович отдышался. Он поглядел в небо, низкое, темнозеленое, с плоскими наслоениями синих и фиолетовых облаков. Копеечный кругляшок солнца едва просвечивал сквозь этот пестрый плотный покров. Лучи его расходились веерами, будто проникали в пыльное помещение. Скорее всего так оно и было — атмосфера Урана представляла собой кристаллическую пыль, растворенную в сжатых газах.

Несмотря на крутизну ската, Иван Нестерович добрался до вершины холма довольно быстро. Его подгоняло нетерпение. Подошвы ботинок космического костюма, приминая красный порошок, делали в нем ступеньки.

Очутившись на вершине, Бурдин сразу же увидел космический корабль. Отливающая золотом яйцеобразная громада лежала так близко, что он затаил дыхание. Лучи солнца насквозь пронизывали прозрачную оболочку. Не будь отблеска, ему удалось бы разглядеть внутренность помещений.

Около корабля он увидел и его обитателей. Группа пришельцев из неведомого мира стояла у открытого люка. Их сходство с жителями земного шара было разительным. На минуту у Бурдина возникло обманчивое убеждение, что это, быть может, и в самом деле земные люди. Следовало бы подождать, присмотреться к чужеземцам, но, не в силах сдерживать своего возбуждения, Иван Нестерович закричал, замахал руками.

Его заметили. Некоторое время чужеземцы молча смотрели на него, потом он услышал в наушниках скафандра протяжные музыкальные звуки, будто кто-то стал напевать песню без слов. От группы отделились трое и направились к нему.

Шагов за сорок Иван Нестерович должен был остановиться. Сердце колотилось от большого физического напряжения, в легких не хватало воздуха.

Остановились и посланцы с космического корабля. Они сосредоточенно глядели на конструктора, потом опять двинулись к нему навстречу, медленно, будто опасаясь враждебных выпадов. Их походка была упругой, слегка раскачивающейся, ноги не сгибались в коленных суставах, а действовали цельно, словно были резиновые. Руки свободно извивались в любую сторону. Вместе с тем более правильных пропорций туловища, плеч, головы и даже бессуставчатых конечностей Иван Нестерович не мог себе представить. Перед ним были чисто античные, идеальные формы.

Костюмы незнакомцев резко отличались от костюма Бурдина. Если его защитная космическая одежда состояла из отдельных жестких секций, что затрудняло передвижение в среде с тяготением, то у обитателей космического корабля она была изготовлена из синеватой прозрачной чешуи, соединенной совершенно непонятным способом. Скафандры не имели иглы радиосвязи, за спиной не было и ранцев с аппаратурой, хотя радиосвязь между этими существами, без сомнения, была.

Не дойдя шагов десяти до Бурдина, посланцы с космического корабля снова остановились. Их большие черные

глаза настороженно и неподвижно смотрели на Ивана Нестеровича. Он сделал шаг к ним навстречу, дружелюбно улыбаясь и приветливо подняв руку. Но тот, что шел в середине, поспешно схватил круглую коробку, висевшую на поясе. Короткая трубка в донышке коробки взглянула своим темным глазком в лицо конструктора.

«Оружие! — сообразил Бурдин. — Вот это уже нехорошо...»

— Оаниусс-са! — послышалось в наушниках скафандра. — Ауза-а!

— Могу только выразить свое сожаление, — Иван Нестерович развел руками. — Я решительно ничего не понимаю.

Средний, первым поднявший коробку, остался на месте, двое других обошли Бурдина с тыла. В их руках были такие же коробки. Иван Нестерович очутился в центре треугольника. Он с недоумением следил за действиями незнакомцев. Коробки представляли собой неизвестное, но, повидному, сильное оружие.

— Да я же и сам собирался побывать у вас с визитом, — сказал Бурдин.

Он оглянулся на ракетоплан. Оставлять машину без присмотра не хотелось. Кто знает, какие намерения у этих существ? Пока ясно, что его не в гости приглашают, а берут в плен. Иван Нестерович опасался, что каждое его движение может вызвать со стороны незнакомцев враждебные действия. Поэтому он не сделал попытки возвратиться в свою машину и медленно двинулся в сторону их корабля.

Три конвоира всю дорогу не спускали с него настороженных глаз. Бурдин косился на коробки, пытаясь сообразить, какая же именно разрушительная сила в них кроется.

Подошли к кораблю. Конструктор «СССР-118» еще раз подивился его размерам. Корабль имел симметричную овальную форму. Бурдин не мог решить, где у него носовая и где хвостовая части.

Не увидел он и никаких признаков ракетного двигателя. Подтверждалась его догадка: источником движущей силы корабля служил неизвестный людям вид энергии.

Сквозь прозрачную оболочку Иван Нестерович различил ярко освещенные помещения с аппаратами и без аппаратов. В нижней части корабля, как ему показалось, цвели какие-то растения.

Около открытого люка Бурдина поджидали восемь

таких же рослых существ, как и его конвоиры. Они молча расступились, пропуская его вперед. Иван Нестерович поднялся по лесенке в тамбур, вошел в узкую овальную дверь. Ему жестами предложили снять космический костюм. Когда Бурдин сделал это, они, пристально присматриваясь к нему, провели пленника по узкому коридору и раскрыли одну из боковых дверей.

Бурдин вошел в светлую каюту. На него повеяло настоящим жильем, удобным, обжитым. И тут он снова вспомнил о своих спутниках. Где они сейчас? Запасы кислорода в их ранцах скудны, а просторы Урана неизмеримы, в них легко затеряться.

Однако Иван Нестерович испытывал нерешительность. Поведение чужеземцев смущало его. Эти странные коробки, настороженность в глазах, в поведении... Может быть, подождать? Но за это время с его друзьями может приключиться беда.

Бурдин остановился на том, что все-таки ничего плохого от пришельцев из другого мира ожидать нельзя, а техникой они наверняка обладают такой, что сразу найдут штурмана и ассистентку. В противном случае у Игоря и Светланы через неделю кончится кислород и они погибнут.

— Послушайте, — обратился Бурдин к мужчине постарше, — нас было трое. Понимаете — трое? Вот: один, два, три. — Он пояснил сначала на пальцах, потом пересчитал своих конвоиров. — Один — Игорь, два — Светлана...

Иван Нестерович пояснял долго и с жаром, но так и не понял, дошла ли его просьба до сознания этих существ. Их красивые матовые лица остались бесстрастными.

— Игорь, Светлана, — скупно размыкая губы, произнес мужчина, к которому обратился Бурдин.

— Да, да! — обрадовался конструктор. — Игорь, Светлана!

Его оставили одного. Он осмотрелся. Постояв в нерешительности среди высокого залитого светом помещения, Иван Нестерович подошел к двери и осторожно толкнул ее. Дверь была заперта.

В комнате не было почти никакой мебели, если не считать подобие топчана — обтянутой тканью рамки на тонких проволочных ножках, и кубической, с закругленными углами, тумбочки. Топчан имел такой тонкий ажурный каркас, что Бурдин вначале не решился сесть на него.

Но больше сесть было не на что, а усталость давала

себя знать. Он присел на краешек топчана, готовый вскочить снова на ноги. Тонкие, не больше миллиметра, ножки даже не прогнулись под тяжестью его пятипудового тела.

— Замечательно! — вырвалось у Бурдина. — Вот это прочность.

Спустя несколько минут он спал, нарушая тишину каюты своим шумным дыханием. Сейчас он нуждался только в отдыхе.

10. На Уране

Игорь и Светлана летели почти рядом. Радиосвязь позволяла им разговаривать. С помощью закрепленных на груди приборов Игорь следил за скоростью падения и за расстоянием, оставшимся до поверхности планеты.

Светлана освоилась с новым для нее положением свободно падающего тела. По крайней мере она могла спокойно разговаривать с Лобановым и обсуждать с ним дальнейший план действий.

— А где же наш командир? — спросила Светлана.

— Меня тоже удивляет, чего он там мешкает, — ответил штурман и стал вызывать Бурдина: — Иван Нестерович, алло, Иван Нестерович! Где вы? Отвечайте, Иван Нестерович!

Бурдин не отзывался. Штурман и девушка молча прислушивались к легкому потрескиванию в наушниках.

Игорь первый обратил внимание на то, что ракетоплан остался не только далеко в стороне, но и позади, хотя сопротивление атмосферы пока не ощущалось.

— Кажется, мы поспешили покинуть машину, — проговорил Лобанов.

— Да, — согласилась девушка, — верно, чудеса еще не кончились. Ракетоплан замедляет падение. Иван Нестерович остался в кабине. Только отчего же он не догадывается включить связь?

— Иван Нестерович! — снова закричал штурман. — Алло, Иван Нестерович!

И снова не получил ответа.

— Вот как получается... Хочешь не хочешь, а приураниваться надо. Летим дальше, Светлана Владимировна?

— Я тоже думаю, что остановки делать не следует, — отшутилась ассистентка.

По мере сближения с Ураном их глазам открывалась все более удивительная картина. Зеленые, синие и белые пятна расплывались, раздвигались далеко в стороны. Вот уже становилось ясно, что синие пятна лежат на поверхности атмосферы, а белые тонут внизу. Красные пятна попрежнему оставались четкими, они, как льдины, плавали в зеленом океане, составляющем основной фон планеты.

Светлана никак не могла решить, где тут среди пятен твердое, где жидкое, а где газообразное. Глядя на темнозеленые сгустки, она пыталась пофантазировать, вообразить под ногами леса, ну пусть не совсем такие, как на Земле, но где все же можно будет поваляться на траве, бездумно глядя в чистое небо. Девушка хорошо понимала, что желание это несбыточное, что ничего подобного на скованной холодом планете их ожидать не может.

Штурман еще несколько раз попробовал соединиться с Бурдиным. Командир не отвечал.

На высоте трех тысяч километров от поверхности Урана автоматически раскрылись парашюты, хотя давление атмосферы едва достигло одной пятидесятой миллиметра ртутного столба: сказалась громадная скорость падения.

Куполы из золотистой металло-керамической ткани, которую не лишали эластичности даже самые низкие температуры, заслонили собой черное небо с россыпью немигающих созвездий.

Потянулись долгие часы падения. Ремни парашютов все сильнее давили на тело, звезды стали растворяться в густеющей зеленой дымке. Лобанов отмечал по приборам убывающую высоту и напряженно вглядывался в цветную мозаику под ногами. Красные пятна отодвигались в сторону. Парашютисты мчались в зеленую бездну, раскрашенную синими и фиолетовыми прожилками.

Скорость падения уменьшилась до одного километра в секунду, до пятисот метров, до двухсот, до пятидесяти... Две с половиной тысячи километров промахнули быстро. Дальше атмосфера стала заметно плотнее. От резкого торможения начала приливать кровь к голове, к сердцу. Светлане сделалось нехорошо, она стиснула зубы, но не сумела сдержать стон. Помочь ей Игорь все равно не мог и не следовало его беспокоить. Девушка выключила радиосвязь. Она дважды теряла сознание, а приходя в себя, плакала. Ремни парашютов, казалось, разрывают тело на части. А падение все продолжалось, ему не было видно конца, и

Светлана ждала, когда последний раз потеряет сознание, чтобы больше не прийти в себя.

Но вот с высоты ста пятидесяти километров скорость падения сделалась постоянной: четыре метра в секунду. Светлана отдышалась, включила радиосвязь. В наушниках послышался взволнованный голос Игоря:

— Светлана Владимировна, почему вы молчите? Светлана Владимировна!

— Я вздремнула немного.

Несколько минут длилось недоверчивое молчание штурмана.

Потянулись часы почти неподвижного висения в воздухе. Захотелось пить. Светлана включила синтезатор, приготовляющий воду из жидкого кислорода и жидкого водорода. Из резинового соска девушка стала с жадностью глотать подогретую влагу.

На всем пути через атмосферу Урана они не заметили ни признаков воздушных течений, ни восходящих или нисходящих потоков. Разноцветные многоярусные облака висели в мертвой неподвижности. Облака состояли из кристаллической пыли, мельчайших льдинок замерзших газов—водорода, метана, азота, а может быть и других, которых не смогли обнаружить спектроскопы земных обсерваторий.

Парашютисты иногда попадали в эти облака, тогда вокруг них возникали вихри потревоженной кристаллической пыли.

До поверхности оставалось еще не меньше десяти километров, но падение почти совсем прекратилось. Куполы парашютов обмякли, стропы ослабли. Игорь первым стал различать под собой белое, колеблющееся дно. Оно не было морским, однако не походило и на твердую земную поверхность. Плотность атмосферы не достигала плотности воды, а вместе с тем взмах руки встречал заметное сопротивление.

Игорь поднял голову, посмотрел на обвисшие края своего парашюта.

— Так мы целую вечность до поверхности не добьемся, — проворчал он.

— А что вы предлагаете?

Вместо ответа штурман расстегнул лямки парашюта.

— Игорь Никитич, не выдумывайте! — испугалась Светлана.

— Нам не привыкать, Светлана Владимировна!

Поколебавшись немного, ибо все-таки неизвестно, какими сюрпризами может его встретить Уран, Игорь выпустил лямки из рук. Беспорядочно перевертываясь, тело штурмана устремилось вниз, к белому мерцающему дну.

Техникой затяжных прыжков Игорь владел в совершенстве. Ему не составило большого труда придать себе в воздухе устойчивое положение. Падал он здесь во много раз медленнее, чем на Земле.

Внизу все отчетливее открывалась белая ровная поверхность. Игорь коснулся ее ногами. Толчок был едва ощутим; ноги по колено ушли в мягкий снежный покров, который издал противный звук, похожий на хруст крахмала. Лобанов набрал горсть этого вещества и поднес к скафандру. С ладони сыпалось что-то похожее на соду

— Алло, наверху, как дела?

— А вы уже на ногах? Что там?

— Экстракт молочного киселя. Можете пикировать без опасения.

— Лечу-у!

Девушка падала, беспомощно размахивая руками и ногами, то головой вниз, то спиной. Она сбила с ног Игоря, который пытался поймать ее в воздухе.

— Где ваш молочный кисель?

— Угощайтесь, — Лобанов сделал широкий жест рукой.

— Это замерзшая углекислота, — пояснила Светлана, — но не чистая, а с примесью еще каких-то газов.

— Естественный погреб для хранения мороженого. — Штурман взглянул на термометр. — Минус сто восемьдесят один градус. Каков морозец, а? Но мне так жарко, что хоть раздевайся.

— Попробуйте, если хотите украсить Уран своим ледяным изваянием.

— Бр-р-р! Не хочу!

Молодые люди стояли, озираясь по сторонам. Штурмана смущала плохая видимость. На расстоянии двухсот шагов снежный покров уже сливался с мерцающей искорками зеленой зыбью. Как тут разыскать ракетоплан, если он остался целым? Игорь посмотрел вверх. Крошечный диск солнца скрылся за плотной, хотя и прозрачной занавесью. Вверху застыло размытое солнечное сияние. Внизу были сумерки.

— Что же, — спросил Игорь, — будем ждать появления Ивана Нестеровича или сами отправимся на поиски?

— Какой смысл бездействовать? — отозвалась Светлана. — Если ракетоплан совершил благополучную посадку, Иван Нестерович не решится отойти далеко от машины и оставить ее без присмотра. И вообще эта местность мало пригодна для жилья. Надо найти что-нибудь поближе к солнцу, разыскать какую-нибудь пещеру.

— Вы правы, Светлана Владимировна. Выбирайте направление.

— Направление?

Действительно, в какую сторону им следовало двигаться? У них не было никаких ориентиров. Существуют ли горы на Уране? Можно ли надеяться снова увидеть солнце? Ответить на эти вопросы не могли ни Светлана, ни Игорь. Однако они продолжали состязаться в проявлении оптимизма и долго спорили над тем, какая сторона имеет преимущество: правая или левая.

Направление выбрали наугад. Шансы на встречу с Бурдиным, если у того откажет радиосвязь, сводились к нулю. Спасти могла только счастливая случайность. А расчет времени, втайне друг от друга произведенный Игорем и Светланой, говорил о том, что при всех обстоятельствах, исключая самые чрезвычайные, Иван Нестерович должен находиться в радиусе действия их приемно-передающих устройств.

Игорь шел первым и мурлыкал: «Ой, легка, легка корбушка, плеч не режет ремешок...» Тяжело нагруженные ранцы действительно не очень оттягивали плечи. Почти земное притяжение Урана ослаблялось большей плотностью его атмосферы.

Тем не менее спустя восемь-девять километров пути Светлана начала спотыкаться от усталости.

— Выпустить шасси! — скомандовал Игорь. — Идем на посадку!

И первым плюхнулся в снег на спину, разбросав руки в стороны. Рядом легла Светлана. Лобанов тайком оглянулся на глубокий след, оставленный в белом покрове. Да-а... много так не пройдешь. В одиночку-то он бы еще побродил, а вот...

Штурман взглянул в лицо девушки. Глаза Светланы были закрыты, она спала, сломленная длительным физическим и душевным напряжением. Игорь тоже закрыл глаза.

Молодые пришельцы с Земли спали на хрустящей морозной постели. Теплонепроницаемые космические костюмы надежно ограждали их от холода, который мог бы убить мгновенно, коснись он обнаженного тела. Спали крепко, без сновидений — так велика была усталость.

Лобанов первым открыл глаза. Но он ничего не увидел. Он чувствовал, что моргает веками, что его глаза открыты, и тем не менее перед ним была совершенно непроницаемая мгла. Игорь похолодел от страха: слепота! Потеря зрения... Как это могло случиться? Неужели костюмы не уберегли их от действия космических лучей? Или виновата эта проклятая планета, обладающая таинственным воздействием на зрение?

— Светлана Владимировна, — неверным голосом позвал штурман, — вы спите?

— А? — голос Игоря в наушниках разбудил девушку. — Игорь? — и вдруг закричала: — Игорь!! Я ничего не вижу. Где вы, Игорь?

Тогда Лобанов догадался включить рефлектор, закрепленный на скафандре. Яркий луч ударил в испуганное лицо девушки с расширенными от страха глазами.

— Фу ты, — облегченно вздохнул штурман, — и перетрусил же я, однако. Так это всего лишь обыкновенная урановая ночь.

— Ночь? — Светлана посмотрела вокруг и пожала плечами. — Да нет, это совсем не то, Игорь Никитич. Мы опустились с вами на той стороне Урана, где сейчас день, и длиться он будет еще лет двадцать пять.

— В самом деле. Ну, в таком случае это обыкновенное затмение. Ведь Уран имеет изрядное количество спутников.

— У него целых пять лун. — Светлана помолчала в раздумье. — Затмение, пожалуй, тоже надо исключить. Спутники вращаются вокруг экватора планеты, а она сейчас обращена к Солнцу одним из своих полюсов. Понимаете, что я хочу сказать? Спутники не могут заслонить Солнце.

— И на все-то у вас находятся возражения. В таком случае над нами плавает какое-нибудь плотное облако, Солнышко-то все-таки немножко да пригревает, воздушные течения, значит, должны быть.

— Облако!

— Ну, конечно.

Светлана подняла голову. Луч рефлектора вонзился в темное небо, ушел вверх расходящимся веером. Нижние слои атмосферы в его свете переливались яркими стеклянными искрами, но чем выше, тем мутнее становился их блеск. Увидеть, чем заслонен солнечный свет, ей, разумеется, не удалось. Светлана покачала головой и перевела глаза на своего спутника. Штурман принялся напевать песенку про капитана, который объездил много стран и нигде не унывал. Нет, рядом с таким человеком, как Игорь, девушке нечего было бояться, даже... даже смерти.

Но, подумав о смерти, Светлана поежилась. Умирать ей вовсе не хотелось.

— Итак, начался седьмой час нашего пребывания на Уране, — сказал Игорь, взглянув на часы в кармане ранца. — Что же, тронемся, Светлана Владимировна?

Они попрежнему пошли наугад, совершенно не представляя, что их может встретить впереди. Штурман понимал одно: оставаться без движения среди этого мертвого, погруженного во мрак мира, значит — отдать себя во власть отчаянья. Бездействие лишает воли к жизни, а жить он тоже хотел.

Здесь он чаще вспоминал Олю, девушку с продолговатым смуглым лицом и миндалевидными строгими глазами. Штурман тосковал по ней. Будь его спутником кто-нибудь из товарищей-пилотов, он бы не выдержал и поделился своей тоской, но Светлана сама нуждалась в поддержке.

Движение не позволяло страху взять верх над природным оптимизмом Лобанова. Движение означало жизнь. Штурман шел первым, разбрасывая своими сильными ногами белый порошок, приминая его и облегчая тем самым дорогу Светлане.

Час проходил за часом, вокруг было темно, темнее, чем в наглухо закрытом погребе. Даже выдавшему виды Лобанову стало не по себе. Лучи двух мощных рефлекторов достаточно ярко освещали белый наст на расстоянии тридцати-сорока метров, но дальше и кругом все было словно пропитано черной тушью. Белая пустыня, удручающая своим однообразием, и вечная ночь — что может быть хуже?

— Сильная тучка, — время от времени поглядывая вверх, повторял Лобанов. — Ничего, нас этим не проймешь. Правда, Светлана Владимировна?

— Точно!

Светлана немножко поотсталала, чтобы штурман не заметил, как вздрагивает от страха все ее худенькое тело. Лобанов видел, что Светлана начинает утомляться под тяжестью ноши. Ранец все ниже пригибал ее к снежному покрову. Бросить груз нельзя: в ранцах и без того скромный запас воды и кислорода. Спешить было некуда, поэтому Лобанов заставлял свою спутницу делать возможно частые передышки.

Тьма разомкнулась так же внезапно, как и наступила. Скучный солнечный свет показался путникам необычайно ярким, праздничным. Они закричали «ура!», замахали руками. Игорь попробовал даже заплясать, но тяжелый ранец, плотная атмосфера и рыхлый порошок под ногами не позволили ему сделать этого. От его беспорядочных движений взметнулась туча белой пыли.

На сердце у обоих стало легче. Теперь они зашагали веселее, заторопились. Куда? Лучше было не задаваться таким вопросом.

— Кажется, ваше предположение ближе к истине, — сказала Светлана. — Над нами плавает что-то светонепроницаемое и притом солидных размеров.

Шли след в след, впереди попрежнему Игорь. Поэтому он первый заметил вдалеке отблески света, отраженного какой-то гладкой поверхностью.

— Не лед ли там? — спросил он.

— Все может случиться.

Но это оказался не лед. Подойдя ближе, они увидели каемку берега. Голубая прозрачная поверхность лежала у их ног. Светлана сделала шаг вперед. От прикосновения ее ноги всколыхнулась и тотчас же замерла жидкость, совсем как вода, только более тяжелая.

— Кислород! — девушка оглянулась на Игоря. — Озеро жидкого кислорода.

— Скорее море, — возразил штурман, — а то и океан.

— Да, — согласилась ассистентка, — пожалуй, что океан.

Штурман включил рефлектор. Луч вошел в голубую пропасть, как в стекло необычайной чистоты. Кислородное море походило на бесконечную грань топаза, до того красивое в своей прозрачной голубизне, что путники долго стояли, не сводя с него глаз и забыв о своем невеселом положении.

Потом они долго шли вдоль берега, устав, сели спиной

к белой пустыне и лицом к ласкающему взгляд удивительному морю.

— Все-таки это мир чудес, — сказала Светлана, — пусть неподвижный, холодный. Но он вышел из-под руки все того же великого мастера — природы.

— Да-а... — протянул Игорь, — будет что порассказать братьям-летчикам. Рты разинут, честное слово.

Напоминание о Земле отвлекло Светлану от созерцания кислородного океана, в котором, может быть, уместятся все океаны земного шара. Молодые люди с молчаливого согласия поднялись на ноги и тронулись в путь.

Неожиданно Лобанов, шедший впереди, заметил на снегу какую-то темную вещь. Он нагнулся и поднял круглую металлическую коробку.

— Что это? — спросила поравнявшаяся с ним Светлана.

Коробка размером с консервную банку оказалась довольно массивной. На одном торце ее выступала короткая трубка, сбоку имелась скобка, которая при нажатии уходила внутрь, и замок, очевидно, для крепления коробки к ремню.

Светлана взяла находку и тоже стала ее разглядывать. Пальцы девушки нажали скобку. Случилось совершенно невероятное: невидимой силой Игоря подняло в воздух и отбросило метров на пятьдесят в сторону. Он потерял сознание. Снять с него скафандр и расстегнуть космический костюм было невозможно. Светлане пришлось пассивно ожидать, пока Лобанов не придет в себя сам.

Минут через сорок у штурмана появились признаки жизни.

— Фу ты, как встряхнуло, — тяжело дыша, проговорил он, — похлеще, чем столкновение с метеоритом. Честное слово!

Теперь они изучали коробку с большей осторожностью.

— Как странно... — Светлана задумалась. — Действие коробки напоминает то удивительное торможение, которое испытал ракетоплан. Что за сила в ней скрыта?

— Меня прежде всего интересует, чья это штука. — Игорь настороженно посмотрел вокруг. — Кто же мог побывать до нас на Уране? Нельзя же допустить, что этот мир обитаем.

— Смотрите, Игорь, смотрите!

Поодаль виднелись следы, непохожие на те углубления, которые оставались от ступней космических ботинок, но следы без всякого сомнения человеческие, овальные, шире

у пятки и суживающиеся к носку. Около того места, где Лобанов подобрал коробку, снег был истоптан.

— Искали, — заключила Светлана. — Пойдем по следу?

— Конечно!

Но следы никуда не уводили и ниоткуда не приходили, замыкаясь только вокруг того места, где их заметила Светлана.

— Та-а-ак...—сказал штурман.— Дела-а... Кругом пустыня. И вся поверхность Урана наверняка такая же безжизненная. Но что может быть над нами, откуда мы появились? Как вы думаете, Светлана Владимировна?

— Астероид 117-03, — серьезно ответила Светлана.

— И Иван Нестерович, — добавил Игорь. — Только почему же он не подает нам радиосигналов?

И словно в ответ на вопрос Лобанова в наушниках его скафандра прозвучал странный вибрирующий голос:

— Игорь, Светлана... Игорь, Светлана... Игорь, Светлана...

Лобанов вопросительно посмотрел на девушку.

— Иван Нестерович? — шепотом спросила Светлана.

— Вы же сами понимаете, что нет... Слушаем! — закричал Игорь. — Алло, кто это? Мы слушаем!

В наушниках наступила тишина, а спустя несколько минут тот же голос опять начал повторять: «Игорь, Светлана... Игорь, Светлана...»

— Нас разыскивают по волне, — сказал Игорь. — Что ж, давайте сядем и будем ждать. А коробочку, — он повертел в руках находку, — а коробочку мы на всякий случай припрячем подальше.

И засунул ее в ранец с кислородными баллонами.

II. Немые свидетели

Полтора месяца не прекращались поиски ракетоплана «СССР-118». Полтора месяца пылились рукописи научной работы профессора Чернова, хотя, возвращаясь из наблюдательного корпуса, он часами просиживал над раскрытыми страницами. Стоило ему только опуститься в кресло за письменным столом, как перед глазами появлялась Светлана. Она садилась напротив, Чернов видел ее ласковую улыбку, открытый, наивный взгляд.

Если же ему все-таки удавалось сосредоточиться на ма-

тематических расчетах, среди формул возникало овальное пятнышко астероида.

Поиски «СССР-118» охватывали все большее пространство.

Однажды на экране возникло радужное скопище разноцветных клубящихся полос.

— До Урана добрались, — лицо профессора стало сумрачным, — до края вселенной.

Левой рукой он скомкал лацкан пиджака. Теперь поиски ракетоплана теряли для него всякий смысл. В такую даль от Земли ракетоплан забраться уже никак не мог. Чернова не взволновал даже вид незнакомой планеты, которую до сих пор ревниво скрывали от глаз космические просторы.

В сердцах он выключил локатор и долго сидел, положив на пульт стиснутые кулаки, глядя перед собой отсутствующими глазами. Оля — она была здесь — опустила голову.

Прошло еще два дня, и луч «Третьего-бис» снова угодил на Уран. На экране возникла красная холмистая местность. Увеличение было так сильно, что сидевшие у пульта Чернов и Оля Горяева могли видеть изъеденные раковинами скаты холмов. Страсть исследователя удержала руку профессора — уж очень странный вид имела природа этой далекой планеты, погруженной в холод космических глубин.

Повинуясь повороту лимба, на экране передвигались панорамы красных холмов, высоких и низких, но цветом и формами похожих один на другой. Видимо, вся поверхность состояла из однородного вещества.

Холмистая местность внезапно оборвалась, на экране заискрилась зеленая пелена.

— Что это, пропасть? — удивился Чернов и, взглянув на приборы, крикнул. — Пятьсот километров, вот это глубина! Посмотрим, какое у нее дно.

На дне пропасти лежал снег. Луч бежал по снежной пустыне. Там, наоборот, не было ни одного холмика. На протяжении тысяч километров белый покров оставался плоским, нетронутым, неподвижным.

— Миллиметровый диапазон на спектрографию! — приказал профессор.

Снежный покров оказался слоем замерзшей углекислоты. Под ним радиолуч обнаружил лед, уже настоящий, водяной, толщиной в девять тысяч километров. Еще глубже лежала каменная порода.

— Уран! — вырвалось у Алексея Поликарповича. — Залежи урана. Название планеты соответствует действительности.

Слой урана отражал луч, и замерить толщину каменной породы не удалось. Луч возвратился на поверхность снежной пустыни, пересек ее. Снова показались красные холмы, но уже по другую сторону равнины.

— Пропасть кончилась, — констатировал профессор. — Ширина ее такова, что в ней свободно уместится Европа. Попробуем замерить ее длину.

Луч начал скользить вдоль кромки холмистой равнины. А Оле казалось, что она мчится на самолете и через большое окно смотрит на бегущую под ногами поверхность.

— Вот так история! — удивился Алексей Поликарпович. — Мы приехали туда же, откуда выехали. Это, в сущности, целый материк, огромное плоскогорье. Крайне любопытно! А ну-ка, какой его химический спектр?

Спектроскопическое исследование еще больше поразило профессора. Красная порода холмов оказалась дейтерием — тяжелым водородом.

— Настоящая кладовая атомной энергии, — растерянно пробормотал Чернов. — Вот бы показать ее Ивану Нестеровичу. До Урана можно лететь без всяких запасов и там пополнять их. Непостижимо!

Такие красные плоскогорья, размерами в сотни тысяч и миллионы квадратных километров, Чернов обнаружил на далекой планете по всей ее поверхности.

«Да нет, тут что-то не то, — сказал себе профессор. — Какие, к дьяволу, могут быть плоскогорья на высоте в пятьсот километров?»

Сомнения профессора оправдались. Оказалось, что плоскогорья движутся относительно снежной пустыни

— Ба! — совсем удивился Чернов. — Так это же плавающие острова! Острова, плавающие в атмосфере Урана. Вот она, разгадка красных пятен.

Беспокойство за ракетоплан не позволило ему долго задерживать луч на Уране. Луч локатора соскользнул с поверхности планеты и снова принялся блуждать в пространстве.

На следующую ночь после долгих часов безрезультатных розысков «СССР-118» Чернов машинально направил локатор на Уран. Снежная пустыня сделала экран похожим

на белое шелковое полотно. Оно слегка искрилось, но блеск его был мертвым, застывшим.

— Стоп! — скомандовал себе профессор.

На снегу чернели два пятнышка. Пятнышки двигались, оставляя позади себя следы. Алексей Поликарпович начал поворачивать лимб увеличения.

— Да это же люди! — вскрикнула Оля.

— Вижу, девушка, вижу.

Снежный покров помчался навстречу наблюдателям. Оля невольно схватилась за ручки кресла, у нее возникло ощущение, будто весь зал вместе с пультом и приборами стремительно падает и вот сейчас ударится о твердую поверхность.

Да, теперь не оставалось сомнения: по снеговому полю брели два человека. На их головах отсвечивали скафандры, за спинами в такт шагам покачивались ранцы.

Увеличение достигло предела. Люди шли прямо в зал, тревожа своим движением зеленую зыбь, взбивая ногами рыхлый сухой снег. Но вот один из них поднял голову, и Чернов вздрогнул. На него посмотрело усталое лицо Светланы.

— Света!

— Игорь! — крикнула сидевшая рядом Оля.

Алексей Поликарпович, весь подавшись вперед, не отрывал глаз от лица Светланы. И она, казалось, тоже смотрела на него.

— Значит... они... на Уране, — профессор до боли в пальцах стиснул рукоятки управления локатором. — С машиной что-то случилось. — Не спуская глаз с экрана, он нащупал на пульте кнопку включения внешней связи. — Москву, немедленно!

Профессор забыл, что уже поздняя ночь, и рассердился, когда ему не хотели вызвать квартиру заместителя министра.

— Я немедленно вылетаю и через полтора часа буду у вас в обсерватории, — ответил Седых, выслушав взволнованное сообщение профессора.

В четыре часа двадцать минут Седых занял кресло рядом с Черновым, чтобы стать немым свидетелем тяжелого странствия двух членов экипажа «СССР-118». Но в пять утра над путниками повисла громада летающего острова, а в шесть наблюдения вообще пришлось прекратить — Уран скрылся за горизонтом.

Алексей Поликарпович тяжело поднялся на ноги. Ему не хотелось уходить от экрана.

— Куда они идут? — шепотом спросила Оля, поглядывая на заместителя министра. — Что с ними случилось?

— Я бы тоже хотел знать это, — раздраженно ответил профессор.

Он уже мучительно размышлял над вопросом, заданным Олей. Столкновение с метеоритом? Нет, тогда бы погиб весь экипаж. Вероятнее всего, что «СССР-118» совершил вынужденную посадку на Уран; только в этом случае люди могли остаться невредимыми.

Куда идут Игорь и Светлана? Очевидно, они ищут Ивана Нестеровича.

Но Чернова беспокоил и другой вопрос: что вызвало необходимость посадки на Уран? Почему была прекращена погоня за астероидом и, наконец, куда девался сам астероид? Пришельца из вселенной не оказалось в поле зрения локатора.

Профессор пригласил Седых к себе на квартиру. Там, сидя в комнате с распахнутыми настежь окнами, они неторопливо и спокойно прикинули все неожиданные обстоятельства, которые могли вмешаться в погоню за астероидом.

— А вы говорите, никакого чуда произойти не может, — Седых побарабанил пальцами по столу и с упреком посмотрел на стоявшего у окна Алексея Поликарповича. — Если бы «Третий-бис» вступил в строй на полтора месяца раньше, мы бы не выпустили машину Бурдина из виду, знали бы сейчас, какая беда стряслась с ними и какие меры нам следует принять.

Заснуть днем Алексей Поликарпович не сумел. Нервное возбуждение гнало сон. Он понимал одно: с экипажем случилась беда, жизнь самого дорогого ему человека в опасности. Если только Светлана и штурман потеряли ракетоплан, ничто не спасет их. От Земли до Урана долгие месяцы пути, за это время у них кончится кислород, вода, пища.

На следующую ночь в наблюдениях приняли участие Седых и все профессора обсерватории.

— Необходимо разыскать ракетоплан и Ивана Нестеровича, — потребовал Седых.

Алексей Поликарпович, скрепя сердце, оставил Светлану, бредущую за Лобановым, и увел луч в сторону. До самого

рассвета он методично прощупывал снежную пустыню локатором. Раз по ней бродят Светлана с Игорем, значит, где-то там же должна быть и машина. Но даже на видимой стороне планеты пустыня была так велика, что для тщательного ее осмотра требовалась не одна и не две, а сотни ночей.

— Найти ракетоплан нужно во что бы то ни стало, — настаивал Седых. — В ранцах Лобанова и Подгорных кислорода максимум на неделю, а в ракетоплане его шестимесячный запас.

— Вы предполагаете, что они потеряли машину?

— Да, именно этого я и боюсь.

Чернову стало холодно. Он посмотрел на Олю: поняла ли она, о чем идет речь? Девушка сидела внешне спокойная, только нервно покусывала губы. Сварщица очень хорошо знала, что такое кислород.

Профессор вложил в поиски ракетоплана все свое мастерство. Луч локатора прощупывал метр за метром, со сказочной быстротой перепрыгивая через острова и снова ныряя на дно воздушного океана.

Ракетоплана не было...

Отчаявшись, Чернов возвратился к бредущим путникам. Печальные глаза Светланы смотрели прямо в его глаза. Девушка была так близко и... так бесконечно далека от него.

— Что делать? — Чернов беспомощно оглянулся на Седых. — Как помочь им? Ведь мы же не успеем... не успеем...

Заместитель министра хмурился, барабанил пальцами по поручням кресла.

...Светлана закрыла глаза и задремала. Рядом с ней на снегу спал Игорь. В их позах сквозила усталость и обреченность. А люди, сидевшие в зале почти в трех миллиардах километрах от Урана, молча наблюдали за оторванными от родины товарищами.

Близился последний час наблюдений. Над затемненным залом гасли звезды, алел восток. Диск луны становился прозрачным, похожим на круглое облачко.

На экране попрежнему белел снежный покров, на котором спали Игорь и Светлана. Над ними искрилась зеленая зыбь.

Чернов уже собрался выключить локатор, потому что на экран легли тени от земного горизонта, когда в глубине зеленой мглы возникло движение. Вверх побежали

пузырьки, зыбь заволновалась. Все отчетливее проступали три человеческие фигуры.

Сидевшие за пультом замерли.

Широкие плечи неизвестных могли принадлежать только мужчинам. Их одежда не походила на космические костюмы нашего экипажа, походка была странной, раскачивающейся.

Трое приблизились к спящим, постояли, пристально всматриваясь в их лица. Потом один из незнакомцев нагнулся к Светлане, поднял ее и... взмыл вверх. Второй подхватил Игоря.

— А, черт! Что там происходит? — Чернов поспешно протянул руку к лимбу. Но на экране уже все смывалось, быстро темнело. Уран скрывался за горизонтом.

На земном небе светило яркое солнце.

12. В плену у пришельцев из глубины вселенной

Проснувшись, Бурдин долго прислушивался. Из глубины корабля доносились звуки работающих механизмов, раздавались тягучие голоса. Иван Нестерович подошел к двери, толкнул ее. Заперта.

Он прошелся по комнате. Стены украшала богатая художественная роспись. Иван Нестерович увидел пейзажи и сцены из неведомого мира. Прежде всего конструктора заинтересовала сама техника выполнения картин. Тут не могло быть и речи о красках. В то же время это не было и гравюрой. Картины поражали ощущением объема, словно рассматривались через стереоскоп. Они казались не творением рук, а застывшей действительностью.

Бурдин увидел пышную растительность с яркой бордовой листвой. Деревья громадной величины походили на эвкалипты после того, как те сбрасывают кору, — стволы блестяли полированной бронзой. На ветвях густо распустились желтые цветы.

Деревья цвели, они наверняка и плодоносили.

Почва этого неизвестного мира имела красноватый, темнокирпичный цвет, и река, которая извивалась на одной из картин, была тоже красноватой, но прозрачной, и на дне ее лежали обыкновенные, совсем как на Земле, гальки. И небо, земное синее небо, раскинулось над необычным ба-

грязным ландшафтом. В нем светило два солнца — одно большое, раза в два больше земного, второе, наоборот, раза в два меньше, оба ослепительно яркие, молочно-белые.

Преобладание красного цвета среди растительности Бурдин объяснил чрезмерным зноем двух солнц. Листва приобрела защитную окраску, отражающую тепловые инфракрасные лучи.

Еще входя в корабль, Иван Нестерович обратил внимание, что в помещениях, кажется, жарковато. Жители двухсолнечного мира наверняка привыкли к более высокой температуре, чем у нас на Земле. Если в кабине ракетоплана она поддерживалась не выше восемнадцати градусов, то здесь было градусов тридцать-тридцать пять.

Пришлось снять комбинезон. С температурой в каюте вполне можно было мириться.

Бесшумно открылась дверь. Вошел мужчина в тонкой белой одежде. Его остроносое обтянутое лицо было смугло, очевидно, от прожитых лет. Мелкие морщинки бороздили лоб и лучиками расходились от уголков глаз.

Приблизившись к Бурдину, он поднял руку. По телу Ивана Нестеровича пробежал холодок. Длинные тонкие пальцы вошедшего не имели ногтей, ладони почти не было. Бессуставчатая рука свободно изгибалась в любую сторону. Однако она не походила на щупальцы спрута. Нет, пропорции и формы конечностей незнакомца соответствовали самым совершенным человеческим пропорциям и формам, только имели, повидимому, позвонковое строение.

— Саиба, — произнес мужчина, касаясь пальцем своей щеки.

— Бурдин, — Иван Нестерович повторил жест Саибы.

— Бурдин, — проговорил тот чисто и отчетливо. Большие черные глаза пришельца из вселенной уставились на Ивана Нестеровича. Саиба изучал его пристально, сосредоточенно.

Следовало тут же выяснить намерения обитателей корабля, расспросить, почему они держат его, как пленника, а не как гостя. Но конструктор не мог пока придумать средства для переговоров.

Саиба, повернув голову к двери, произнес негромкие тягучие слова, состоявшие почти из одних гласных. Дверь открылась, и вошел другой мужчина, совсем молодой. В руках он держал две серебристые чаши: одну — наполненную плодами, очень похожими на баклажаны, только более

мелкими и совсем черными, вторую с кубиками из студенистой массы.

От чашки с кубиками потянуло острым дразнящим запахом. Рот Бурдина сразу наполнился слюной; Иван Нестерович вспомнил, что не ел больше суток.

Еду поставили на тумбочку.

Голод заставил Ивана Нестеровича сесть за пищу, не ожидая приглашения. Около чашек лежало подобие вилки — кругленький стерженек с двумя острями. Конструктор подцепил сразу три кубика и уже собрался было отправить их в рот, но поймал на себе испытующий взгляд Саибы. Молодой мужчина смотрел на него с нескрываемым любопытством.

Бурдин сдержанно улыбнулся. Ну нет, он вовсе не желал, чтобы его принимали за дикаря.

Иван Нестерович стал разглядывать кубики, подцепленные им на вилку. Не спеша съел один кубик, потом другой, третий.

— Недурно, — похвалил он своих хозяев, — весьма недурно.

Саиба повернулся и медленно вышел из каюты, молодой мужчина последовал за ним. Тогда Бурдин дал себе волю. Сказался не просто голод: основной рацион экипажа «СССР-118» составляли концентраты, тоже вкусные и питательные, но все-таки порядком приевшиеся. А тут были свежие овощи.

Насытившись, Бурдин снова принялся разглядывать пейзажи на стенах. Чем дальше он всматривался в багряные долины с оранжевыми переливами кустарников, тем больше находил сходства с природой Земли. И это наводило на размышления более волнующие, чем если бы сходства не было вовсе. Там, где пейзаж оживлялся присутствием жителей этого мира, особенно разительно выступало единство природы. Значит, в каком бы уголке вселенной ни создавала природа разумные существа, она выбирала для них единственно возможные рациональные формы и создавала единственно возможные условия для существования.

Дважды он ложился, но тут же снова вскакивал на ноги. Мог ли он оставаться спокойным? Прежде всего не терпелось внести ясность в те странные взаимоотношения, которые начали складываться между ним и хозяевами корабля. Не оставалось никаких сомнений, что перед ним

более совершенная техника и, стало быть, существа, захватившие его в плен, стоят на более высокой ступени умственного развития. Однако в понятии Бурдина это соединялось с высшей ступенью общественного развития — коммунизмом. А пришельцы из глубины вселенной вели себя далеко не мирно, в их руках было оружие.

Как же связать одно с другим?

За окном сиял вечный день Урана. Крошечный диск Солнца давал мало света, но кристаллическая атмосфера многократно преломляла его лучи. Красные холмы и зеленое небо с фиолетовыми и синими облаками придавали природе Урана своеобразную красоту.

Каюта находилась довольно высоко. Поверх холмов Иван Нестерович разглядел ракетоплан «СССР-118». Он всматривался в надежде увидеть около машины Лобанова и Светлану. Никто там не появлялся, а если бы друзья и появились, пришельцы из вселенной наверняка доставили бы их сюда на корабль. Стало быть, те блуждают где-то по Урану, расходуя последние капли кислорода.

Иван Нестерович сознался себе, что допустил непростительную оплошность: как только ракетоплан коснулся Урана, следовало включить бортовую радиостанцию и соединиться с Лобановым.

В дверях появился тот же молодой мужчина и знаками попросил Бурдина следовать за ним. В коридоре, образующем овальный туннель, было светлее, чем снаружи. Казалось, что стены сделаны из матового стекла и вокруг них зажжены тысячи электрических лампочек.

Молодой обитатель корабля провел Бурдина до крайней боковой двери. Иван Нестерович очутился в глухой комнате. В ней было так же светло, как и в туннеле. Обнаружить источник света не удалось, и конструктор сделал вывод, что светятся сами стены под воздействием какого-то электрического возбуждителя.

В креслах сидели обитатели корабля. Бурдин насчитал их четырнадцать. Кресла образовывали полукруг перед большой металлической рамкой. Только подойдя к рамке вплотную, Иван Нестерович увидел натянутую на ней тончайшую металлическую сетку.

Его усадили в кресло, стоявшее отдельно впереди полукруга остальных кресел, и надели на голову черное кольцо из пластмассы. Две проволочные нити соединяли механизм, скрытый в кольце, с сеточным экраном.

Иван Нестерович насторожился, опасаясь оказаться на электрическом стуле. Мало ли какой эксперимент собираются проделать над ним эти существа...

Оглянувшись, он увидел Саибу, тоже с кольцом на голове.

— Инооу! — сказал ему Саиба.

— Не понимаю, — Иван Нестерович развел руками.

Саиба сделал знак рукой, и в комнате стало темно. На экране поплыли волны розового тумана, они быстро таяли, и вот возникло четкое изображение ландшафта: белоснежные горы в оборках бордовой растительности, бурный водопад, низвергающийся по золотым искусственным ступеням, дворец из прозрачного молочно-белого камня, пронизанный лучами двух солнц, синее небо с прядями светложелтых облаков.

— Луиада! — трепетным шепотом пронеслось по комнате.

— Луиада... — произнес торжественный, но печальный голос Саибы. Иван Нестерович понял: ему показали Луиаду, планету, с которой прилетел корабль. Он оглянулся, желая увидеть, откуда проектируется изображение на экране. Позади смутно белели лица луриан, стены скрывались во мраке, никакого отверстия с объективом проекционного аппарата в них не было.

— Инооу! — повторил Саиба и пальцем коснулся кольца на своей голове.

«Неужели это изображение мыслей?» — мелькнула догадка у Ивана Нестеровича. Не веря своему предположению, он попробовал вспомнить Варю. На экране заколыхалась розовая пелена и сквозь нее, как сквозь тюлевую занавесь, заулыбалось милое, дорогое лицо. Это было замечательно! Непостижимо, но замечательно! Ничего подобного Бурдин не ожидал. Теперь он понял, чего от него хотят. Его просят показать мир Земли.

Вначале воспоминания были отрывочными, беспорядочными, похожими на кадры из разных кинокартин. По примеру Саибы Бурдин хотел показать сначала внешний облик нашего мира — природу и города. Затем, воображение невольно перенесло Бурдина на завод. Он вспомнил свой просторный кабинет с большим письменным столом. Солнце сверкало в прозрачной панели плексигласа, свет переливался в роскошном чернильном приборе, где четыре девушки-физкультурницы подняли на соединенных руках

мяч-чернильницу. Прибор изготовили и подарили ему ребята из ремесленного училища.

Иван Нестерович прошел по мягкому цветастому ковру и сел в кресло. Ворвался, как всегда нетерпеливый, вечно спешащий Коробов с грудой чертежей в руках. Коробов был ближайший помощник Бурдина, руководивший отделом реакторов.

«Здравствуй, Коробов! — мысленно приветствовал его Иван Нестерович. — Как у тебя с реакторами для «СССР-120»?»

Экран молчал. Но объемность и реальность изображений потрясли Бурдина. От волнения он потерял нить мыслей, и на экране закрубились розовые лохмотья. Потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя и снова сосредоточиться.

Если что-то и не получалось четким, то это он сам. Оказывается, Иван Нестерович плохо помнил свой собственный образ, и его лицо на экране получалось расплывчатым, неопределенным.

Кабинет постепенно наполнялся людьми. Это были в основном те конструкторы и технологи, которых Бурдин больше всего хотел увидеть. Воскресли жаркие споры и диспуты. Вот они, непримиримые братья-близнецы Отаровы, рыжеватые, вспыльчивые, всегда готовые взяться за любую работу! А вот маленький широкоплечий Кленч, скуластое лицо которого в точности выражало его напористый, хладнокровный характер.

В одиннадцать часов конструктор Бурдин отправлялся на совещание к директору завода. Но по дороге он обходил все комнаты конструкторского бюро, останавливаясь у чертежных досок, у счетных машин.

Сколько близких ему лиц увидел Иван Нестерович за десяток минут! И всюду, где он проходил, в окна светило яркое солнце. Солнечный свет лежал на всех его воспоминаниях. Мир Земли предстал перед луианами ярким, многоцветным, движущимся. Бурдин с радостью ухватился за возможность стряхнуть с себя оцепенение, навеянное длительным путешествием среди мглы и кажущейся неподвижности космического пространства.

Изредка в его заводские встречи врвался образ Вари. Из заводууправления Бурдин поспешил в цеха, где на стапелях шла сборка «СССР-120». Но образы на экране

стали мутнеть, беспорядочные волны розового тумана все плотнее затягивали экран.

С Ивана Нестеровича уже снимали кольцо, когда он сообразил, что ему предоставляется возможность попросить помощи для своих друзей, блуждающих по Урану.

— Пойдите! — сказал он, удерживая кольцо и снова усаживаясь в кресло.

Он показал на экране воображаемую картину столкновения с метеоритом, две человеческие фигуры, покидающие «СССР-118», посадку ракетоплана на Уран. И несколько раз возвращался к двум падающим фигурам.

По лицу Саибы скользнула усмешка. Он свысока посмотрел на Бурдина и, ничего не сказав, вышел из комнаты. Иван Нестерович так и не понял, догадался ли Саиба, о чем он просит.

Его провели обратно в каюту и снова заперли.

«Почему меня все-таки изолируют? — недоумевал Бурдин. — Чего они во мне опасаются?»

На втором сеансе Иван Нестерович опять начал было с завода, но за его спиной послышался нетерпеливый говор. Тогда он стал показывать Жерковск, большой промышленный город с людными улицами, тенистыми парками, светлыми многоэтажными зданиями. И дома, и городской транспорт вызвали веселое оживление луиан. «Им это смешно», — подумал Бурдин.

Но вот распахнулся огромный зал Дворца, вместивший пять тысяч человек. Свет хрустальных люстр ослепил самого Ивана Нестеровича. Этот свет отражался в позолоте кресел, в полированном мраморе колонн. Даже зеленый бархат занавеса казался ярким.

К трибуне подошел приехавший в Жерковск член правительства. Весь зал от партера до самого верхнего яруса, аплодируя, поднялся на ноги.

...Иван Нестерович почувствовал, как за его спиной оживление сменилось молчаливым настороженным вниманием.

Возвращаясь в каюту после второго сеанса, он услышал возбужденный говор оставшихся в зале луиан. До его слуха донесся властный окрик Саибы, после чего сразу наступила тишина.

Бурдин стал ожидать третьего сеанса, заранее прикидывая, что следует показать наиболее существенного и характерного из мира Земли. Часы проходили за часами, а его попрежнему не выпускали из каюты.

Тридцатилетний день Урана лишал всякого смысла отмечать чередование земных суток. Иван Нестерович спал, когда клонило в сон, и ел, когда приносили пищу.

Прошло около тридцати часов его пребывания на корабле. Дверь неожиданно распахнулась и Бурдин увидел... Игоря! Оба одновременно ахнули, порывисто обнялись, заговорили разом, разом умолкли, принялись хохотать и хлопать друг друга по плечам.

— А Светлана? — спросил Иван Нестерович.

— Целехонька! Нас, можно сказать, со дна морского извлекли, хотя и не очень любезно. Я начал было отбрыкиваться, так они меня, как дите малое, скрутили. А вы, значит, здесь с самого начала? Кто они такие, Иван Нестерович?

— Луиане.

— Что за луиане?

— Где-то существует Луиада, а где — шут ее знает. Чудес здесь не оберешься. Ты устал, отдыхай.

— Какой тут отдых. Ведь совершенно небывалое совершилось, Иван Нестерович. Будь они марсиане, это еще куда ни шло, а то пришельцы из другой солнечной системы. Разве мы могли мечтать о такой встрече?

— Не могли, — согласился Бурдин.

От сердца отлегло: друзья живы и невредимы. Теперь можно подумать и о другом. Конструктора влекло за двери каюты. Он жаждал осмотреть устройство корабля, познакомиться с работой его механизмов.

После того, как все новости были исчерпаны, Игорь лег на топчан и мгновенно заснул. Когда молодой луианин принес пищу, Иван Нестерович с большим трудом добудился штурмана. Не открывая глаз, тот принялся уничтожать плоды с жадностью проголодавшегося волка. Чашка быстро опустела. Игорь пошарил по ней рукой и, ничего больше не найдя, разомкнул слипшиеся веки.

— А ты кто? — спросил он луианина, принесшего пищу. — Как тебя зовут, геркулес? Не понимаешь? Я — Лобанов.

— Лаоа.

— Ага, Лаоа. Иван Нестерович, слышите? Нашего официанта зовут Лаоа. Садись, Лаоа, потолкуем.

Игорь обнял луианина за плечи. У штурмана был общительный характер, он мог завязывать знакомства с кем угодно и поддерживать беседу на любую тему. За общи-

тельность, за непосредственность Бурдин особенно любил своего помощника. В разговоре Игорь умел располагать к себе собеседника. Видимо, и луианин почувствовал к нему симпатию. Его бесстрастное лицо ожило, посветлело. Но он тут же стал серьезен и жестом пригласил штурмана выйти из каюты. Лобанов вопросительно оглянулся на Бурдина.

— Иди. Мысли твои читать будут.

— Вы не шутите?

— Вот сейчас убедишься.

Штурман возвратился с восторженным лицом.

— Сильно! — сказал он. — Здесь просто чудеса техники. Не понимаю только, почему во время сеанса старики зубами скрипели.

— Скрипели, говоришь?

Заложив руки за спину, Бурдин прошелся по каюте. Остановившись у прозрачной стены, он стал наблюдать за луианами. На площадке перед кораблем шла сборка какой-то машины с высоким цилиндром, без наружных вращающихся частей. Луиане суетились вокруг нее, как муравьи. И вообще они ни минуты не оставались в покое: куда-то уходили, возвращались.

Что же именно не понравилось луианам в рассказах Бурдина и Лобанова о Земле? Почему в их поведении сквозит нескрываемая антипатия? Иван Нестерович много думал об этом, но так ничего и не понял.

Игоря тоже не водили больше в зал с экраном.

На все просьбы Бурдина выпустить его из каюты луиане отвечали решительным отказом. Только Лаоа относился к людям более или менее доброжелательно. Молодой луианин внимательно вслушивался в речь Игоря, глаза его при этом весело поблескивали. Молодость быстрее завязывает дружбу. В Игоре луианин чувствовал что-то родственное складу своего характера. Лицо Лаоа выражало живое любопытство, участие. Но и он на просьбы выпустить из каюты отрицательно качал головой.

Иван Нестерович ограничивался пока тем, что ощупывал стены, ножки каркаса, пытаясь определить, из какого металла они изготовлены; мысленно составлял планировку космического корабля. Часто его охватывало беспокойство за Светлану. На все расспросы Ивана Нестеровича о девушке Лаоа отвечал уклончивым: «Саиба».

— Деспот у них Саиба, — сказал Игорь, — как хан монгольский. Какие планы у вас, Иван Нестерович?

— Планы у меня, Игорь, опасные. Нам дали задание разгадать тайну астероида 117-03. И вот — тайна перед нами. А мы сидим под замком. Если нам и удастся что-то увидеть, мы обязаны возвратиться на Землю, иначе все это не принесет пользы.

— Знаете, кто нам поможет в этом?

— Ну?

— Лаоа.

— Пока на это нет никакой надежды.

— Подождите, Иван Нестерович, подождите.

— Да, но долго ждать нельзя. Неизвестно, как скоро и какая может наступить развязка.

Долго ждать не пришлось. Однажды Лаоа появился в необычное время. В руках вместо чашки он держал знакомое Бурдину кольцо для чтения мыслей, портативную рамку с сеткой и небольшую черную коробку — генератор. Молодой луанин замер в дверях, прислушиваясь, настороженно глядя то на Игоря, то на Ивана Нестеровича. Потом он оглянулся, рядом с ним выросла вторая фигура.

— Иуэа, — Лаоа обнял за плечи своего товарища.

— Будьте как дома, — сказал Игорь, обнимая в свою очередь Лаоа. Бурдин улыбнулся — уж очень живописной была эта троица: земной человек и два луанина.

Лаоа поставил рамку на тумбочку и положил кольцо на колени Ивана Нестеровича.

— Земля, — попросил он.

— Земля, — подтвердил его товарищ.

— А Саиба? — спросил Иван Нестерович.

Вместо ответа молодой луанин вытянул руку в сторону окна.

— Ясно? — Игорь многозначительно поглядел на Бурдина. — Они пришли нелегально. Выбрали время, когда в корабле нет Саибы. Значит, не всем он здесь по душе.

Если Саиба заставлял показывать мир Земли, преследуя свои определенные цели, то Лаоа и его другом руководило чисто человеческое любопытство. Показывал Игорь. Луане увидели стадионы, футбольные встречи, состязания по гребле, прыжки с трамплина — все спортивные увлечения штурмана. Это им понравилось.

На минуту Игорь задумался. На экране возник снежный буран. Бесновалась вьюга среди земной полярной ночи. На снег один за другим опускались реактивные

конвертопланы. Это первые отряды, состоявшие из молодежи, начали решительное покорение климата Арктики.

Сюда летчик Лобанов доставил сварщицу Горяеву, здесь же он с ней и познакомился. Вот она сваривает первые балки будущего атомного каскада, который растопит льды и снега Заполярья.

Ему пришлось лететь с обмороженной Ольгой в Москву. Сколько он пережил в те трудные дни... не за себя, конечно, а вот за нее, Олю.

Работа в Заполярье не прекращалась ни на минуту. В ночи вставал корпус за корпусом. Конвертопланы со всех концов страны доставляли все новые отряды добровольцев, в основном молодежь.

Бурдин искоса наблюдал за луианами. Они превратились в бронзовые изваяния, оба атлетического сложения, с буграми мускулов, с чистыми мужественными лицами. Наверное, такими были гладиаторы древнего Рима. Вот только непривычный вид их конечностей смущал Бурдина.

Утомившись, Игорь снял кольцо с головы. Луиане разом вздохнули и выпрямились.

— Луиада, — Иван Нестерович указал на экран.

Лаоа отрицательно покачал головой.

— Э, дружище, так не годится, — сказал Игорь. — Мы хотим видеть Луиаду.

Лаоа опять покачал головой, лицо стало озабоченным. Но вдруг в глазах его мелькнула догадка. Он надел кольцо. На экране появился ребенок лет пяти, которого поднимал в люк космического корабля взрослый луианин. Ночь, бетонная площадка, огни скрытых в темноте строений — все это было расплывчатым, неясным, как очень далекое воспоминание. Луиане торопливо поднимаются в люк корабля... Стремительный взлет... Исчезающая в пространстве Луиада...

— Они покинули ее в детстве, — догадался Игорь, — и хотят сказать, что ничего не помнят. Иван Нестерович, зачем им потребовалось брать с собой детей, как вы думаете? Ведь получается, что они уже лет двадцать пять колесят между звездами.

— Не меньше, — согласился Бурдин.

— Где находится ваша Луиада?

Лаоа опять не понял. Иван Нестерович попросил кольцо. На экране появилось темное звездное небо. Бурдин указал на голубенькую звездочку:

— Земля, — и спросил: — А Луиада?

Лаоа стал пристально вглядываться в узоры созвездий. Потом его палец протянулся к созвездию Большого Пса и указал на Сириус, звездочку, которая своим то бриллиантовым, то изумрудным, то рубиновым блеском украшает ночное небо Земли. Дивной красоте Сириуса поклонялись древние египтяне, они посвящали ему божественные гимны, веруя, что именно Сириус знаменует собой благодатный разлив Нила.

Расстояние, пред которым пасует человеческое воображение, лежит между Землей и этой звездочкой. Девять лет требуется световому лучу, чтобы преодолеть его. И как Земля вращается вокруг Солнца, так Луиада вращается вокруг Сириуса. Но Луиада имеет и второе светило, огромного раскаленного спутника Сириуса, его меньшего собрата.

— Сириус... Ты представляешь, Игорь, с какой скоростью должны были они лететь, чтобы добраться до нашей солнечной системы за двадцать пять лет? Нашему ракетоплану потребовались бы века. — Иван Нестерович, похрустывая пальцами, прошелся по каюте. — Даже рискуя собственной жизнью, мы должны — нет, мы обязаны! — познакомиться с механизмами корабля.

Беседа прервалась гудением сигнала у входного тамбура. Луиане поспешно покинули каюту.

Спустя несколько часов они вновь появились в каюте. С помощью экрана объяснение между ними и людьми протекало довольно оживленно. Раз услышанное слово запоминалось ими с необыкновенной легкостью. Они обладали, кроме того, несравненно большей логикой мышления, нежели Бурдин или Лобанов. События, возникавшие на экране, осмысливались ими с такой точностью, которая приводила в восторг Игоря, а у Бурдина вызывала чувство уважения.

Конструктор продолжал настойчиво упрашивать молодых луиан выпустить его из каюты, показать корабль. Но Лаоа попрежнему отрицательно покачивал головой, хотя в его глазах Иван Нестерович замечал колебание и неуверенность.

— Момент не подошел, — успокаивал его Игорь, — потерпите, Иван Нестерович. Уж очень они Саибы боятся.

— Саиба... — при каждом упоминании имени своего командира Лаоа сурово сжимал губы, и лицо его становилось непроницаемым.

Тогда Бурдин сделал попытку выяснить, куда и зачем летит космический корабль. Рассказать о Луиаде новые друзья не могли. Они покинули ее в детстве, годы, проведенные в корабле, стерли из памяти воспоминания о родине. Но сам корабль был частицей Луиады. Намерения Саибы раскрыли бы многое. Старту корабля наверняка предшествовали очень серьезные события, иначе зачем было брать с собой детей?

Поняв, чего от него требует Бурдин, Лаоа заволновался. Впервые Иван Нестерович увидел луианина в возбужденном состоянии. Лицо его потемнело, глаза сузились. Вопрос Бурдина задел самое больное место в душе Лаоа. Бурдин это почувствовал.

Лаоа не сразу нашел изобразительное средство для ответа на вопрос. На экране появился дом.

— Дом? — удивился Бурдин.

— Пристанище, — сообразил штурман.

— Постой, — Бурдин поднял палец, — кажется, ты прав.

Они ищут пристанища, но не хотят вернуться на родину. Они сбежали оттуда... Или их прогнали?

— Скорее всего они во-время унесли ноги.

— Лаоа, — спросил Бурдин, — почему бы вам не возвратиться на Луиаду?

Изображенный Бурдиным космический корабль сделал разворот и помчался в сторону созвездия Большого Пса. Глаза луианина стали грустными. Да, конечно, он хотел возвратиться на Луиаду. Лаоа промолчал, вместо него ответил Иуэа:

— Саиба...

— А к нам, Лаоа, на Землю?

Молодой луианин нахмурился, его темные глаза стали еще темнее. Над этим вопросом задумывался на корабле не он один. Несколько минут Лаоа оставался неподвижным, глядя на стену, где среди давно забытой им природы под лучами двух солнц расхаживали его соотечественники. Но разве картины могли заменить реальный мир?

Бурдин залюбовался Лаоа. Крупная и красивая, точно вышедшая из-под резца мастера, голова луианина олицетворяла собой сильный, всеобъемлющий ум. Однако умственные и физические силы луиан дремали, скованные оболочкой корабля, ограниченные тесным мирком, в котором властвовала воля Саибы.

Обитателей планеты с таким жарким климатом и такой

роскошной природой Бурдин представлял себе существами горячими, темпераментными, а эти, на корабле, — сдержанные, с неподвижными каменными лицами, бледные, словно долгие годы находились в тюремных камерах. Да так оно и было. Трудно жить без солнца, хотя бы и на таком совершенном корабле. А Лаоа и не помнит, каким бывает солнце.

Взгляд Лаоа затуманился. Он видел мир Земли, он знал теперь о нем больше, чем о Луиаде, потому что Бурдин и Лобанов в своих рассказах оказались и правдивее и щедрее Саибы.

Молодая натура Лаоа жаждала деятельности, однообразная жизнь на корабле начинала утомлять его. Луиада потонула в непроглядной глубине вселенной, но Земля, странная и удивительно привлекательная планета, находилась близко.

Лаоа резко поднялся на ноги, задышал тяжело и часто, пальцы его зашевелились. Стоя посреди каюты и глядя вверх головы Бурдина, Лаоа отрывисто произнес земные слова:

— Да. Я хочу лететь Земля. Да, да!

— Да! — эхом отозвался Иуэа. И уже тише, почти шепотом добавил: — Уоллиоа неа Саиба...

— Поперек горла им стал этот Саиба, — Игорь ударил кулаком по колену. — Ч-черт!

Иван Нестерович почесал переносицу. И так, Саиба со своими сообщниками сбежал с Луиады, чтобы больше туда не возвращаться. Причиной этому могло быть только очень большое зло, совершенное им против народа. Саиба отвергал и наш мир. Можно было с уверенностью сказать, что именно он или прежде всего он противится полету на Землю.

Стало быть, здесь, на корабле, Бурдин и его друзья находятся среди врагов.

Иван Нестерович испытующе посмотрел на молодых луиан. Можно ли их считать друзьями?

Судить об этом пока было рано.

13. Положение обостряется

Желание во что бы то ни стало увидеть технику луиан лишило Ивана Нестеровича сна и душевного равновесия. Он нервничал, часами ходил по каюте и готов был

решиться на любую крайность. Однако и для крайности случая не представлялось — дверь была крепка, луиане обладали большой физической силой, они имели оружие.

Оставалось ждать, когда обстоятельства сами сложатся благоприятно. Ждать... Но ведь космический корабль не вечно будет торчать на Уране. Лаоа объяснил, что идет пополнение энергии. Машина, установленная на площадке, перерабатывает красную породу в ядерное топливо. Эта красная порода представляет собой замерзший дейтерий, тяжелый водород, с примесью гелия.

Луиане пополняют запасы энергии и... что тогда? Саиба словно забыл о присутствии людей на корабле. Только Лаоа и его товарищ, оставаясь дежурными, тайком заходили в каюту.

Молодые луиане становились все смелее. Наконец они решились привести Светлану. Бурдин схватил ее прямо в дверях, расцеловал в обе щеки, встряхнул за плечи.

— Вот и вы, Светлана Владимировна, — сказал он, — вот и вы.

— Вот и я, Иван Нестерович, — засмеялась девушка.

Она повернулась к Игорю, протянула ему сначала одну руку, потом другую, крикнула:

— А мы еще на вашей свадьбе попляшем, Игорь Никитич! — И закружила его по каюте. Она смеялась от радости, глаза ее искрились.

Бурдин обернулся к Лаоа. На лице луианина застыло выражение горечи, он с жадным любопытством смотрел на раздурчившихся Игоря и Светлану. А когда запыхавшаяся Светлана подошла к Бурдину, Лаоа потупился.

Нет, люди и не подозревали, в какое смятение привели они молодого луианина. Он не знал, что такое ласка. Светлана была первой женщиной, которую увидел в жизни Лаоа. Пусть она не походила на девушек Луиады, так ведь Лаоа и не представлял, какие они.

Бурная радость при встрече друзей явилась для него открытием. Разве под оболочкой корабля, более двух десятилетий блуждающего в мертвом пространстве, могла родиться подобная дружба, дружба, проверенная разлукой и выручкой в беде, скрепленная любовью к родине, готовностью пожертвовать собой ради общей цели?

Он, Лаоа, тоже хотел любви и дружбы, хотя бы дружбы с этими жизнерадостными жителями Земли.

— Ну, вот мы и вместе, — облегченно вздохнула Светлана, не отпуская рук Ивана Нестеровича и Лобанова. — Сколько мы на корабле? Я потеряла всякий счет времени.

— Около четырех суток.

— Правда. А я думала, недели две. Вам-то вдвоем весело, а вот мне какво? Иван Нестерович, что же будет дальше?

— Дальше, я думаю, нам нужно выбираться отсюда. Ого, а какими глазами смотрит на вас Лаоа. Уж не влюблен ли он в вас?

Светлана засмеялась.

— Он угощает меня своими лакомствами, знаете, такими крошечными шариками, которые похожи на шоколад, и во рту от них потом долго-долго бывает сладко. В его обществе мне гораздо веселее, чем одной или вдвоем с Саибой.

— С Саибой?

— Да. Этот противный старик часами просиживает в моей каюте. Придет, сядет и уставится на меня, как на чудо какое.

Бурдин уловил тревогу в голосе девушки. На корабле нет женщин и мало ли какая блажь может прийти в голову жестокому и властному Саибе.

Да и Лаоа...

Бурдин посмотрел на молодого луанина. Ему не понравилось то нескрываемое восхищение, с каким Лаоа пожимал глазами Светлану.

«Сложное положение... — подумал Иван Нестерович. — Будь на месте Светланы еще один Игорь, мы бы сейчас решились, пожалуй, на серьезные действия: попытались бы скрутить этих двух молодчиков, раздобыли оружие. А теперь могут возникнуть такие ситуации, что из них и сам черт не выпутается...»

Бурдин снова взглянул на Лаоа. Да, его чувства, как в зеркале, отражались на лице. Что ж... искренность — качество неплохое. Чутьем человека, достаточно повидавшего на своем веку, Иван Нестерович угадал, что луанина мучает не только проснувшееся влечение к девушке. Нет, переживания Лаоа были гораздо сложнее. Молодость? Избыток сил? Похоже, что и так. Конструктор представил себя на месте Лаоа. Он бы не выдержал и наверняка бы сошел с ума от бесконечного странствования в космосе. А у того в корабле прошло детство, кончилась юность. Это

очень страшно — не ощущать движения, не видеть солнечного света, а главное — не знать, ради чего живешь.

Он, видимо, все отчетливее начинал сознавать безумие затеи Саибы. Лаоа жаждал родины, он хотел большого настоящего дела, приложения своих сил, его деятельная натура все громче протестовала.

— А вы знаете, о чем мы беседовали с Лаоа? — вывел Бурдина из раздумья голос Светланы. — Вот будет сюрприз для Алексея Поликарповича! — девушка запустила руку за борт комбинезона и вытащила небольшой темный квадратик, свободно уместившийся на ладони. — Видите?

— Пока ничего не видим, — сказал Игорь.

Светлана развернула квадратик в одну сторону, потом в другую, проделывая эту операцию до тех пор, пока в ее руках не оказался большой похрустывающий лист черной фольги размерами в половину газетной страницы. Обе стороны листа были покрыты мелкими белыми строчками, формулами и чертежами.

— Что это? — Бурдин прежде всего заинтересовался материалом, из которого изготовлен листок. — Бумага луиан?

— Да, и посмотрите, какая чудесная.

Светлана скомкала лист, сжала его в крошечный комочек, а когда снова развернула, на листе не оказалось ни одной складочки.

— Попробуйте порвите.

— Удивительно, — пробормотал Иван Нестерович. Он сделал попытку надорвать уголок. — А до чего тонок! — Потянул сильнее, но бумага не рвалась.

— Да не бойтесь, не бойтесь!

Бурдин ухватил края листа обеими руками, наклонился, упер левую руку в бедро. Ничего не вышло. Не мог надорвать лист и штурман, который напряг все свои силы.

— И как же на ней писать? — спросил Иван Нестерович.

Светлана снова запустила руку за борт комбинезона. Бурдин увидел в ее пальцах маленький металлический стержень, с одной стороны оканчивающийся острием, а с другой — щеточкой из тончайших металлических нитей.

Девушка провела острием по чистому полю. На бумаге появилась тонкая белая черта.

— А ну-ка!

Бурдин взял у Светланы стержень, осмотрел его. Ни-

какого красящего вещества из острия не выделялось. Очевидно, между острием и поверхностью листа возникала электрохимическая реакция, дающая посветление в месте контакта. Иван Нестерович поскоблил линию пальцем, потер ее согнутым уголком листа — результатов никаких. Стало ясно, что линию уже ничем не сотрешь, что она будет жить, пока будет существовать этот лист бумаги.

Тогда Светлана, поджав губы и хитро поглядывая на конструктора, взяла у него стержень и провела по линии щеточкой. Линия исчезла, словно ее не бывало. Бурдин поднес лист к самым глазам — никаких следов, чистое нетронутое поле.

— М-да, — Иван Нестерович покачал головой.

— Чудеса, — согласился Игорь. — А что здесь написано, Светлана Владимировна?

— Гравитационная теория.

— Вы уже успели заняться исследовательской работой?

— Нет, это уже готовые сведения. Лаоа говорил, а я записывала. Ох, сколько нового, сколько интересного! Как обрадуется Алексей Поликарпович! Ведь механизмы корабля действуют как раз на принципах той теории, которую он разрабатывает. И, знаете, кое в чем мы с ним ошибались. Но все равно у него такая светлая голова. Луиане давным-давно разгадали физическую сущность полей тяготения. Вот посмотрите на эту схему — так они представляют себе строение атома...

Светлана не теряла времени понапрасну. Может быть, она была слабой девушкой, но неутомимым исследователем.

— Луиане научились использовать гравитационную энергию, которая в тысячи раз превышает атомную, — продолжала девушка. — Особые устройства на корабле создают концентрированные гравитационные поля, более мощные, чем поле, удерживающее Землю на орбите около Солнца. Луиане могут сделать свой корабль невесомым, могут притягиваться к любой солнечной системе, к любой планете, или, наоборот, отталкиваться. Вот почему астероид, то-есть этот корабль, летел по прямой. Им ничего не стоило затормозить наш ракетоплан и, даже больше того, остановить атомный распад в реакторе нашего двигателя.

— Пойдите, пойдите, — прервал ее Игорь, — неужели они могут создавать такое поле или такой луч, который вытягивается от одной звезды до другой?

— Нет, конечно. Для этого не хватило бы никакой энергии. Да и к чему это? Ведь вся вселенная пронизана гравитационными полями. Нужно только определенным образом взаимодействовать с ними своим искусственным полем. Ну, что вы скажете?

Светлана засмеялась тихим счастливым смехом.

— Однако молодчина вы, Светлана Владимировна, — не удержался от похвалы Бурдин. — Мы с Игорем все переживаниями занимались, все рассуждали... А вы действовали. Ну и ну.

— Ох, тут такие вещи, такие интересные вещи, — девушка разгладила металлический листок, бережно свернула его и спрятала на груди под комбинезоном.

Тогда Бурдин решительно подошел к Лаоа.

— Веди же, — он указал на дверь. — Ну? Слышишь, Лаоа? Мы научимся строить корабли, как ваши, полетим на Луиаду. Понимаешь, на Луиаду!

Лаоа пристально посмотрел в глаза Ивана Нестеровича. Смутно, не совсем уверенно, луинин догадался, о чем идет речь. Лицо его покрылось белыми пятнами, на минуту он сомкнул глаза и прикрыл их рукой. Потом решительно выпрямился и открыл двери каюты.

Бурдин, Лобанов и Светлана вышли в туннель. Лаоа бросил несколько отрывистых фраз своему товарищу. Иуэа направился к тамбуру и исчез за его люком. Вход в корабль находился теперь под охраной.

Лаоа повел людей вдоль туннеля, открывая одну дверь за другой. Ближе к тамбуру находились жилые помещения — просторные комнаты с узкими нишами вместо шкафов, с ажурными столами и мягкими топчанами у окон. В нишах на полках лежали коробки с непонятными механизмами. Одну такую коробку Лаоа открыл, повернул маленький диск. Послышалась музыка, негромкая и певучая. Первые же звуки ее загипнотизировали людей силой скрытого чувства, непередаваемой торжественностью.

Но Лаоа тут же выключил аппарат. Светлана вздохнула.

В другом шкафу помещалась библиотека, составленная из говорящих коробок. Были в каютах и различные предметы обихода. Все это осматривалось бегло: Бурдин спешил к самому существенному — к двигателю.

Дальше от тамбура в каютах стояли вспомогательные аппараты — для очистки воздуха, выработки кислорода и воды, для обогрева и освещения корабля.

Одно из помещений занимали странные взаимодействующие металлические сосуды, соединенные друг с другом змеевиками. Сосуды размещались рядами, по десять штук в каждом. Ряды ступенями поднимались к самому потолку. На стенах виднелись овальные коробки с электрической аппаратурой. Из них гибкие провода паутиной расходились по сосудам.

— Что здесь? — заинтересовался Бурдин.

Лаоа открыл самый нижний сосуд. Заглянув в него, Иван Нестерович, Игорь и Светлана увидели студенистую массу, из которой готовились кубики — пища луиан.

— Искусственная пища, — первой догадалась Светлана.

— Тогда что же это получается? — удивился Бурдин. — Искусственная пища означает получение искусственного белка. Неужели луиане постигли и эту тайну природы?

— Весьма похоже, — согласился Игорь.

— Доберемся мы когда-нибудь до Луиады, непременно доберемся, — слова конструктора прозвучали с ожесточением. — Я не верю, чтобы в таком мире было место Саибе. Луиада — это много ступеней вперед по лестнице знаний. Луиада — это коммунизм, я уверен.

— Но факты, факты, Иван Нестерович, — Игорь глазами указал на молодого луианина.

— Тут что-то не так...

В конце туннеля Игорь заметил в полу большой круглый люк. Лаоа нажал на стене кнопку. Крышка сдвинулась в сторону. Узкая металлическая лестка вела в нижнее помещение. Светлана уловила цветочный аромат и, присев на корточки, различила пышные цветущие деревья.

— Идемте!

Она первой нырнула в отверстие люка. Люди очутились в благоухающем саду. Почти вдоль всей нижней части корабля росли невысокие деревья с шапками из остролистных ветвей, живо напомнившие Бурдину кавказский самшит. Листья были бордовые, с фиолетовыми жилками. На деревьях цвели белоснежные цветы с длинными лепестками, напоминающие тюльпаны. Распустившиеся цветы чередовались с увядающими. Тут и там на ветвях зрели плоды, превращаясь из белых завязей в маленькие черные баклажаны.

— Вечно плодоносящая космическая оранжерея, — сказала Светлана, с восхищением оглядываясь по сторонам — Ведь это то самое, о чем мечтал еще наш Циолковский.

Почвой для деревьев служила красноватая влажная масса. «Очевидно, один из лучших сортов плодороднейшего краснозема», — подумал Бурдин. Светлана нагнулась, взяла горсть этой массы и положила в карман. Бурдин улыбнулся предусмотрительности девушки. Она думала о будущем, когда и на земных космических кораблях будут созданы оранжереи.

— Хорошо бы отросток такого дерева, — сказала Светлана, — да только сохранить не удастся.

Они снова поднялись наверх. Лаоа открыл торцовую дверь туннеля и пропустил людей вперед. Посреди большого зала с прозрачным куполообразным потолком находились три невысоких цилиндра метров по восемь в диаметре. Цилиндры располагались по углам равностороннего треугольника.

В передней части зала стояло единственное кресло, а перед ним на блестящем металлическом стержне были закреплены овальный щиток с клавиатурой кнопок и телевизионный экран.

Иван Нестерович понял: перед ним моторное отделение с двигателями и центральным управлением корабля.

— Источники гравитонов, — догадалась Светлана. — Вот они!

Лаоа подвел людей к одному из цилиндров и поднял кожух. У Ивана Нестеровича тряслись пальцы, когда он стал ощупывать части двигателя.

Объяснения шли с помощью экрана и металлических листов, заменявших луанам бумагу. Лаоа вычерчивал отдельные элементы схемы двигателя.

С первых же минут объяснения Бурдину стало ясно, что «орешек» ему не по зубам. Здесь требовалось знание совершенно неизвестных ему теоретических основ. Только присутствие Светланы позволило ему разобраться в немногих, многократно повторенных объяснениях Лаоа. Здесь, в моторном зале космического корабля луиан, Иван Нестерович в полной мере оценил способности ассистентки профессора Чернова. Светлана прекрасно разбиралась в сложном взаимодействии телевизионной аппаратуры, составляющей основу управления гравитационными двигателями.

Пока Иван Нестерович и Светлана вникали в схему работы двигателей, Игорь торопливо набрасывал в записной книжке эскизы основных частей, прикидывая размеры той или иной детали.

Но вот Иуэа подал сигнал: Саиба!

В каюте Иван Нестерович стал приводить в систему немного, усвоенное им из рассказов Лаоа. Голова шла кругом! Даже эта короткая вылазка принесла невообразимую массу впечатлений. Бурдин уже представлял себе, с какого конца начать эксперименты, когда вернется на Землю.

С возвращением Саибы в корабле поднялась необычная суэта. Много часов не утихало общее оживление: где-то звенел металл, гудели электрические двигатели, доносился говор, торопливые шаги.

Дверь приоткрылась, в каюту проскользнул Лаоа. Он был смущен и встревожен. Предчувствуя недоброе, Иван Нестерович переглянулся с Лобановым.

— Ну? В чём дело, Лаоа?

Луанин изобразил рукой взлет корабля. Потом он извлек из-под полы небольшой сверток и протянул его Игорю. Это были схемы двигателя.

— Спасибо, друг, за это спасибо. Только как же нам выбраться отсюда?

Не понимая слов, по выражению лиц, по интонациям голоса луанин понял, что беспокоит людей. Он прищурился, сделал успокаивающий жест. Его лицо выражало решительность. На какой шаг отважился Лаоа?

Луанин вышел, дверь захлопнулась. В ту же минуту прозвучал его болезненный крик, а вслед за тем послышался глухой стук упавшего тела.

— Лаоа!!

Бурдин и Лобанов одновременно всей тяжестью своих тел ударили в дверь, но тщетно — здесь прочность была не та, что в ракетоплане.

— Ла-о-оаа-а!

Этот крик донесся из глубины туннеля. Там нарастал шум борьбы. Мимо каюты протопало, прозвенело в одну сторону, потом обратно. Доносились крики уже многих голосов снизу, из оранжереи, и справа, из машинного зала. В корабле шло настоящее сражение. Только, как догадывался Иван Нестерович, Саиба успел разгадать замыслы Лаоа и опередил его.

— А мы как кролики в клетке! — Игорь скрипел зубами, размахивал кулаками и носился по каюте. — Ч-черт! И коробка осталась в ранце. Шляпа! Хоть бы ружьишко

паршивое. И как это мы не догадались взять с собой оружия?

— Мы охотились за астероидом, — мрачно ответил Бурдин, — а не за луианами.

Между тем в корабле наступила тишина. Игорь замер посреди каюты, рядом с ним встал Иван Нестерович. Оба настороженно смотрели на двери. Кто победил: друзья или враги? Если друзья — они сейчас появятся в каюте.

Но время шло. Никто не приходил.

Внезапно пол под ногами Бурдина и Лобанова покачнулся. Чтобы не упасть, они схватились друг за друга. Бросив взгляд на прозрачную стену, Иван Нестерович увидел, как холмистая равнина, покачиваясь, быстро проваливается вниз. Но ускорения почти не ощущалось. Конструктор понял: луиане сделали свой корабль невесомым, и плотная атмосфера Урана выталкивает его вверх, как воздушный шар. Только в верхних, более разреженных слоях атмосферы корабль начнет набирать скорость. Вот что значит иметь под рукой неограниченные запасы энергии!

— Летим! Гады, что они делают? — закричал Игорь.

Космический корабль покидал Уран, унося с собой трех пришельцев с Земли. Иван Нестерович машинально нащупал пакет с чертежами, спрятанными под комбинезоном. Пригодится ли теперь все это? А как же его ракетоплан? Совершенно исправная машина останется здесь без него?..

Сомнений не оставалось: победили сообщники Саибы.

— Жаль Лаоа, — Игорь сжал кулаки и опустил голову. — И помочь не удалось.

Гибель Лаоа оборвала ниточку, связывавшую людей с Луиадой, с дальним, но родственным миром. Теперь предстояла борьба за свою жизнь.

Вернуться на Землю! Вернуться во что бы то ни стало!

14. Схватка с луианами. Конец астероида 117-03

Сколько прошло времени, после того, как корабль покинул Уран, ни Иван Нестерович, ни Лобанов сказать не могли. Они продолжали стоять посреди каюты, готовые пустить в ход кулаки. Другого оружия у них не было.

Холмы сливались в сплошное поле, показались края равнины; она стала походить на большую красную льдину, плывущую среди зеленого океана.

Старт поглотил внимание луиан, они на время забыли о своих пленниках. В корабле раздавались то нарастающие, то утихающие звуки гравитационных двигателей, которые напоминали собой человеческий стон. Голосов луиан не было слышно.

Но вот кто-то коснулся двери, нащупывая механизм замка. Обменявшись многозначительными взглядами, Бурдин и Лобанов встали у косяков. Однако замок нащупывали чьи-то неопытные руки. Чуткий слух Бурдина уловил прерывистое дыхание, торопливые нервные движения. Раздался знакомый щелчок, дверь распахнулась. Мужчины бросились вперед... и вцепились в Светлану!

Глаза девушки горели лихорадочным блеском, щеки были бледны, губы приоткрыты. Дышала она тяжело, ноздри вздрагивали.

— Вы... вы слышали? — спросила она. — Они убили... убили Лаоа.

— Слышали, — хмуро ответил Игорь.

— А я... я, кажется, убила... Саибу.

— Что?!

Конструктор и штурман во все глаза смотрели на девушку. Ее слова показались им совершенно неправдоподобными.

— Он зашел ко мне с экраном, — пояснила девушка, — а когда стал опускать шторы, я... я его этим экраном... по голове.

— Место для удара выбрано правильно, — одобрительно кивнул головой штурман.

— Та-ак... — только и смог сказать Иван Нестерович. — И чего не делают с человеком обстоятельства!

— Когда я шла сюда, — Светлана никак не могла справиться со своим возбуждением, — я никого не встретила. Они... они все по каютам. Мы можем их теперь... по очереди.

— Appetit приходит во время еды, — одобрительно крикнул Игорь.

— Бесстрашие — хороший советник, Светлана Владимировна, — взглядом останавливая штурмана, сказал Бурдин. — Но все-таки нам не справиться с луианами. Они

и физически сильнее нас, и вооружены к тому же. Надо придумать что-то подходящее.

— Идея! — Игорь приложил палец ко лбу. — Честное слово, идея! Нужно пробраться в тамбур. Там остались наши космические костюмы. В моем ранце запрятана коробочка, которую мы подобрали со Светланой Владимировной. Если она цела...

— Идемте! — Светлана шагнула к дверям.

Игорь отстранил ее, выглянул в туннель.

Там действительно никого не было. Гуськом, друг за другом, штурман — впереди, за ним Светлана и замыкающим Бурдин, они стали как можно бесшумнее пробираться вдоль туннеля. Овальная дверь в тамбур виднелась в дюжине шагов от каюты, но людям этот путь показался бесконечным.

Им удалось добраться до тамбура незамеченными. В тамбуре на них пахло холодом. Вторая дверь из него вела уже наружу, в пустоту.

Игорь стал выбрасывать из шкафа костюмы луиан, пока не разыскал под ними костюмы экипажа «СССР-118». Присев над ранцем, он запустил руку в отделение для пищевых концентратов, с минуту оставался неподвижным, на лице его появилось выражение тревоги. Тихо выругавшись, штурман выгреб на пол все содержимое.

— Шарились... черти, — он зло скрипнул зубами. — Теперь, действительно, положение пиковое. Что будем делать, Иван Нестерович?

— Холодно, — поежился Бурдин. — Давайте-ка наденем космические костюмы.

— Пожалуй, в них и драться будет сподручней, — согласился Игорь, — вроде как в рыцарской броне. Да и кулак станет тяжелее. Светлана Владимировна, одевайтесь.

Мужчины стали поспешно натягивать космические костюмы. Светлана приняла от Игоря комбинезон и скафандр. Но сначала девушка решила привести в порядок свою нарушенную прическу. Иван Нестерович видел, как дрожат ее руки, но глаза уже настороженно поглядывают на дверь тамбура, и в них ярость человека, готового постоять за себя.

Космический корабль уже вышел за пределы атмосферы Урана. Планета отодвигалась в пространство, окутываясь сияющим ореолом газовой оболочки. Красные пятна сближались, образуя пестрые полосы.

Из туннеля донесся протяжный крик.

— Саибу нашли, — шепнула Светлана. Она опустила руки с гребнем и сложенные волосы снова рассыпались на ее плечи. Льняная прядь упала на лицо, девушка неторопливо отвела ее. — А знаете, коробки у них работают тоже на гравитационной энергии.

— Сейчас начнется баталия, — сквозь зубы процедил Игорь. Он посмотрел на сжатую в кулак тяжелую рукавицу космического костюма. — Посмотрим, каковы они в драке. А вы, Светлана Владимировна, отойдите подальше, как бы вас случайно не пришибить.

Он быстро надел прозрачный скафандр и несколькими движениями закрепил его.

В туннеле нарастал шум голосов и топот ног. Луиане обнаружили исчезновение людей. Они яростно хлопали дверями, шныряли из каюты в каюту.

Люди прислушивались к этому шуму, застыв в напряженном ожидании. Отвага Светланы сменялась страхом, все более осознавалась безвыходность положения.

Обшарив весь корабль, луиане подошли к тамбуру. Бурдин и Лобанов сделали попытку удержать дверь, но она открывалась автоматически. Бурдина с силой швырнуло в сторону. Игорь успел отскочить, иначе бы угодил под луч гравитационной коробки, направленный в тамбур.

Уверенные в своем превосходстве, луиане полезли в дверь. Игорь нанес короткий страшный удар по голове первому очутившемуся в тамбуре луианину. Тот свалился замертво. Для пришельцев из вселенной это явилось полной неожиданностью. Их бессуставчатые руки были страшны в хватке, но не приспособлены для удара, а черепная коробка более развитого мозга луиан оказалась слабее человеческой.

Второй сделал попытку увернуться от удара Игоря и перехватить его руку. Но кулак штурмана опередил молниеносный бросок нападающего и ударом в челюсть опрокинул его навзничь.

— Так их, Игорь! — закричала Светлана, забыв, что одетые в скафандры люди не слышат ее. — Пусть помнят Лаоа!

Бурдин занял позицию по другую сторону двери. Луианам никак не удавалось нащупать людей смертоносными лучами своих гравитационных коробок.

Тогда в двери ринулось сразу несколько луиан. Один из них тут же встретил кулак Игоря, второго Лобанов уда-

рил ногой в живот, третьего оглушил своим излюбленным приемом — ударом головой в лицо.

Радиоигла скафандра оставила кровавый след на виске луианина.

Иван Нестерович не обладал такой ловкостью, хотя имел изрядную физическую силу. Следующий луианин попал прямо ему под руку. Увесистый кулак Бурдина опрокинул его. Но удар оказался недостаточно отработанным. Сбитый конструктором противник успел схватить его за ногу. Бурдин почувствовал, как на голени сомкнулся стальной обруч. Потеряв равновесие, Иван Нестерович упал. На него сразу же набросились двое.

Игорь поспешил на помощь, но едва штурман показался в просвете двери, как попал под гравитационный луч. Огромным усилием воли ему удалось сохранить сознание. Хватая широко открытым ртом воздух, он даже устоял на ногах. Сквозь кровавый туман в глазах Игорь увидел устремившихся на него луиан. Его кулак раздробил лицо одному из них, но гибкие обручи уже оплели его руки, шею, голову, ноги. Космический костюм мешал луианам сразу же раздавить шейные позвонки человека. Разъяренные, они опрокинули его на пол, навалились на штурмана грудой тел.

Светлана поняла, что пришла ее очередь. Крепче стиснув зажатый в руке скафандр, девушка стала подбираться к месту свалки. Вот она размахнулась и ударила скафандром по голове луианина, навалившегося на Игоря.

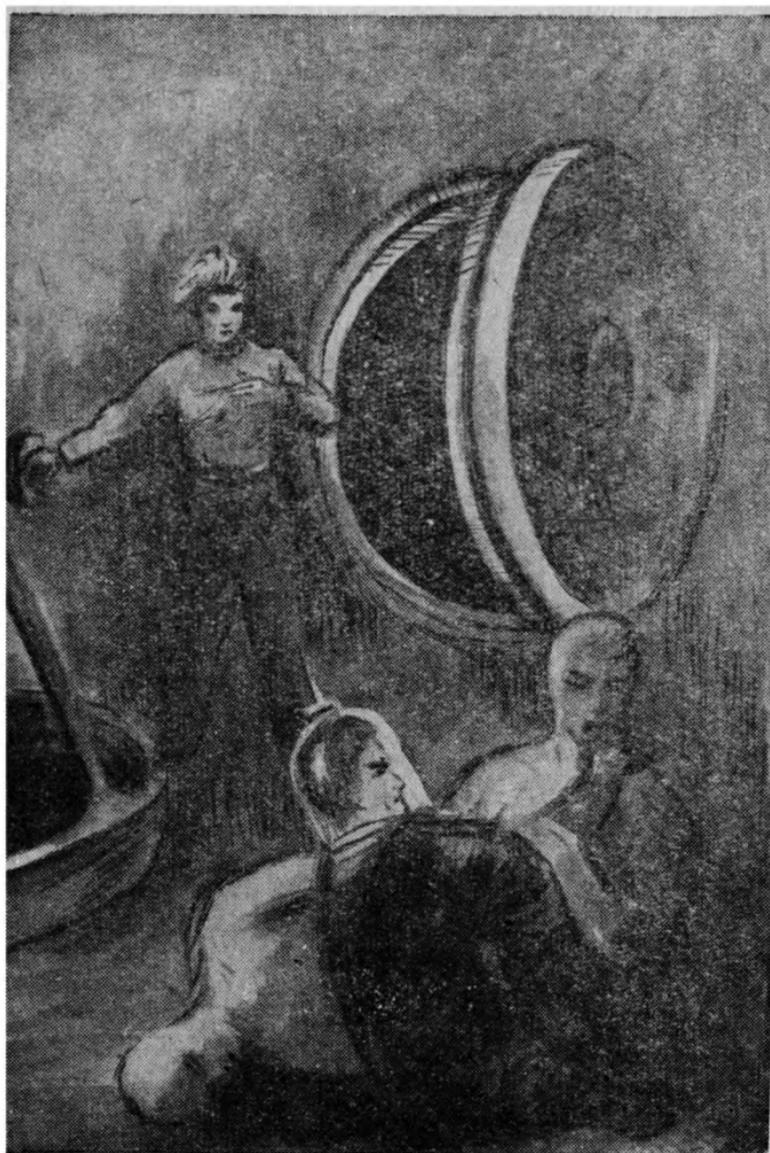
Ее рука, натренированная в игре с мячом, оказалась достаточно сильной, а легкий скафандр был направлен очень расчетливо: жесткий ободок, которым скафандр крепился к костюму, попал в темя. Луианин сразу обмяк.

Повторить удар девушке не удалось. Скафандр выхватили, а сама она была отброшена прочь, ударившись затылком о люк. Она почувствовала во рту соленый вкус крови, тамбур завертелся перед глазами, перешибло дыхание. Упираясь руками в пол, она с большим трудом поднялась на ноги, но чтобы снова не упасть, должна была прислониться спиной к стене.

Ее тело ощутило обжигающий холод металла. Не поворачивая головы, Светлана поняла, что это такое. Нервный озноб медленно пополз по спине, по рукам, сдавил голову

Рука Светланы нащупала рукоятку люка.

И как только ее ладонь легла на шаровой наконечник,

мысли сразу пришли в строгий порядок. Теперь она знала, что ей делать. Крошечный пакетик, спрятанный у сердца, напоминал о себе. Он должен оказаться на Земле, в руках Алексея Поликарповича. Пакетик этот—выполненный долг, это тайна астероида 117-03. Жизнь Бурдина и Лобанова была в ее маленькой руке, лежавшей на шаровом наконечнике. Медлить она не имела права.

Светлана не колебалась, не отдавалась воспоминаниям, не позволила себе о чем-то пожалеть и ужаснуться тому, что хочет сделать. Только на секундочку вспомнилось ей то солнечное утро старта, когда она увидела в глазах Алексея Поликарповича обращенный к ней вопрос и услышала: «Света, береги себя».

Если бы она могла теперь ответить... Стиснув зубы, закрыв глаза, Светлана с остервенением рванула рукоятку.

Светлану обожгло нестерпимо горячим, но ни вскрикнуть, ни пошевелить рукой она не успела. Смерть от космического холода была быстрее мысли.

И так же мгновенно превратились в перемороженный лед незащищенные тела луиан.

Чтобы выбраться из-под них, Бурдину и Лобанову пришлось потратить немало времени. Прежде упругие, конечности луиан рассыпались теперь под усилием человеческих рук в белый, точно известковый порошок.

Поднявшись на ноги, конструктор и штурман поняли, кому обязаны своим спасением. Светлана стояла у открытого люка. Льняная прядь снова упала ей на лицо. Космический холод не дал появиться на нем выражению физической боли. Точно живая, девушка смотрела на своих друзей, суровая и решительная. Только в уголках ее глаз таилась не то горечь, не то недоумение.

А за спиной Светланы в круглом отверстии люка горели звезды, много звезд—ярких и тусклых, желтых и голубых.

Иван Нестерович расправил онемевшую спину и стал кулаком растирать глаза. Голову разламывало, в висках стучала кровь. Сколько часов проведено без сна, без отдыха? Сорок, шестьдесят, восемьдесят? Бурдин лег тут же около раскрытого цилиндра и, раскинув руки, уснул.

Игорь добрался до кресла, отдуваясь, запустил руку в карман и вытащил фотографию Оли.

— Плохи наши дела, Олюшка, — заговорил он. —

Слабоваты мы оказались, не по зубам нам гравитационная техника. И, согласно законам механики, мчимся мы к черту на кулички, в дьявольское ничто. И не то чтобы твоему жениху было страшновато, но во всяком случае настроение у него не особенно бодрое.

Закончив разговор с фотографией, Лобанов оглянулся на обнаженные части цилиндров гравитационного двигателя. У него пестрило в глазах от сложного сплетения проводов, от многих сотен незнакомых деталей, от бесчисленного количества трубок, катушек...

Вначале, когда пришедшие в себя Бурдин и Лобанов принялись за освоение механизмов корабля, справиться с этим им показалось не так уж трудно, особенно после объяснений Лаоа. Но чем дальше они углублялись в недра незнакомых конструкций, тем все более запутывались. Пояснения Лаоа были очень элементарными, совершенно недостаточными. Тут требовалось глубокое знание теории, которая на Земле только разрабатывалась.

Не хватало Светланы.

— Понимаешь, Олюшка, — снова заговорил Игорь, — такая, значит, история... не сберегли мы Светлану Владимировну, а теперь и завязли. А меньше всего у дела твой покорный слуга — штурман Лобанов. Это ему следовало открыть люк.

Самое страшное заключалось в том, что нельзя было терять времени. Неуправляемый корабль все дальше уносился в космос. Бурдин не мог сказать, остается ли скорость постоянной, хотя ускорения не чувствовал: корабль как бы висел в пространстве. Иван Нестерович рассчитывал на худшее. Но если это так, то пока удастся как-нибудь освоить управление кораблем, не то что Земля, но и Солнце навсегда затеряется в море звезд.

Отдохнув, Иван Нестерович, наверное, уже в сотый раз открыл записи Светланы... Если бы они пояснялись текстом! Светлана записывала пояснения Лаоа языком таких формул, разобраться в которых конструктору Бурдину оказалось не под силу.

Пока он понял только одно: в двигателе происходило расщепление электронов при помощи ядерного топлива. Луиане научились искусно управлять термоядерной реакцией и замедлять ее. Цепная реакция деления атомов урана позволила людям получить термоядерную реакцию, во много раз более мощную. А луиане использовали реакцию

соединения ядер тяжелого водорода для получения гравитационной энергии. Они создали совершенные аппараты, излучающие сверхмощные потоки нейтронов. Эти аппараты могли, вероятно, и поглощать нейтроны на большом расстоянии. Таким способом, повидимому, луиане остановили атомный распад в двигателе «СССР-118». Но это лишь принцип действия. Мало узнать, как получают гравитоны, надо уметь их использовать.

Отчаявшись, Иван Нестерович сделал попытку наугад поработать с клавиатурой кнопок. Он, как начинающая машинистка, нацеливался пальцем то на одну, то на другую кнопку: эксперимент мог привести к неожиданным последствиям, мог кончиться катастрофой, но иного выхода не оставалось. Впрочем, двигатель никак не реагировал на действия людей. Бурдин догадывался, в чем тут дело: сложный по конструкции двигатель луиан должен иметь чрезвычайно простое управление. Все агрегаты на корабле непременно связаны общей автоматической системой. Вмешательство луиан в работу уже включенного двигателя до предела ничтожное.

Однако поймать секрет простоты куда труднее, чем разгадать сложное управление более примитивной машины.

Утомившись, Бурдин и Лобанов бродили по кораблю в поисках пищи. Чудесная оранжерея вымерзла. После того, как люк закрыли и температура в корабле поднялась до нормальной, деревья сбросили листву и быстро высохли. Попробовали сохранить оттаявшие на ветвях плоды, но черные баклажаны гнили. Другие найденные запасы были скудны. Вскоре Бурдину с Лобановым пришлось все туже затягивать пояса.

...Уран остался далеко позади, но в корабле сохранилась нормальная сила тяжести. Несомненно, здесь действовало специальное малое гравитационное поле, предусмотренное луанами для сверхдальних многолетних полетов.

«Да, не очень-то приятно двадцать пять лет подряд то и дело висеть в кабине вверх ногами, без тяжести, — подумал Бурдин. — В будущем и нам без этого малого поля не прожить».

Иногда они надевали космические костюмы и выходили из корабля взглянуть на Солнце. Оно стало совсем крошечным, чуть побольше самой яркой звезды. Еще пятнадцать-двадцать часов полета — и оно станет обычной звездой, звезда эта начнет тускнеть и... исчезнет.

Игорь оказался более стойким, чем Иван Нестерович. Когда голод донимал особенно сильно, он поудобнее устраивался в кресле вынимал фотографию Оли и принимался размышлять вполголоса.

— И вот что меня удивляет, — говорил он, — вселенная возмутительно велика, можно лететь всю жизнь и не встретить ни одной закуской. Но у меня такое ощущение, будто мы мчимся над земной поверхностью. Мои мысли остаются на Земле.

— Не можешь ли ты мысленно зайти в ресторан нашего завода, — предложил Иван Нестерович, — и пообедать за двоих?

— Я это проделывал уже неоднократно, — грустно отозвался штурман, — и не за двоих. Если бы мысленные обеды откладывались в желудке, я бы уже скончался от заворота кишок.

Когда раздался стук в оболочку машинного зала, Лобанов, не открывая глаз, сказал: «Войдите!», а внутренне похолодел. Стучать могли только метеориты. Сейчас последует удар, от которого содрогнется корабль, стены лопнут и... гибель...

Крик Бурдина: «Алешка!» — заставил штурмана открыть глаза. Он подумал, что продолжает спать или бредит. В прозрачную оболочку смотрело лицо профессора Чернова. Игорь вскочил, тараща глаза и отчаянно мотая головой, боясь, что вот сейчас исчезнет, растворится во мгле прильнувшая к оболочке человеческая фигура. Штурмана бросило в жар. Даже настоящее столкновение с метеоритом не поразило бы его сильнее. Он метнулся к оболочке, ударился в нее всей грудью, задышал так, словно взобрался на сотый этаж.

Сомнений не было: профессор Чернов, одетый в космический костюм, находился за прозрачной стеной. Бурдин и Лобанов не сразу поняли его знаки. Алексей Поликарпович просил впустить его в корабль. Бурдин восторженно кричал, Игорь тоже кричал, оба забыли, что остаются неслышанными.

А дальше, в пространстве, виднелся ракетоплан, тускло освещенный неверным светом звезд.

Бурдин и Лобанов, на ходу натягивая космические костюмы, поспешили в тамбур. Распахнули люк. Чернова втянули за руки, повели внутрь корабля. Помогая профессору снять скафандр, Игорь едва не снял с ним и его го-

лову. Сбросили космические костюмы, расцеловались. Алексей Поликарпович настороженно посмотрел вокруг себя.

— А... где же Светлана Владимировна? — спросил он.

Штурман отвел глаза в сторону, Иван Нестерович опустил голову. Они провели профессора в оранжерею. Там среди деревьев с голой шетиной ветвей возвышался холмик из красноватой земли Луиады.

Алексей Поликарпович молча, не дрогнув ни одним мускулом лица, выслушал рассказ Бурдина. Прикрыв глаза ладонью, он постоял над холмиком.

— Нам нельзя больше терять времени, — глухо произнес он. — Горючее на исходе... Нас ждут в ракетоплане.

— Может быть, мы попытаемся разобраться в механизмах этого корабля, Алексей? Здесь имеются самые диковинные штуки, которые имеют отношение к твоей гравитационной теории.

— А если не удастся? Седых категорически запретил рисковать.

Чернов направился к выходу из оранжереи. Поднимаясь по лесенке, он оступился и ударился лицом о перекладку, но не почувствовал боли и даже не стер кровь, выступившую на губах.

В тамбуре Алексей Поликарпович повернулся к Бурдину:

— Она ничего не просила... передать мне?

Бурдин вытащил из кармана пакет с металлическими листками и протянул его профессору. Тот узнал почерк Светланы.

— Нам не удалось разобраться во всем этом, — сказал Иван Нестерович. — Светлана Владимировна много говорила о твоих теоретических работах, она выпытала у Лаоа все, что могло пригодиться тебе.

— Лаоа?

— Да, это был наш союзник и друг среди луиан.

Игорь распахнул люк тамбура, и люди покинули корабль. Спустя несколько минут они были уже в ракетоплане «СССР-120».

— Коробов! — крикнул Бурдин, принимая в объятия своего друга и помощника. — Я был уверен, что ты не усидишь в Жерковске. Но разве ты не взял с собой штурмана?

— Мы полетели вдвоем, — ответил Коробов. — Путь предстоял немалый; пришлось экономить горючее.

Ракетоплан начал разворачиваться. Бурдин, Лобанов, Чернов не сводили глаз с космического корабля луиан. Овальное металлическое тело быстро уменьшалось. Там осталась Светлана. Корабль уносил ее в межзвездные глубины, в бесконечное ничто.

А когда он исчез, прямо по курсу ракетоплана показалась крупная лучистая звезда — Солнце.

Конструктор взглянул на застывшее лицо Чернова. Он знал, какое горе опустошает душу его старого товарища. Но, взглядевшись в упрямый изгиб бровей, Бурдин почувствовал: никаким горем такого человека не сломишь.

Потянулись долгие часы, сутки, недели обратного пути. У главного конструктора было достаточно времени, чтобы заново пережить все случившееся.

Он отправился в погоню за астероидом 117-03, движимый желанием сделать свой ракетоплан еще совершеннее. Но вместо астероида встретился корабль с Луиады, а вместо секрета новой жаропрочной кристаллической структуры — секрет гравитационной энергии. Судьба приоткрыла занавес и позволила Бурдину заглянуть в будущее.

Замечательная техника луиан ошеломила его, смешала мысли. Но секрет остался секретом. Главный конструктор оказался не в состоянии освоить гравитационный двигатель, хотя и понимал его суть.

Техника будущего поколения попала в руки Саибы и его сообщников, но они, изгнанники своей планеты, — существа без настоящего и будущего, а для Земли — уже прошлое. Тайну гравитонов открыли подлинные хозяева Луиады.

Но борьба за гравитационную энергию уже начата учеными Земли. На грани ее открытия стоит профессор Чернов. И разве не ради этого пожертвовала собой Светлана Подгорных?

Время тянулось невыносимо медленно. Все чаще беседовали Бурдин и Чернов, обсуждая наблюдения Бурдина и записи Светланы. Старые друзья жаждали одного — скорее вернуться к своей работе, продолжать вечную и неутомимую борьбу за покорение космического пространства. Они верили в свои силы, верили в безостановочное движение человеческого разума.

Солнечный диск медленно увеличивался в размерах.

— К о н е ц —

СОДЕРЖАНИЕ

1. Астероид 117-03	3
2. Встреча друзей	13
3. Перед стартом	30
4. Ракетоплан «СССР-118» покидает Землю	37
5. Встреча с кометой	48
6. Докатор «Третий-бис» вступает в строй	58
7. Загадка мировых глубин	66
8. Бурдин принимает решение	73
9. Разгадка тайны астероида 117-03	79
10. На Уране	87
11. Немые свидетели	96
12. В плену у пришельцев из глубины вселенной	104
13. Положение обостряется	117
14. Схватка с луианами. Конец астероида 117-03	126

К читателям

Молотовское книжное издательство просит присылать отзывы на книгу и пожелания по адресу: г. Молотов, областной, ул. Карла Маркса, 30.

Борис Захарович Фрадкин

ТАЙНА АСТЕРОИДА 117-03

Редактор *В. В. Воловинский*
Художник *В. В. Каменский*
Художественный редактор *М. В. Тарасова*
Техн. редактор *К. И. Лапрун*
Корректоры *Т. И. Давыдова* и *И. Л. Пархомовская*

Подписано к печати 2/VI 1956 г.
Бумага 84×108¹/₃₂ 2,31 бум. л.
7,57 печ. л., уч.-изд. 8 л.
ЛБ16601. Тираж 30 000 экз. Зак. 181.
Цена 3 р. 40 к.

2-я книжная типография
Облполиграфиздата.
г. Молотов, ул. Коммунистическая, 57.

Цена 3 руб. 40 коп.

